

ПИОНЕР 2

1982

СЛУЖИМ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Гвардии прапорщик М. МАРТЫНЕНКО,
секретарь бюро ВЛКСМ батальона морской пехоты

Надолго запомнится каждому из нас картина учебного боя: пустынный берег Балтики, песчаные дюны, покрытые редкими кустиками, и, как вихрь, врывающийся с моря на побережье корабль на воздушной подушке.

В считанные мгновения рассыпаются по берегу черные фигурки морских пехотинцев — десантники вступают в бой. Ни колючая проволока, ни бьющие с высоток пулеметы и орудия — ничто не может остановить наступления гвардейцев.

Внезапно из-за сосновой рощи показались танки. Стреляя на ходу из пушек, они шли вперед, грозя смять нас грохочущими гусеницами. Но морские пехотинцы не растерялись: меткими выстрелами из гранатометов остановили бронированные машины...

Бой был недолгим: смелые и уверенные действия помогли нам, десантникам, одержать победу в этой учебной атаке, делом доказать, что мы успешно овладели серьезной мужской наукой — умением Родину защищать.

Когда я думаю о том, что лежит в основе этого успеха, вспоминаю не только наши занятия в учебных классах и на полигонах, вспоминаю и пионерскую игру моего детства — «Зарницу»...

Я рос и учился в небольшом донецком городе Славянске. И там, на берегу маленькой речки, среди яблоневых и вишневых садов, мы, разделившись на «северных» и «южных», играли в «Зарницу». Мы искали и находили «пакеты» с боевыми донесениями, «тайными» тропами выходили в тыл «противнику», «строчили» из самодельных деревянных автоматов и пулеметов, захватывали «пленных», штурмовали «города» и старались непременно первыми водрузить красный флаг на известной всем высотке...

Сейчас я с улыбкой вспоминаю эти годы. Игра есть игра. Но именно тогда закладывалось многое — любовь к армии, выдержка и дисциплина, смекалка, честность, взаимопомощь и, что

очень важно, чувство ответственности за свой отряд, дружину, за свою команду — словом, все то, без чего не бывает настоящего воина.

Мы росли. Пионерскую «Зарницу» сменил комсомольский «Орленок». Игра усложнилась, но ее суть осталась прежней: мы учились быть воинами, защитниками родной земли. В школе на комсомольских собраниях мы встречались с героями-фронтовиками, слушали их рассказы о Великой Отечественной войне, о воинском долге, о боевых товарищах. Слушали, загораясь желанием быть достойными героев войны, их подвигов.

Стремление стать сильным и ловким, готовым к армейской службе привело меня в спортивные секции, в технические кружки. Я стал кандидатом в мастера спорта, научился водить автомобиль, бронетранспортер, совершил свой первый прыжок с парашютом, ходил под парусом на шлюпке, греб на веслах.

Похожая биография и у моих боевых друзей-гвардейцев: прапорщика Чугуева, сержанта Станкевича, старшего матроса Шкурдюка, матросов Жукаускаса и Степушенкова. Каждый из них пришел на флот, имея золотой или серебряный значок ГТО, первый или второй спортивный разряд. Каждый стремился в совершенстве овладеть своей боевой специальностью. Мы знаем: без высокого боевого мастерства победа в современном бою невозможна. Как невозможна она без воинской дружбы, взаимопомощи...

Сейчас я секретарь бюро ВЛКСМ нашего батальона морской пехоты. Комсомольская работа у нас и направлена на то, чтобы помочь морским пехотинцам быстрее освоить свою военную специальность, воспитать мужество, стойкость, смелость.

Очень внимательны мы к новичкам — к тем, кто только недавно надел форму морского десантника. Артур Жукаускас до призыва на флот занимался в Вильнюсе в секции каратэ. А вот выносливости, закалки ему не хватало. Трудно было на многокилометровых маршах с оружием, с полной выкладкой идти по бездорожью, через леса и болота.

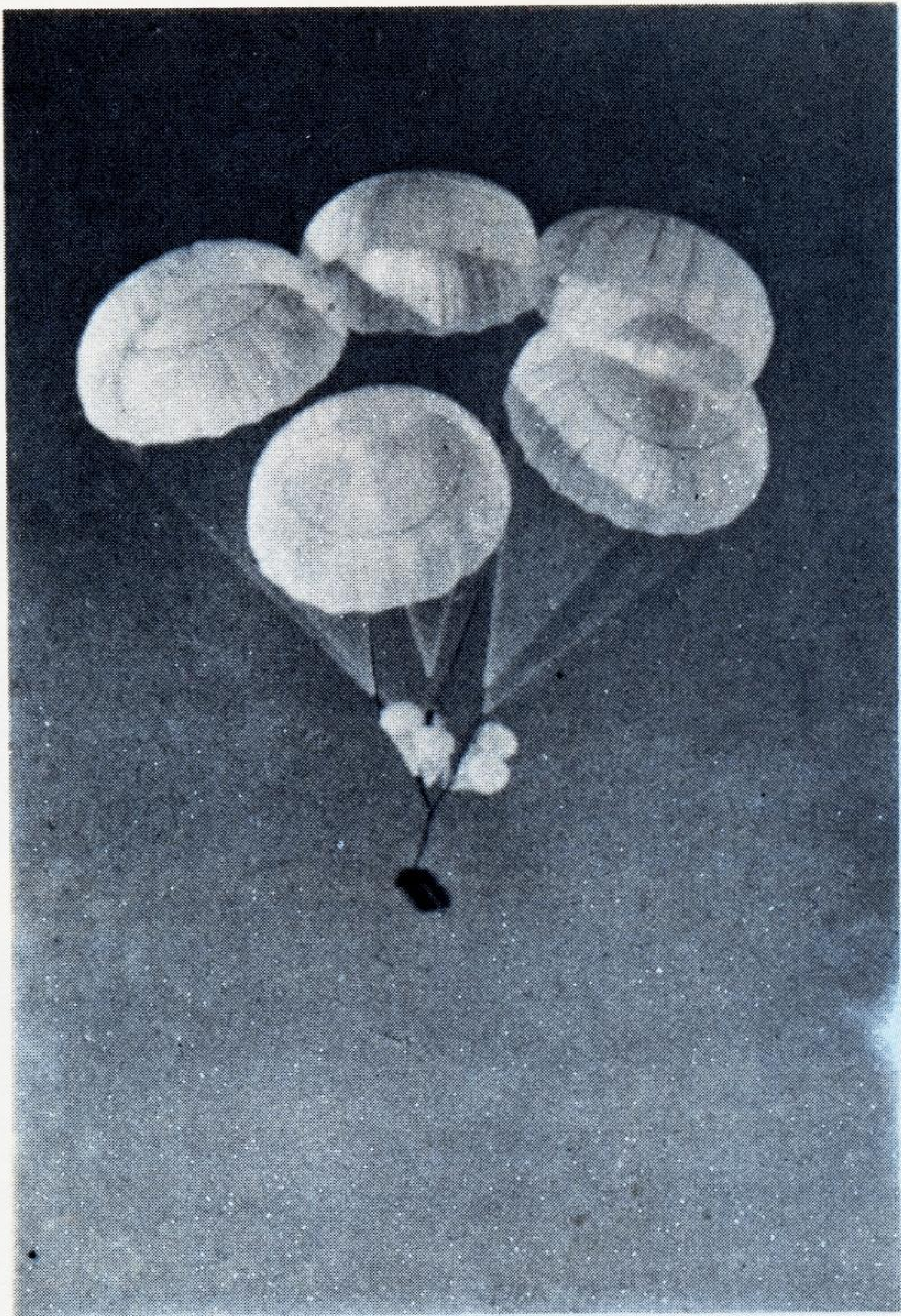
Начались тренировки на выносливость. С Артуром занимались члены бюро ВЛКСМ — старший матрос Владимир Шкурдюк и сержант Александр Атрощенков. Каждое утро и каждый вечер, в дождь и штормовой ветер они вместе пробегали десять километров кросса. И на учениях во время десанта Жукаускас был в первых рядах наступающих. А когда один из пехотинцев подвернул ногу, Артур нес его на плечах, пока нас не догнали боевые машины.

Учения закончились. Гвардейцы стояли в строю, плечом к плечу, как братья,— комсомольцы прапорщик Сергей Чугуев, сержант Виктор Станкевич, старший матрос Владимир Шкурдюк, матросы Артур Жукаускас и Александр Степушенков. На благодарность министра обороны СССР за мужество и умелые действия дружно ответили:

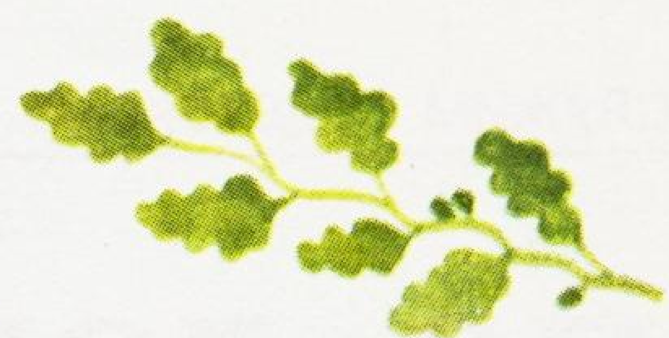
— Служим Советскому Союзу!

Это прозвучало как гвардейская комсомольская клятва — до последнего дыхания быть верными Родине, партии Ленина, умело и бесстрашно защищать мирный труд советских людей.

Дважды Краснознаменный Балтийский флот.

Под куполами огромных парашютов — боевая техника десантников.

Учения войск и флота «ЗАПАД-81»

Полет закончен. Военные летчики вновь на земле — учебное задание выполнено на «отлично».

Идет высадка морского десанта.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

ПО ДОРОГАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Девять дней и ночей на земле Белоруссии и Прибалтики, над просторами Балтийского моря гремели залпы мощных орудий, не смолкал гул танковых двигателей.

Шли учения войск и флота «Запад-81». Учения проходили там, где тридцать шесть лет назад Красная Армия вела ожесточенные бои, завершая освобождение Родины от фашистских захватчиков...

На тех же дорогах, по тем же полям и перелескам двигалась теперь могучая современная боевая техника. В небо поднимались сверхзвуковые истребители-бомбардировщики, просторы Балтики бороздили корабли-ракетоносцы.

Но следы прошедшей войны напоминали о себе ежедневно и ежечасно. Когда на одном из участков мотострелки готовили укрепления для своей роты, они обнаружили полуобвалившуюся фронтовую землянку. Солдаты решили подправить ее и, закончив ремонт, собрались при свете коптилок из снарядных гильз, найденных на земляном полу.

— Запомним сегодняшний день! — негромко сказал командир.— Мы с вами, товарищи, заняли на учениях отцовские рубежи. Нам их держать, охраняя священные границы Родины. Будем же достойны боевой славы отцов!

В тот же вечер молодые солдаты Сергей Макарцев и Вячеслав Стариков написали заявления в комитет ВЛКСМ. Назавтра перед решающим боем их приняли в комсомол.

...Сражение начали войска «Северных» («Северные» и «Южные» — так обычно принято обозначать сражающиеся стороны во время учений). После мощного артиллерийского удара «Северные» перешли в решающее наступление.

Двигаясь за разрывами снарядов своей артиллерии, танкисты прорвали оборону «противника», проникли вглубь и завязали бой. Сквозь огонь и дым жаркого сражения командир одного из танков гвардии сержант Сергей Горбачев успел заметить блеснувшее впереди стальное полотно моста через реку. А чуть дальше — «неприятельскую» батарею, которая разворачивалась, чтобы прикрывать мост. Не теряя ни минуты, экипаж открыл огонь по батарее. Мост был отбит, и рота переправилась на другой берег.

В эти же дни на другом участке «фронта» саперам пришлось действовать в настоящих фронтовых условиях. Они готовились разминировать учебное поле, а обнаружили целый склад боеприпасов, оставленный фашистами во время войны.

— Добровольцы, шаг вперед! — прозвучала команда. И все, кто стоял в строю, одновременно сделали шаг вперед. Навстречу опасности. Боевая задача была выполнена — на многие версты белорусских лесов и полей раскатилось еще одно эхо войны...

Учения продолжались. «Южные» оказывали упорное сопротивление. Сильный противотанковый огонь, удары с вертолетов, контратаки, противотанковые рвы — вот каким серьезным и сильным «противником» были «Южные». И все же «Северные» не отступили от завоеванных рубежей. Они проявили высокую боевую активность — оттеснили оборонявшихся за реку Западная Двина и стремительно форсировали ее. Чтобы завершить успех, в тыл «Южных» был выброшен воздушный десант. Удар с неба оказался внезапным. Он и закрепил победу «Северных».

Во время атаки с неба замечательную выдержку и находчивость проявили комсомольцы-десантники младший сержант А. Упоров и рядовой Л. Маноха. В критический момент, когда купола их парашютов сошлись и погасли, по команде младшего сержанта Л. Маноха выбросил запасной парашют. Оба десантника благополучно приземлились. Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов наблюдал за смелыми действиями воинов в воздухе и после десанта объявил им благодарность. Мужественные десантники, проявившие верность боевым традициям, через несколько дней были награждены орденами Красной Звезды...

Учения войск и флота завершились полевым смотром войск. Советские воины еще раз доказали, что готовы выполнить любой приказ Родины.

Г. КУВИТАНОВ,
полковник.

Переправа через Западную Двину.

Перед вылетом еще раз уточняется маршрут полета.

Боевая техника перебрасывается в заданный район.

Учения войск и флота «ЗАПАД-81»

Танки морской пехоты на пути к берегу.

Фотографии Л. ЯКУТИНА и И. КУРАШОВА.

КОМСОМОЛЬСКО-ПИОНЕРСКИЙ ПОСТ № 1

1418 дней и ночей шла жестокая схватка с фашизмом за нашу великую Победу, за свободу и независимость нашей Родины. Там, где гремели бои, сегодня стоят памятники и обелиски в честь бесстрашных сынов Отчизны.

20 миллионов советских людей отдали жизни в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Среди них — самые юные: пионеры-герои. Четырем из них — Вале Котику, Лене Голикову, Зине Портновой, Марату Казею — посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В память о погибших воинах во многих городах страны горит Вечный огонь Славы. Здесь всегда тишина. Здесь всегда живые цветы. Здесь в почетном карауле стоят часовые комсомольско-пионерских постов № 1, отдавая дань уважения мужеству и героизму солдат Победы, чей подвиг бессмертен.

Первый комсомольско-пионерский пост № 1 был организован в героическом Волгограде. В день солнечный и пасмурный, в день, когда идет про-

НЕ ЛЮБЛЮ СЛОВО «ПОГИБ»

В 1940 году моему дедушке исполнилось двадцать лет, и его взяли в армию. Весело провожали его родные и близкие, не могли даже предположить, что через год начнется война и что дедушка с этой войны не вернется.

И вот — война. Дедушка попал на Западный фронт, под Москву. Стал командиром отделения противотанковых ружей... С фронта он писал домой коротенькие письма.

В августе сорок второго года дедушка получил орден Красного Знамени. В наградном листе записано:

«В боях за период нахождения батальона в тылу у противника с 10.5.42—27.6.42 г. отделение сержанта Драчева уничтожило 4 фашистских танка. Тов. Драчев отлично руководил в бою отделением. Отделение сохранило все ружья».

В том же сорок втором дедушка был ранен и отправлен в госпиталь.

Там он лечился, писал родным в письмах, что рвется на фронт, что мечтает дело Победы довести до конца.

Из госпиталя дедушка был направлен под Харьков и там погиб.

Я не люблю слово «погиб». Я не хочу, чтобы еще раз была война. Я — за мир.

От имени всей семьи Ира ДРАЧЕВА, г. Москва.

МАКУШКА

Моя мама часто вспоминает о войне. Отец ее — он был рабочим — ушел на фронт, а бабушка с тремя

ливной дождь или снег, у Вечного огня Славы стоят в почетном карауле мальчишки и девчонки в красных галстуках и с комсомольскими значками на груди. В руках у них — боевое оружие. Несколько сот тысяч лучших из лучших получили за минувшие годы право стать часовым у Вечного огня Славы. Кому встать в почетный караул, решают комитет ВЛКСМ школы и совет пионерской дружины.

Часовые у поста № 1 ведут следопытскую работу — разыскивают имена неизвестных героев, устраивают встречи с ветеранами войны. Сотни тысяч деревьев посадили они в символическом парке Победы. Красные следопыты записывают воспоминания фронтовиков, пополняя летопись Великой Отечественной войны новыми фактами мужества и стойкости советских воинов.

У поста № 1 проходит торжественный прием в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, в пионерскую организацию. В дни недели Памяти, в канун Дня Победы здесь проходят торжественные линейки, сборы, встречи с героями войны.

В сентябре 1979 года в Пятигорске прошел 1-й Всесоюзный слет комсомольско-пионерских часовых постов № 1. Свыше трехсот пионеров и комсомольцев — представители 78 постов № 1, действующих в разных уголках страны,— пришли на открытие слета к подножию горы Машук, к изображенному на скальном склоне портрету В. И. Ленина. У священного огня Вечной Славы делегаты слета дали клятву быть достойными героических подвигов дедов и отцов.

Комсомольско - пионерский пост — священное место памяти для каждого юного ленинца.

Фотографии В. ГУСЕВА, Б. ЗАДВИЛЯ.

детьми поехала к родственникам в деревню Юрасово Рязанской области.

Тяжелое было тогда время. У бабушки в той деревне жили несколько родственников.

Бабушка остановилась жить у своего свекра — отца дедушки. Первое, что сделали бабушка и мама, это привели дом в порядок.

Настала первая длинная военная зима. Нечем было топить печь, мама с маленькими братьями ходили в лес — собирали ветки.

Однажды мама пошла в лес одна. Там было очень красиво. Светило солнце, искрился снег, зеленели ели. Мама зашла далеко и вдруг увидела еловую макушку — кто-то отпилил дерево, унес его, а макушку оставил.

Мама очень обрадовалась. Она представила, как бабушка разрубит макушку на несколько частей, как будет жарко гореть огонь в печи, а в избе станет тепло и все повеселеют.

Мама стала тащить макушку по снегу. Это было очень тяжело. Снег был глубокий. Но мама все равно тащила. Снег набился в валенки, промокли ноги. Мама ободрала себе руки, но не сдавалась. Целых три часа тащила мама макушку до дома.

Когда она рассказывает об этом, я плачу. Я очень жалею маму. В войну было не только страшно и трудно воевать, но и страшно, трудно жить.

Летом сорок второго пришла похоронка на маминого отца, моего дедушку. Все родственники очень плакали, а бабушка, когда узнала черную весть, шла по полю и голосила. Бабушкино горе было безгранично.

Родственники не оставили сирот. Они стали приносить продукты, молоко. Горе сплотило всех.

Сейчас мама работает медсестрой. Мой папа — врач. Бабушка на пенсии. Живем мы дружно. Я стараюсь хорошо учиться. И еще — я очень люблю свою семью.

Ира СИДОРОВА, г. Москва.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Журавлёнок и молнии

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Кто такие «витязи»?

На остановке было много людей. Когда подошел троллейбус, они разом кинулись к дверям. Но сердитый голос водителя прокричал через динамик непонятное слово:

— Дрынка!

Будто заклинание какое-то. И почти все отступили. Некоторые ворчали. Но Иринка заторопила Журку:

— Пойдем, пойдем, нам годится.

В троллейбусе оказалось много свободных мест.

— Садись к окошку, тебе все видно будет,— предложила Иринка.

Неторопливо — трюх-трюх — троллейбус поехал по бугристому асфальту. Смотреть на незнакомые места было интересно. Сначала Журка видел красивые старые дома, потом за окном потянулся травянистый склон. Журка, выгнув шею, глянул вверх. На крутом холме стояла древняя церковь с облупившейся колокольней...

— Это Макова гора,— сказала Иринка.

— Почему Макова?

— Говорят, на ней раньше маки цвели... А сейчас только одуванчики... Мы зимой здесь на санках и на лыжах катаемся, только с другой стороны, где машины не ходят.

— Хорошая гора,— одобрил Журка.

— А недавно здесь детское кино снимали: про двух мальчиков, которые самодельный самолет построили. Многих наших ребят приглашали на съемки...

— И тебя?

— Да ну... Я и не пыталась. Там не таких выбирали.

— А каких? — удивился Журка и, оторвавшись от окна, взглянул на Иринку.

— Таких... симпатичных. Чтоб смотреть приятно...

«А на тебя разве не приятно?» — чуть не спросил Журка, но смутился и сказал другое:

— В кино всяких людей снимают, не только красавцев. Главное, чтобы талант был.

— Ну да. А если ни таланта, ни внешности?

— Чего ты на свою внешность напустилась? — проговорил Журка с суровой ноткой.— Человек как человек...

— Нет,— вздохнула Иринка.— У меня рот акулий и зубы пилой.

— Какой пилой?

Иринка приподняла верхнюю губу. В самом деле, нижние краешки зубов были скошены на одну сторону и торчали неровно, как зубчики маленькой пилы.

— Ну и что? — сказал Журка.— Это даже... интересно.

— Уж куда как интересно!.. А еще конопушки эти круглые. Не лицо, а божья коровка.

— Да их и не видно совсем.

— Это сейчас не видно, а весной знаешь как...

Журку смущал такой разговор. Но он чувствовал, что Иринка говорит не всерьез. Видно, она просто решила показать: вот, мол, я какая, не жалей потом, что подружился...

Журка хотел сердито сказать, что терпеть не может дамских бесед о красоте. Разве в ней дело? Но в это время троллейбус остановился, двери зашипели, и водитель опять недовольно закричал:

— Дрынка!

— Почему он всех какой-то «дрынкой» пугает? Что за «дрынка»? — спросил Журка.

Иринка широко открыла глаза. Потом охнула и начала смеяться:

— Это он говорит «до рынка». Рядом с рынком троллейбусный парк, вот он туда и едет, потому что работу кончил. А вообще этот шестой маршрут ходит на «Сельмаш»... Нам-то все равно по пути, а другие сердятся. Ждут, ждут, а он... Он: «Дрынка»!.. Ой, ты не обижайся, что я смеюсь.

— Я не обижаюсь,— проворчал Журка.— Просто глупо. Сказал бы по-русски: «Еду в парк, товарищи».

— Тогда непонятно, в какой парк. Может, в парк культуры и отдыха, туда, где мы вчера были. Там у него конечная остановка... Ты обратно на этой «шестерке» до самого дома доедешь.

«Шестерка» снова тряхнулась и поехала.

— Ой, а о чем мы недавно говорили? — спохватилась Иринка.

— О твоих конопушках,— безжалостно сказал Журка.

— Да...— сразу опечалилась она.— И о зубах... Я даже удивляюсь, с чего ты решил со мной познакомиться.

Журка усмехнулся:

— Значит, если знакомишься, надо человеку в зубы смотреть, как лошади? И конопушки считать?.. Ты сказала «пошли», я и пошел с тобой.

— Между прочим, это ты сказал «пошли».

— Между прочим, ты. Я и не мог, я как раз тогда губу облизывал, видишь, на ней трещинка.

— Ну... ладно. Зато ты стал резинкой угощать.

— А ты не отказывалась.

Иринка опять засмеялась:

— Неудобно отказываться. Жевала и страдала.

— Подумаешь, страдала. Вот я сегодня страдал...

— Когда?

— Над молочным супом. Я его больше всего на свете не терплю. Первый раз в жизни до конца съел. Да еще с пе-енками...— Журка передернулся.

— Ой, а почему же ты не сказал?

— В гостях-то!

— Я маме скажу, чтобы никогда больше...

— Не вздумай!.. А то каждый день буду резинками кормить.

Иринка жалобно попросила:

— Только не такими твердыми. А то потом потихоньку я целый час плевалась, когда ты меня по парку таскал.

— Я таскал? Я там и дорог-то никаких не знал! Ты сама: «Пойдем еще куда-нибудь»,— я и пошел...

— Ага! Сам же все спрашивал: «Вон за теми деревьями что? В том домике что? А лодочная станция где?»

— А ты сама: «Хочешь, летний трамплин покажу? Хочешь на детскую железную дорогу?»

— А ты не отказывался...

— А ты...— Журка хлопнул губами, моргнул и заулыбался.— Сдаюсь. Ты меня переговорила. Скоро приедем?

— Уже. Остановка.

Они выскочили из троллейбуса на горячее солнце. Иринка сказала, продолжая разговор:

— Все-таки здорово мы познакомились. Раз — и готово! Я так быстро ни с кем не знакомилась. А ты?

— Я?..— Журка сбил шаг, потом чуть опередил Иринку, ступил на узкий поребрик тротуара, пошел балансируя. И, не оглянувшись, тихо сказал: — Я один раз... Еще быстрее.

Тогда он так же шел по гранитному поребрику у школьного забора... Это было первого сентября, три года назад. Журка очень рано прибежал к школе, знакомых ребят не увидел и стал развлекаться, изображая канатоходца. Потом он заметил, как на узкий гранитный барьерчик шагах в пятнадцати от него встал незнакомый мальчик. И пошел навстречу.

Они сошлись. Теперь все зависело от характера и настроения каждого. Разные ведь бывают люди. Кто-нибудь мог сказать: «Не твоя дорога» — и пойти напролом. Или честно вытянуть руку: кто кого столкнет — как на спортивном бревне. Или просто шагнуть в сторону, обойти встречного и снова встать на поребрик — будто и не было ничего.

Мальчик наклонил голову и глянул из-под светлых прядок немного застенчиво, но весело и как-то выжидающе. Журка, сам не зная почему, тоже нагнул голову и заулыбался. Не сговариваясь, не сказавши ни словечка, они сделали еще полшага и легонько стукнулись лбами. Уперлись ими, как бычки. Журка близко-близко увидел золотистые мальчишкины глаза. Мальчик тоже улыбнулся и тихонько сказал:

— Му-у...

Они засмеялись, взяли друг друга за руки и прыгнули с поребрика. Не выпуская ладошек мальчика, Журка спросил:

— Ты кто?

— Ромка...

Оказалось, он совсем недавно приехал в Картинск, и его записали в эту школу, тоже во второй «В».

Так, держась за руки друг друга, они вошли в класс и сели за одну парту...

— Мы познакомились в одну минуту... нет, за несколько секунд. И потом не расставались целых два года,— серьезно сказал Журка.

— С кем?

— С Ромкой.

— А, я помню, ты говорил... Вы поссорились потом, да? — осторожно спросила Иринка.

— Мы?! — Журка сбился и соскочил с поребрика.— Нет, что ты. Мы никогда не ссорились... Он погиб вместе с родителями. Они поехали в своей машине на Украину и там разбились... В прошлом году.

Дальше они пошли с опущенными головами. Медленно и без всяких слов. Потом Иринка сбоку быстро глянула на Журку. Ей показалось, что своим воспоминанием о Ромке он отгородился, как стеклянной стенкой. Вроде рядом, но все равно один. А она что могла сказать? Ей было жаль и Журку, и незнакомого Ромку, и почему-то себя. И страшновато сделалось: вдруг Журка вздохнет и скажет, что ему расхотелось в кино и он пойдет домой...

Но он тряхнул головой и сказал:

— Ну, где это кино? Далеко еще?

— Нет! — обрадовалась она.— Вон там, за углом. Пошли скорей.

И они опять сцепили пальцы и замахали на ходу руками...

Оказалось, что «Робин Гуда» уже не показывают и на дневных сеансах идет какой-то

«Питер и летающий автобус». Зато у кассы не было очереди. Иринка с Журкой решили, что «автобус так автобус», и купили билеты.

У входа в кинотеатр стояли трое ребят. Стояли расхлябанно, смотрели вокруг не по-хорошему. Сразу было видно, что за люди. Особенно старший, класса из восьмого,— сытый такой, с лицом, похожим на распаренную репу, с волосищами до спины... Чем ближе до них было, тем страшнее делалось Иринке. Одна она не боялась бы, но к таким, как Журка, хулиганы всегда привязываются.

Она шепотом сказала:

— Не пойдем пока. Ну их...

Но было поздно. Все трое уже с ухмылкой смотрели на Иринку и на Журку. Старший, зевнув, сказал:

— Какие красавчики. А?

И тогда что сделал Журка? Он прочно взял ее за руку и повел прямо на этих типов. И они расступились. Правда, один, все ухмыляясь, подставил ногу, но Журка спокойно перешагнул. Иринка тоже перешагнула. Журка повел ее дальше, не оглядываясь. Кто-то из парней грозно, как Змей Горыныч, гыкнул им вслед. Журка провел ее еще несколько шагов — туда, где было многолюдно и безопасно, и оглянулся. Небрежно спросил:

— Больные, что ли?

Потом сказал Иринке:

— Пошли за мороженым.

...Кино оказалось так себе, хотя и фантастика. Но ничего, смотреть можно. Когда вышли на улицу, Журка весело проговорил:

— Вот бы нам такой автобус! Путешествуй по воздуху, и горючего не надо!.. Только скорость маленькая, не то, что у самолета.

— А ты летал на самолете?

— Один раз, на юг...

— У нас в парке, где сейчас площадка для городков, раньше настоящий самолет стоял, Ил-18. В нем детское кино было. Потом его сожгли,— вздохнула Иринка.

— Зачем? — удивился Журка.

— Да ни зачем... Такие дураки, как те, что у дверей торчали... Журка, ты боялся, когда меня мимо них тащил?

Журка шевельнул плечом. Она поняла, что боялся, но говорить про это не хочет. И врать не хочет.

Журка наконец сказал:

— Они только и ждут, чтобы их боялись... Ух, мы в нашей школе дали одному такому! Все лез, лез на маленьких, пока не наткнулся на витязя...

— На кого?

Журка улыбнулся:

— На витязя. Ребят нашего класса витязями называли. Потому что мы, когда еще второклассниками были, сделали себе костюмы богатырей для парада октябрятских войск... У всех там пилотки или бескозырки да бумажные воротники матросские, а у нас шлемы, щиты серебряные, кольчуги... Знаешь, кольчуги отлично получаются из больших авосек, надо только, чтобы нитки были потолще...

— Ой, как интересно! Вы, наверное, лучше всех были, да?

— Ну... в общем, не хуже других. Тридцать витязей прекрасных и с ними дядька Черномор...

— А кто был дядька?

— Конечно, наша Лидия Сергеевна. Специально себе бороду до полу сделала и шлем с якорем на макушке... Только ей, говорят, попало потом за это...

— За что?

— Ну, за все... За Черномора. Директорша ей сказала: «Это же несерьезно. Все учителя на сцене, а вы впереди своих ребят как девчонка прыгаете»... Ей за нас часто попадало. И за ту драку тоже досталось. Но она все равно нам сказала, что мы молодцы...

— В тот раз, когда хулигана отлупили?

— Да... Это в прошлом году было. Его звали Дуля. Он к нашему Вадику Мирохину привязался. Тот над фонтанчиком нагнулся, чтобы попить, а Дуля его бац по затылку... Ну, Вадька губы разбил... Мы тогда встали поперек коридора и стали ждать Дулю. А он большой был, в шестом классе учился. Но мы все равно как навалились! И давай его кедами и сандалетами обрабатывать! Он заревел, дежурные учителя сбежались... Нас потом за это в пионеры не принимали до самого конца учебного года...

— Весь класс?

— Тех, кто не дрался, хотели принять, а мы сказали, что будем вступать только все вместе... Мы всегда друг за друга стояли, нас Лидия Сергеевна этому с первого класса учила.

Иринка сочувственно сказала:

— Наверно, жалко было из такой школы уезжать...

— Да нет... Не очень жалко. Лидии Сергеевны уже с нами не было. В прошлом году в июне мы сходили с ней в поход, а после она уехала из города... А в четвертом классе нас расформировали. Кого — в спортивный класс, кого — в новую школу. Почти не осталось витязей.

— Плохо стало?

— Ну, не совсем плохо, но не так, как раньше... Скучнее. Да и Ромки уже не было.

Чтобы Журка опять не загрустил, Иринка быстро сказала:

— Теперь я понимаю, почему ты такой смелый...

Смелый?.. Нет, Журка не отличался среди витязей смелостью. Скорее, наоборот. Правда, про это «наоборот» никто не знал. Только Ромке он признался однажды, что «жутковато» чувствует себя вечером в коридоре, когда перегорает лампочка или если мама с папой ушли в кино на последний сеанс, а за окнами скребется, как нечистая сила, ветер... Но Ромка — это другое дело. Он все понимал и тоже

Журка сел в траву, положил винтовку, обнял себя за ноги и негромко заревел.

ничего не скрывал от Журки. Только говорил, вздыхая: «Надо нам себя перебарывать...»

Но Журка не умел бороться со страхом, и потому произошел тот постыдный случай в походе.

Ночь стояла пасмурная, кое-где под тучами загорались отблески молний. Страшновато было даже у палаток, хотя рядом находились Лидия Сергеевна и ее муж Валерий Михайлович. А Журке выпало по жребию стоять в карауле у дальней границы походного лагеря. Ему вручили пневматическую винтовку без пуль и велели стрелять вхолостую, если появится что-нибудь подозрительное. Отвели его на место и оставили одного.

Сразу стало тихо-тихо. Все голоса почему-то угасли и отблески костра пропали во мраке. Журка стоял, обмирая и не двигаясь. Наверно, сто часов стоял. И были только тишина и редкие зарницы... Может, ребята незаметно свернули лагерь и ушли, позабыв про Журку? Или вообще уже никого нет на свете, и он один здесь на тысячу верст в округе?

Нет, кажется, не один... Нет-нет! Потому что вон там в траве кто-то зашевелился. Тихо задышал... Мамочка, кто это? Бандиты и грабители? Шпионы? Или вообще что-то мохнатое и непонятное?

Выстрелить?

Но тогда оно — это что-то мохнатое и непонятное — сразу заметит Журку и накинется!

Замереть? Но оно все ближе...

Журка, не дыша, сделал шаг назад, еще шаг, еще... И побежал!

И почти сразу наткнулся на Лидию Сергеевну. Вскрикнул.

Она спросила веселым шепотом:

— Журкин, ты что?

Он вцепился в нее левой рукой (правой держал винтовку) и, вздрагивая, пробормотал:

— Там кто-то шевелится... в траве...

— Где? Ну-ка пойдем.

С Лидией Сергеевной было не страшно. Они прошли вперед, к самой дороге, обшарили кусты.

— Ветерок в траве пошевелился,— сказала Лидия Сергеевна.— Все в порядке.

Тогда Журка ужаснулся тому, что сделал. Сел в траву, положил винтовку, обнял себя за ноги и негромко заревел. Не стесняясь. Потому что все равно с ним было кончено. Если человек струсил и позорно сбежал с поста, что он за человек?

Лидия Сергеевна села рядом.

— Юрик... Журавлик, перестань. Ты же часовой.

— Ну какой я часовой, что вы говорите,— с отчаянием сказал Журка.— Я трус.

Теплые слезы падали ему на колени и щекочущими струйками бежали в сапоги. Журка вытирал их со щек ладонями и галстуком — еще новеньким, но уже слегка прожженным сегодня у костра. Ну и пусть! Галстук все равно отберут за трусость. И правильно сделают.

— Вовсе ты не трус,— возразила Лидия Сергеевна.— Просто немножко растерялся. А потом применил хитрость: отступил, чтобы из укрытия проследить за опасностью.

Он всхлипнул, подумал секунду и сказал с полной беспощадностью к себе:

— Это вы сочинили. А по правде все не так. На самом деле я струсил, и нечего тут говорить.

— Ну ладно,— сказала она и положила ему ладонь на дрожащую спину.— Ты испугался. Но от этого не случилось пока никакой беды, и все можно поправить.

— Как? — с надеждой спросил Журка.

— Очень просто. Никто ничего не знает, кроме нас с тобой. Это наша тайна. Сейчас ты встанешь на прежнее место и достоишь вахту до конца. И не будешь бояться.

— Я достою,— торопливо сказал Журка и вытер о колено мокрый нос.— Я, наверно, буду бояться, но достою, честное пионерское...

И выстоял. Даже не очень боялся, потому что догадывался, что Лидия Сергеевна где-то совсем поблизости. Да и сроку-то оставалось всего ничего. Минут через десять его сменил Димка Решетников, который не боялся не только всяких ночных шорохов, но даже директора школы.

И никто-никто из витязей не узнал, как оскандалился Журка ночью. Даже Ромка. Потому что Ромки не было в этом походе. Он очень просился, но родители торопились на Украину...

Журка не стал, конечно, рассказывать Иринке про этот случай. Когда она сказала, что Журка смелый, это было приятно. Однако для очистки совести Журка отмахнулся и небрежно проговорил:

— Я? Да ну... Всякое в жизни бывало.

Иринка посмотрела на него с уважением, и они зашагали к троллейбусной остановке.

Ночные приключения

Когда Журка пришел домой, отец сказал в пространство:

— Кто-то гуляет, а кто-то, между прочим, весь день скребется, квартиру приводит в божеский вид...

— Это я его отпустила до шести часов,— заступилась мама.— Надо же и отдохнуть ребенку.

— Интересно, от каких трудов,— хмыкнул отец.

У Журки было хорошее настроение. Кроме того, он видел, что папино ворчание не всерьез, а по привычке.

— А что, есть работа? — весело спросил Журка.— Я готов!

— Раз готов, пошли вешать люстру...

Отец забрался на стол и начал отвинчивать пыльный треснувший плафончик, оставшийся от дедушки. Журка держал наготове новый светильник со сверкающим латунным стержнем. Мама протирала большие стеклянные колокольчики — плафоны для этого светильника. Только Федот бездельничал. Он сидел у порога, шевелил кончиком хвоста и пренебрежительно смотрел на всех малахитовыми глазами.

Мама сказала:

— Журка, пора подумать, в какую тебя школу записать. Тут рядом сразу две...

— Не надо ничего думать,— быстро сказал Журка.— Только в четвертую. Она в трех кварталах отсюда, в Крутом переулке. Мама, и попроси получше, чтобы в пятый «А» записали.

— Ты уже с кем-то познакомился?

— Еще вчера...

— В нашем дворе?

— Нет, она не здесь живет. На нашей улице, только в другом конце, где новые кварталы. А школа как раз посередине между нами.

Отец под потолком неразборчиво хмыкнул. И Журка сообразил, что он услышал слово «она».

— Ты чего? — слегка ощетинился Журка.

— Да ничего,— насмешливо сказал отец.

Журка сердито поддал коленкой светильник и спросил, задрав голову:

— Папа... Если тебе так не нравятся девочки, зачем ты с мамой познакомился? Да еще женился...

Мама обрадованно засмеялась. Отец растерянно замер на столе, потом сердито заковырял отверткой и сообщил с высоты:

— Это не я. Это она меня охмурила.

— Бессовестный,— сказала мама.— Сам целыми вечерами торчал под окнами... А кто меня возил за цветами на своем жутком драндулете? Представляешь, Журка, он приезжал на свидания на старом самосвале!

— Мы народ простой,— проворчал отец.— На «Волгах» не ездим. Чем богаты... Юрий, давай люстру.

Через пять минут отец с победным видом спустился на пол и нажал выключатель. Стеклянные колокольчики засияли. Федот одобрительно сощурился на них. Мама сказала:

— Ну вот, совсем другое дело. Сразу обжитой вид...

Журка крикнул «ура» и прыгнул отцу на спину.

— А ну прекрати! Вот фокусы! — закричал отец.— Оглобля такая, а все как в детском садике!

Он всегда так возмущался, когда Журка прыгал на него. Но сперва покричит, а потом несет Журку до кровати или дивана. И только там скидывает: «Брысь!» И Журка весело летит вверх ногами.

Так и сейчас получилось. Отец унес его в маленькую комнату и, тряхнув плечами, сбросил на тахту.

С тахты Журка никуда не пошел. Дотянулся до первой попавшейся книги, устроился с ней поудобнее и лишь тогда открыл темную кожаную корку.

Открыл медленно, со сладким и тревожным ожиданием. Что за этой старой, потрескавшейся кожей? Какие времена, какие люди?

Какие тайны?

Книга называлась «Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год».

«Вот это да...» — ахнул про себя Журка и почему-то сразу вспомнил картину Айвазовского «Девятый вал». Он видел ее однажды в старом «Огоньке» и потом подолгу рассматривал, гадая, погибнут или спасутся люди, плывущие на обломке мачты,— на них двигалась освещенная пробившимся солнцем водяная гора...

Под названием книги Журка прочитал стихи:

Судно по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо:
В шуме их надежд я полн.

Державин.

Журка знал, что Державин — это был старый поэт, которому юный Пушкин читал на экзамене в лицее стихи. (Пушкин тогда очень волновался и даже убежал из зала.)

Журка перечитал державинские строчки, и они ему понравились. Было похоже на «Песню о Буревестнике», которую очень любила мама (и Журка тоже):

Между тучами и морем
гордо реет Буревестник,
черной молнии подобный...

Море словно вздыбило перед Журкой пенные громады. Как однажды в Феодосии...

Белы горы идут мимо,
В шуме их надежд я полн...

В картине «Девятый вал» тоже была надежда: может быть, ревущий гребень помилует потерпевших крушение. Ведь недаром пробился солнечный луч!

На титульном листе тут и там виднелись желтоватые пятнышки — как веснушки. И Журка подумал, что, наверно, это высохшие брызги морских волн.

Журка перевернул страницу и на оборотной стороне листа прочитал: «С разрешения Морского Ученого Комитета. 24 ноября 1855 года. Председатель Вице-Адмирал Рейнеке».

Эта набранная редкими буквами фамилия сразу напомнила Журке другую книгу. Он ее нашел вчера на самой верхней полке. Это было большое альбомное издание старой немецкой сказки про хитрого лиса Рейнеке. Сказка оказалась в стихах, и читать ее Журка пока не стал. Но зато долго и с удовольствием рассматривал большие иллюстрации со всякими зверями — героями книги.

И сейчас Журке показалось, что вице-адмирал Рейнеке был похож на ехидного узколицего лиса. «Наверно, злюка был,— решил Журка.— Небось, лупил по зубам матросов, а с крепостных крестьян в своих имениях драл три шкуры...»

Но он тут же перестал думать о противном адмирале, потому что на следующей странице увидел крупные печальные слова:

Памяти товарища,
лейтенанта
Федора Алексеевича Андреева,
погибшего
на корабле Ингерманланд
31 августа 1842 года.

И понял, что писал эту книгу настоящий моряк — знающий, что такое бури и опасные плавания.

...Журка неторопливо, по порядку прочитал предисловие, список всех погибших судов, узнал, что числа с маленькой буквой «п» означают количество пушек на корабле, а крошечная звездочка перед названием говорит про то, что при крушении этого судна погибли люди.

Названий со звездочкой было меньше, чем без звездочки, но все же очень много...

Рассказ о первом крушении был не очень страшный.

«1713 г. Корабль (50 п.) Выборг. Командир Капитан-Командор В. Шельтинг (Финск. з.) В погоне, с эскадрою Вице-Адмирала Крюйса, за тремя шведскими кораблями, 11 июля, у Гельсингфорса, стал на неизвестный камень, наполнился водою и был сожжен. Командир оправдан в потере корабля, но обвинен в деле самой погони, и за то понижен чином. Государь, Петр Великий сам был в числе судей, по званию корабельного Контр-Адмирала Петра Михайлова».

Журка представил каюту флагманского корабля с коричневыми дубовыми стенами и решетчатыми окнами, длинный стол, капитанов и адмиралов, которые сурово качают

пудреными париками, Петра Первого с колючими усами. Он сердито постукивает о палубу ботфортом и пристально глядит на понуро стоящего капитана-командора Шельтинга...

«Еще легко отделался»,— подумал Журка про неудачливого командира «Выборга». Недавно он смотрел четыре серии нового фильма про Петра и знал, что шутки с ним были плохи.

О втором крушении в Российском флоте говорилось только тремя строчками. Но эти строки заставили Журку вздрогнуть.

«* 1715 г. Корабль (54 п.) Нарва. (Финск. з.) Стоя на Кронштадтском рейде, 27 июня **взорван** от удара молнии. Погибло до 300 человек; спаслось только 15».

Журка насупленно посмотрел в потемневшее вечернее окно. В судьбе «Нарвы» была несправедливость. Одно дело — буря, удар о скалы, разбитый корпус. Тогда ничего не поделаешь, море есть море. Или бой, когда корабли идут ко дну от вражеских залпов. Страшно, и обидно, и все же понятно: это военные корабли; кто-то побеждает, кто-то гибнет... Но если стоишь на родном рейде, ничего не ждешь — и трах! — столб огня на месте стройного корабля, и вмиг нет на свете трехсот человек... За что им такой конец?

Это случилось очень давно, только Журку такая мысль не успокаивала. Потому что все равно это было. Не в кино, не в придуманной книжке, а в настоящей жизни. И то, что этих людей все равно бы не было сейчас на свете, доживи они хоть до самой глубокой старости, Журку тоже не утешало. Потому что для него, для Журки, словом «сейчас» называлось нынешнее время, а для тех людей тоже когда-то было свое «сейчас». И вдруг перестало быть! Пылали и сыпались в воду с высоты обломки, гремели в порту сигнальные колокола, бежала на берег толпа...

Почему так? Ничего не ждешь, и вдруг — молния!

Журка вспомнил недавний разговор с мамой: «Грозе все равно, боишься ты или нет...»

И в самом деле: молниям все равно. Они бьют неожиданно, без разбора, бессмысленно.

«Молнии — это не только если гроза,— подумал Журка.— Это вообще...»

Это когда по гладкому асфальту мчится с веселыми добрыми людьми машина, и вдруг — в один миг — звон, грохот, дым и обломки. И Ромки уже нет, нет, нет...

«А сколько таких молний в жизни у разных людей...» — со злостью и беспомощной обидой подумал Журка.

От грозы можно закрыть окна, поставить громоотводы (моряки «Нарвы», наверно, еще не знали про них). А если беда врывается к тебе при ясном небе? Если со смехом прибегаешь домой, а бледная мама тихо говорит: «Журавушка, тут вот письмо... Ты постарайся не плакать, малыш...»

А зачем стараться? Не все ли равно? Плачь не плачь...

«Это не молнии, которые в тучах,— подумал Журка.— Это черные молнии. Каждая такая беда — черная молния. Знать бы, как их отбивать...»

Вот если бы придумать специальную машину. Громадную, кибернетическую! Такую, чтобы заранее узнавала про всякую опасность и предупреждала людей... А как узнавала? Может быть, она разошлет по всей земле роботов-разведчиков, запустит над планетой специальные спутники? Много-много, целые тысячи! Такие, чтобы с помощью специальных волн, лазеров, объективов наблюдали за жизнью каждого человека, берегли его...

Об этом надо было подумать. Всерьез... Только сейчас уже не думалось, устал Журка за день.

Журка лениво разделся, расстелил постель, забрался под одеяло. Явился Федот, муркнул, извиняясь, и улегся в ногах. Он всегда спал у Журки в ногах (если только не был в ночной отлучке). Отучить его от этого не могли ни мама, ни Журка. Впрочем, Журка не очень и старался — только для вида. Федота он любил. Да и как было не любить, если их связала страшная, почти как в книжке про Тома Сойера, история...

Это случилось прошлым летом, почти сразу после похода.

Журка вернулся домой с беспокойной тяжестью на душе. Из-за постыдного случая в карауле. Тогда Лидия Сергеевна слегка успокоила его, но скоро угрызения совести опять одолели Журку. Струсил? Струсил. Бежал с вахты? Бежал. Теперь что ни говори, а все равно дезертир. Себя-то не обманешь.

Во-первых, жить с такими мыслями было очень скверно. Во-вторых, все придется рассказать Ромке, когда он вернется с Украины (не знал еще тогда никто, что не вернется). Они всегда говорили друг другу про себя всю правду. Ромка смеяться не станет, он Журку поймет, но будет до жути стыдно. Им обоим. И Ромка скажет:

— Что же нам делать?

Он всегда так говорил, если с кем-нибудь одним из них случалось плохое.

А что делать? Журка понимал, что трусость можно искупить лишь смелостью. И не надо ждать Ромку. Лучше сделать что-то сразу, чтобы сперва рассказать про это (Журка стыдливо называл в мыслях ночной случай просто «это»), а потом про смелый поступок. Тогда будет легче.

«А какой совершить поступок?» — подумал Журка и зябко поежился, потому что уже шевелилась догадка.

«Темноты боишься?» — беспощадно спросил он себя. И сам ответил: «Смотря какой. Дома уже не боюсь, а если деревья ночью кругом да всякие шорохи...»

«Значит, боишься всяких чудовищ, всякой нечистой силы, которой не бывает?»

«Да...» — со вздохом признался он.

«Тогда иди...»

Журка вышел из кустов и, цепляясь штанами за колючую траву, стал пробираться среди холмиков.

«Куда?» — в панике спросил себя Журка.

«Иди, иди. Сам знаешь, куда. Пройдешь его ночью от края до края, тогда, значит, ты еще ничего...»

«Ну уж нет»,— решительно сказал себе Журка.

Однако он понимал, что другого способа сейчас просто не придумать.

Целый день Журка промаялся со своими мыслями. А вечером поступил с собой решительно и жестоко. Сцепил в знак нерушимой клятвы левый и правый мизинцы и прошептал:

— Сегодня среди ночи пройду от забора до забора через кладбище. А если не пройду, у меня умрет мама.

Он знал, что не всякие приметы и клятвы сбываются, но нарушить такую клятву было совершенно невозможно. И с чувством человека, который сам приговорил себя к смерти, Журка стал готовить ночную экспедицию.

В коридоре он украдкой положил на пыльный шкаф тренировочный костюм и старые кеды, чтобы ночью не одеваться в комнате. Если мама проснется и увидит, что Журка пошел к двери раздетый — это ничего. Решит, что ненадолго — до дверцы в конце коридора. А если в костюме? «Ты это куда собрался?»

А как проснуться вовремя? Не будильник же ставить. И Журка после ужина выдул четыре стакана чая. Надежный способ: хочешь не хочешь, а придется вскакивать среди ночи...

Заснул Журка неожиданно быстро: наверное, измучился от переживаний. Но «внутренний будильник» сработал безотказно. Когда Журка проснулся, в доме и за окнами стояла глубокая ночная тишина. Он торопливо и бесшумно выскользнул из комнаты...

Через две минуты Журка со свертком под мышкой был уже на крыльце.

Зябко поеживаясь, натянул он костюм, зашнуровал кеды. А затем на голом теле, под майкой, завязал свой пионерский галстук, потрепанный в походе. Он надеялся, что с галстуком будет не так страшно. Да и нельзя же опозорить галстук второй раз.

Журка расправил плечи, с дрожью вздохнул и шагнул на скрипучую песчаную дорожку.

Июньская ночь была совсем светлая. Небо пропускало сквозь редкую облачную пелену белесоватый свет. На севере заметны были отблески зари. Белел над крышами бледный, будто больной месяц. Все кругом было отчетливо различимо. Стояли темные притихшие клены, и был виден каждый листик. Добродушно дремала у забора старая железная бочка, которую днем ребята с грохотом катали по всей улице.

Кругом тихо, безлюдно и... совершенно не страшно.

«Я же не виноват, что светло,— подумал Журка. И еще подумал:— Наверно, страх начнется *там*».

Небольшое заброшенное кладбище находилось недалеко, кварталах в шести-семи. К нему от Московской вел кривой немощеный Тобольский переулок. Дальним краем кладбище примыкало к железнодорожной насыпи. Журка несколько раз бывал здесь, когда играли с ребятами в индейцев, но, конечно, среди ясного солнечного дня. Тогда кладбище с его могучими березами и соснами казалось чем-то вроде старого парка, а железные ржавые оградки и завалившиеся в стороны кресты — остатками каких-то садовых строений. И ни о каких ужасах тогда ничуть не думалось... Но про то же кладбище соседская семиклассница Люська Колосницына любила по вечерам рассказывать жуткие истории. Ночами, мол, там бывает всякое...

Когда сидишь в теплых сумерках на своем крыльце и рядом дышат знакомые ребята, истории эти слушать интересно и лишь чуть-чуть жутковато. А сейчас их не хотелось вспоминать...

Не встретив никого в этой тихой белесой ночи, Журка свернул в Тобольский переулок. В конце его загораживали светлое небо черные кладбищенские деревья. И тогда сердце у Журки застукало неровно, с подпрыгиванием.

Но это был еще не настоящий страх. К нему примешивался интерес. Будто Журка сидел в своей комнате и про самого себя читал приключенческую книжку.

Черная громада кладбища надвигалась, нависала, и сердце под галстуком и майкой прыгало все сильнее, но Журка не замедлял шагов. Наоборот, он шел все скорее, стараясь оказаться вплотную перед неведомой опасностью.

И вот — забор.

Если не смотреть вверх на темные кроны и не думать о том, что́ там за забором, то ничего особенного — обыкновенная старая загородка. Низкие гнилые столбы, перекладины, а к ним приколочены железные полосы с круглыми отверстиями — отходы какой-то мастерской или завода.

И все же это была граница между обыкновенным миром и чем-то неведомым.

Журка опять вздохнул длинным дрожащим вздохом и, пригибаясь, пошел вдоль забора. И почти сразу нашел место, где несколько полос были оторваны и отогнуты. За лазейкой темнела сплошная чаща кустов и травы.

— Раз, два, три,— беззвучным шепотом сказал себе Журка, и ноги у него ослабели. Тогда он снова жалобно и сердито сказал:

— Раз, два, три...— и через дыру в заборе сразу всем телом свалился в заросли.

Посидел среди веток. Прислушался. Отдышался. Шевельнулся наконец. Сердитая кладбищенская крапива куснула его сквозь тонкие трикотажные штаны. Но это лишь обрадовало Журку: если крапива жалится так по-обыкновенному, как на простом дворе, то и остальное должно быть здесь обыкновенным. Нестрашным... Не очень страшным...

Журка медленно выпрямился. Сердце попрыгало и настроилось на более ровный ритм.

Под старыми деревьями кладбища было гораздо темнее, чем на улице, но белесый свет пробивался и сюда. А может быть, это назревало уже раннее июньское утро? Кусты, оградки и памятники смутно различались в полумраке. Страшными они не казались. Журка прислушался к тишине каждой клеточкой натянутых нервов и вдруг ясно ощутил, что кругом очень пусто. Нет никого. И, значит, нет опасности.

На недалекой насыпи ободряюще простучал поезд.

Журка вышел из кустов и, цепляясь штанами за колючую траву и ржавые прутья решеток, стал пробираться среди холмиков. Он уже не боялся. Ну, разве что самую капельку. Наверно, все запасы страха в его организме уже израсходовались накануне, и теперь бояться было нечем. Вместо боязни Журка чувствовал сердитую досаду на колючки.

Наконец он даже опечалился: если страха нет, значит, нечего и преодолевать. И тогда велика ли заслуга, что он пройдет через кладбище? Но тут же успокоил себя: «Главное, что все-таки пройду. Я же не виноват, что перестал бояться...»

Крепко ободрав штаны и рукава, он выбрался на широкую дорожку и зашагал по ней торопливо, но без боязни (правда, по сторонам старался не смотреть). Затем опять полез через кусты — чтобы сократить свой путь до забора, который тянулся вдоль насыпи. Насыпь была совсем недалеко. Опять прогремел поезд. И сквозь эхо этого веселого грохота Журка не услышал, а скорее угадал стонущий жалобный звук.

Журка замер. Каждая жилка в нем замерла, каждый самый крошечный нерв. Эхо улеглось, поезд прогрохотал уже в дальних далях,

а стон — на этот раз ясный, настоящий — прозвучал опять.

Напрасно Журка думал, что весь его страх кончился. Оказывается, полчища этого страха сидели в засаде, и теперь они кинулись на Журку, навалились, затоптали, как конница. Журка упал лицом в ломкие колючие стебли.

«Не надо! Не надо! — отчаянно думал он. — Ну, пожалуйста, не надо...» Но протяжный и тихий, надрывающий душу звук опять донесся из-за ближайших кустов.

Значит, непонятное и жуткое все же существует. И вот оно настигло Журку, который осмелился не поверить в ночные тайны, позабыть о страхе...

«Я сейчас, сейчас... — торопливо сказал себе Журка. — Сейчас до забора, а там уже не страшно...»

Там насыпь, поезда с их бодрой грохочущей жизнью, простор, огоньки. Там все привычное, свое. Только собрать силы и сделать бросок...

Стон опять прошел над кустами. Это был живой стон. Жалоба измученного человека или зверя. И под пластами страха, под отчаянными мыслями о бегстве у Журки пробилась слабенькая мысль:

«А все-таки что там? Или кто там? Ведь ни стонущих мертвецов, ни привидений все-таки не бывает. Значит, кто-то живой».

«Кто?»

«А если кого-то ранили и ограбили бандиты? Или собака попала в капкан (говорят, какие-то злодеи ловят собак и шьют из их шкур шубы и рукавицы). Или заблудился и застрял в ржавых решетках теленок?»

Журка поднял голову. Рассвет уже набрал силу, но деревья и кресты виднелись еще смутно. Из-за них опять долетел стон.

«Не пойду, — подумал Журка. — Ни за что! Я и так выполнил клятву, я прошел кладбище».

«Не прошел, а пробежал, как заяц. И опять струсил».

«Ну и пусть. Я больше не могу!»

«А что скажешь Ромке?»

«Но я же... я просто помру, если пойду...»

«Ну и помирай, скотина, трус несчастный! Иди и помирай!»

Журка всхлипнул, встал на четвереньки и начал пробираться на стоны... Страх слегка отступил перед его отчаянной решимостью. Журка поднялся на ноги. Стон — медленный, бессильный, с каким-то писком — раздался совсем недалеко. И Журка понял, что рядом мучится маленькое живое существо.

«Марш!» — приказал он себе. И выбрался на открытое место. Здесь было уже довольно светло. Журка увидел косо торчащий крест и услышал, что стон идет от него. На кресте чернела фигурка, похожая на маленького растопыренного человечка. Журка сделал короткий вдох и, обрывая веревки страха, прыгнул к этому кресту.

На кресте был растянут шнурками кот. Он время от времени дергал головой и стонал.

— Негодяи! — со злым облегчением и рванувшимися слезами сказал Журка. Он не удивился. Он слышал раньше, что есть такие гады среди шпаны, которые издеваются над кошками, голубями и собаками. Вот, значит, что придумали, проклятые!

О страхе Журка забыл. Торопливо отыскал среди могил треснувшую бутылку, грохнул ее о каменный памятник, осколком резанул по шнуркам. Не сумел удержать кота, и он шмякнулся в траву. Попытался приподняться и опять застонал.

— Сейчас, сейчас, котик, — всхлипывая, сказал Журка, сорвал с себя через голову майку, закутал в нее кота, поднял и, царапая голые локти, напрямик, через шиповник и боярышник, рванулся к забору...

...Дома Журке пришлось рассказать о своих приключениях. Маме. Все-все. Даже о том, почему его понесло ночью на кладбище. Мама Журку не ругала. Только побледнела, несколько раз охнула, очень крепко взяла его за руки и попросила больше таких испытаний характера не устраивать. Журка охотно обещал. Папа, когда услыхал от мамы эту историю, помотал головой, хмыкнул и сказал:

— Во герой... Даже не верится. — И стал вспоминать, как в детстве лазил с мальчишками в подвал старого монастыря. Тоже ночью. И тоже было страшно. А Журка подумал: «Это ведь с мальчишками все-таки...»

Кот выжил. Сутки лежал на подстилке, ничего не ел и постанывал, потом начал подниматься, лакать молоко. И наконец окреп, сделался обыкновенным здоровым котом. Почему его назвали Федотом, никто не мог объяснить. Как-то само собой получилось — Федот, вот и все.

Характер у Федота оказался спокойный, немного ленивый и добродушный. Играл он с Журкой неохотно, зато сидеть у него на коленях и мурлыкать очень любил. Был у него только один недостаток: иногда он уходил гулять и пропадал суток по трое. Но тут уж ничего не поделаешь, такова кошачья натура. После гулянья Федот возвращался поцарапанный, грязный, и мама с Журкой мыли его в тазу. Федот не возражал, только прижимал уши и жмурился, чтобы мыло не щипало его зеленые глаза.

Когда переезжали, никому, даже папе, в голову не пришло оставить Федота, отдать кому-нибудь, чтобы не было в пути лишних забот. Он поехал в поезде со специальным билетом.

На новом месте Федот освоился очень быстро. Научился вылезать в форточку и греться на широком кирпичном карнизе. Судя по всему, эта квартира ему нравилась...

— Иди сюда, Федотушка, — сказал Журка.

Федот охотно протопал по Журке и устроился у него на груди. Благодарно заурчал, когда Журка почесал ему за ухом. Журка устало вытянулся под одеялом и решил, что пора

засыпать. Напоследок он посмотрел в ночное окно.

Окно было открыто. Журка лежал к нему ногами и видел в сумраке комнаты четкий синий прямоугольник с развилкой тополя, похожей на два великанских растопыренных пальца или на громадную рогатку. Тополь рос метрах в трех от окна, и нижняя часть развилки находилась как раз на уровне подоконника. Если отыскать подходящую доску (и дождаться, когда уйдет куда-нибудь мама), можно попытаться сделать трап, чтобы пробираться из окна прямо на дерево...

Кажется, Журка начал дремать, потому что увидел себя со стороны — как он залез на тополь: от левого «пальца» развилки отделился человек...

Журка заморгал, прогоняя дремоту. Но от этого морганья человек не исчез. Наоборот, он будто увеличился. Его фигура отчетливо рисовалась внутри громадной «рогатки». Словно кто-то тушью на темно-синей бумаге вывел силуэт высокого тощего черта.

Что это? Сон после воспоминаний о ночном кладбище? Или грабитель, который примеривается, как прыгнуть в комнату? Журка понял, что сию секунду самым постыдным образом завопит «мама».

Но и мама и папа наверняка спят: щель под дверью давно погасла... Орать? Или подождать?

Журка замер под одеялом — ни дыхания, ни сердечного стука. Только Федот у него на груди мурлыкал как ни в чем не бывало.

Таинственный черный незнакомец шевельнулся, и Журка услышал:

— Эй...

Голос был нерешительный, тонкий. И силуэт незнакомца сразу как бы съежился, превратился в мальчишечий. Журкин страх тоже съежился и тут же растаял совсем. Осталась только досада на себя (вот трус несчастный) и на мальчишку, которого среди ночи какая-то дурь носит по деревьям.

— Эй...— опять окликнул мальчишка.— Там, в комнате... Ты спишь?

Журка скинул удивленного Федота и одеяло, подскочил к окну.

— Чего тебе? — спросил он громким шепотом.

— Ты внук Юрия Григорьевича?

— Да... А что? — откликнулся Журка уже помягче.

— Можно к тебе?

— Зачем?

— Ну, дело есть... Ты не бойся.

— А кто боится? — усмехнулся Журка.— Просто непонятно: почему ночью да через окно?

— Если нельзя, тогда ладно... — вздохнул в сумраке мальчишка.

Этот виноватый вздох примирил Журку с неожиданным гостем. К тому же было очень интересно. Похоже на приключение.

— А как ты сюда доберешься? Доска есть?

— Да нет, веревка... Тут все приспособлено...

Журка разглядел, как мальчишка распутал спустившийся откуда-то шнур.

— Ну, давай,— прошептал Журка.

— Только отойди от окна...

Черная фигурка метнулась и через миг стояла на подоконнике.

Легко и бесшумно мальчишка соскочил на пол.

— Я тут веревку за батарею прицеплю, чтоб не ускользнула,— объяснил он.— Свет можно зажечь?

— Сейчас.— Журка отыскал в углу на гвоздике курточку, положил ее внизу у двери, чтобы лучи не пробились в щель, и включил настольную лампу.

Побег на рассвете

Мальчик оказался одного роста с Журкой. Очень худой, темный от загара, поцарапанный. В одних трусиках, босой. У него были прямые темно-медные волосы. Они косо падали на лоб. Мальчик посмотрел из-под волос на Журку с хмурой виноватостью.

Журка почувствовал его смущение и сказал, чтобы хоть что-то сказать:

— Здорово ты сюда влетел.

— Я эту штуку еще давно придумал. Когда Юрий Григорьевич... тут жил. Я к нему часто пробирался.

— А через дверь нельзя, что ли?

Мальчик досадливо повел острым плечом.

— Дверь в наши окна видать. Отец или мать заметят, что я в этот дом иду, сразу начинают: «Опять по чужим людям шастаешь! Лучше бы делом занялся...» А я любил к Юрию Григорьевичу приходить...

— А-а...— произнес Журка. Произнес чересчур спокойно, потому что ощутил неожиданный укол ревности. Оказывается, дедушка дружил с чужими мальчишками. И мальчик будто понял Журку. Опять глянул из-под волос и тихо сказал:

— Ему по вечерам скучно было. Он один жил...

Эти слова смутили Журку, будто в них был скрытый упрек. И, словно защищаясь, Журка ответил с легким вызовом:

— Я знаю. Ну и что?

Лицо у мальчика опять стало виноватым. Он зябко поежился и объяснил:

— Ну... я подумал, что ты мне поможешь. Раз ты его внук... Твой дедушка меня часто прятал.

Это «твой дедушка» вместо «Юрий Григорьевич» понравилось Журке. Все встало на свои места. Уже с сочувствием Журка спросил:

— От кого ты прятался?

Мальчик опять досадливо повел плечом.

— Да по-разному было... Жизнь такая.

— И сейчас прячешься?

Мальчик кивнул. Обвел глазами комнату.

Мальчик оказался одного роста с Журкой. Очень худой, темный от загара, поцарапанный.

— Раньше здесь раскладушка была... Я где-нибудь в уголке приткнусь, ладно? До утра...

— Как в уголке? На полу?

— А чего? — Мальчик улыбнулся, показав крупные редкие зубы. — Я закаленный. Крученый, моченый, прожаренный, промороженный...

— Ну да, — усмехнулся Журка. — Поэтому и лазишь ночью по деревьям голый, как Маугли...

— Я прямо из кровати сбежал. В окно вылез — и сюда.

Журке очень-очень хотелось узнать, от кого сбежал незнакомый мальчишка и почему прячется. Но приходилось быть снисходительно сдержанным и чуть насмешливым. Как-то уж настроился Журка на эту струну. Он вспомнил свою ночную вылазку на кладбище и сказал наставительно:

— Если собираешься драпать ночью, надо одежду заранее где-нибудь спрятать.

Мальчик беспечно махнул рукой.

— А, не догадался. Ладно, и так сойдет... — Потом он глянул на Журку быстро и внимательно. Спросил: — Тебя Юркой зовут?

— Да...

— В честь Юрия Григорьевича?

Журка растерянно мигнул. Он не знал, почему его назвали Юрием. Но тут же сказал:

— Конечно. А что?

— Ничего. Так...

— А тебя как звать?

Мальчик неразборчиво бормотнул.

— Борька? — переспросил Журка.

— Горька, — отчетливо сказал мальчик. — Полное имя Горислав. Но никто меня полным именем не зовет, Горька — вот и все. Это мне больше всего подходит. Как наклейка...

3—4. «Пионер» № 2.

— Почему же? — смутившись, выговорил Журка.

Горька сказал то ли шутя, то ли серьезно:

— Да так. Жизнь такая. Горькая... Невезучий я уродился. Одни шишки отовсюду.

— Какие шишки?

— Всякие. Сегодня опять от отца перепало. С дежурства вернулся злющий, с мамкой поспорил...

— Значит, ты из-за отца сбежал? — сразу пожалев Горьку, спросил Журка.

— Не... Сегодня из-за другого. Меня хотели расстрелять.

Расстреливают обычно на рассвете. Так написано в книжках. Но рассвет начинался рано, и, когда за Горькой пришли конвоиры, солнце стояло уже высоко.

Горька проснулся от долгого, но осторожного стука по стеклу. Увидел в окне головы братьев Лавенковых и все вспомнил. Он понуро, но быстро натянул брюки и рубашку, сунул ноги в растоптанные полуботинки, которые давно надевал не расшнуровывая. Хотел убрать постель и вдруг подумал: а зачем это человеку, которого через несколько минут расстреляют?

Но ведь это не всерьез...

А если бы всерьез?

Интересно, что чувствует человек, проснувшийся последний раз в жизни, одевшийся последний раз в жизни? Что он думает, когда у двери стоят двое с автоматами, чтобы провести его последний раз под ясным небом до обрыва?

Тоскливая тревога заметно кольнула Горьку. Будто сейчас была не игра. Не совсем игра... Он выдохнул воздух сердитым толчком, прогнал страх и вылез в окно. Хмуро сказал братьям Лавенковым:

— Чего греметь-то? Чуть всех на ноги не подняли...— Это все, чем он мог досадить конвоирам.

С приговоренным к смерти, видимо, не принято ругаться, и старший Лавенков, Сашка, миролюбиво ответил:

— Да ты что, мы тихонько стучали.— Потом другим, уже строгим голосом скомандовал:

— Руки...

Горька вздохнул, нагнул голову и заложил руки за спину. А что было делать? Он покорился судьбе еще вчера, во время военного суда, который состоялся в сарайчике Егора Гладкова.

Егор тогда спросил у защитника Степки Самойлова:

— Чем ты его можешь оправдать?

Степка пожал плечами, растерянно протер очки и сказал:

— Не знаю...

Он, кажется, добросовестно старался придумать защитительную речь, но так и не смог.

— Оправдывайся сам. Последний раз,— сказал тогда Гладков Горьке.

Но Горьке тоже нечего было говорить. Все, что можно, он сказал еще раньше, и его объяснения не убедили никого из судей — ни Егора, ни Митьку Бурина, ни тем более безжалостного третьеклассника Сашку Граченко. Да Горька и сам понимал, что нету ему оправдания. Из-за него отряд напоролся на огонь собственного часового и теперь, по правилам игры, два человека считались убитыми.

Правила были безжалостные. Как на войне.

Егор посмотрел на Граченко и на Бурина, и те кивнули. Егор поднялся с пустой бочки, на которой сидел, как на председательском кресле, и сообщил, что бывший стрелок отдельного повстанческого отряда «Синяя молния» за невыполнение боевого задания и трусость приговаривается к расстрелу ранним утром следующего дня.

— Ясно тебе?

— Ясно,— хмуро откликнулся Горька.— А при чем тут трусость?

— Он еще спрашивает...— усмехнулся Гладков.— Ладно, гуляй пока. Завтра на рассвете за тобой придут...

И вот — пришли. Сашка мотнул стволом черного пластмассового автомата с пружинной трещоткой:

— Пошли.

Он пропустил Горьку вперед и зашагал сзади. А Вовка Лавенков пошел впереди. С таким же, как у Сашки, автоматом.

— Напрямик,— сурово приказал Сашка.

Они пошли через пустырь. Трава на пустыре была обычно серой, выгоревшей, колючей, но сейчас она — то ли после ночного дождика, то ли от росы — переливалась тысячами капель. Горькины брюки внизу намокли, в полуботинках появилась противная скользкая сырость. Вовка шагал точно по прямой. Его голубые выгоревшие гольфы потемнели от влаги и сползли на кеды, он по-птичьи поднимал над травой поцарапанные ноги, но ни разу ни чуточки не свернул. У него был светлый упрямый затылок. Горька смотрел на этот затылок без всякой злости и досады. Вовка был ни при чем. Он был смелый, спокойный и надежный парнишка, несмотря на молодость — всего-то девять лет. Повезло Сашке, хороший у него брат. Почему другим везет, а Горьке — никогда? Был бы у него такой же брат, залег бы с двумя автоматами, не боясь мокрой травы, вон за той бетонной глыбой, подпустил бы конвоиров поближе и — та-та-та! «Сашка, ты убит, Вовка, ты убит! Горька, бежим!»

Только и в настоящей жизни, и в игре такие чудеса случаются очень редко. Горька знал, что с ним не случится. Тоскливая тревога опять кольнула его — словно все по правде. И он уже, будто в самом деле прощаясь навсегда, смотрел на сверкающую траву, на знакомые дома, на треснувшие бетонные блоки, которые лежали на пустыре, наверно, с тех пор, как существует Земля...

А может, все-таки случится чудо? Очень уж

обидно умирать в такое солнечное утро. Даже понарошке — все равно тошно.

Будто и не игра...

Горьку привели на берег Туринки и поставили у края обрывчика.

Метрах в пяти от берега, лицом к речке стоял шеренгой отряд «Синяя молния». Правда, не весь, трое, видать, проспали (за это, между прочим, тоже надо под суд). Но и пятерых было достаточно. Да еще Лавенковы встали в строй...

Егор Гладков раздал стрелкам зеленые гнилые помидоры — не всем, а через одного. Значит, половина будет трещать автоматами, а другая половина метнет в Горьку помидоры! И ему придется упасть, скатиться с метрового обрывчика на песчаную полоску у самой воды и лежать там, пока все не уйдут. Потом два дня его не будут брать в военную игру. А может, и больше. Потому что игра игрой, а разозлились на него, кажется, по-настоящему. По крайней мере Егор.

Егор насупленно, будто стесняясь, проговорил:

— Готовы?.. Равняйсь. Смирно...— Потом, постаравшись опять разозлиться, громко сообщил: — Бывший боец «Синей молнии» за трусость и предательский провал военного задания приговорен к высшей мере наказания — расстрелу!

Шеренга напряженно молчала. Стояли не очень ровно. Смотрели мимо Горьки. А Горька, насупившись и съежив плечи, смотрел на разномастные игрушечные автоматы и зажатые в пальцах помидоры. Тоскливое замирание перехватило грудь и подкатывало к самому горлу. Но плакать не хотелось.

— Хочешь сказать что-нибудь напоследок? — спросил Егор чуть виновато.

Горька переглотнул. Сказал:

— Хочу... Все равно это неправильно. Я не предательский... Я же объяснял...

— Слыхали уже,— безжалостно сказал Сашка Граченко и поправил на груди оранжевый автомат с диском.

— Можешь еще что-нибудь сказать? — спросил у Горьки Егор.

Горька не знал: что еще?

— Даем десять секунд,— сумрачно сказал Егор — Думай.

Секунды пошли долгие или короткие, Горька не понял. Мысли у него отчаянно заскакали, будто и вправду от каких-то удачно найденных слов зависела жизнь.

...— Все! — отрубил надежду Егор.

— Ну все так все,— сказал Горька себе, а не Егору. Распрямил плечи и стал смотреть на облака. Они были маленькие, светлые, с пушистыми краями.

Подошел Митька Бурин и нахлобучил Горьке на голову старую корзину. Облака исчезли. Все исчезло.

— Ты чего? — сказал из-под корзины Горька.— Пусти.— Он ухватился за плетеную кромку.

— Стой давай...

— Пусти!

— А если по лицу попадут, дурак,— разъяснил Митька, но отпустил корзинку. Горька секунду постоял неподвижно. Синее утро било в щели. Горька сбросил корзину, сунул руки в карманы и опять стал смотреть на облака.

Егор негромко сказал:

— Да пускай... По голове не кидайте...— И громко скомандовал: — На прицел!

Горька не двинулся, но нижним краем глаз увидел, как поднялись автоматные стволы. И опять, будто все по правде, страх и тоска резанули его.

«Нет!» — мысленно крикнул он в ответ на громкую команду «пли». Присел, чтобы выстрелы прошли над головой. Помидоры и в самом деле свистнули поверху, а Горька клубком скатился к воде, вскочил, с размаху хлопнулся в речку.

Остывшая за ночь вода обожгла его холодом, прижала к телу намокшую одежду. Но Горька яростно рванулся к другому берегу. Упругая толща воды не пускала его, ноги вязли в илистом дне. Однако самая большая глубина здесь — по грудь, а ширина — метров шесть. И очень скоро мокрый, всхлипывающий от напряжения Горька оказался на твердой земле. Сзади, на том берегу, захлебывались яростным треском и воем автоматы — электрические, заводные, с ручными трещотками... Но эта стрельба не считалась. Она так, ради шума. Чтобы убить или ранить, надо попасть помидором.

А пока спохватятся, пока расхватают запасные помидоры...

Горька оглянулся на бегу. Несколько человек галопом мчались к недалекому мостику. Сашка Граченко и Вовка Лавенков отважно кинулись в воду — напрямик, но Егор сердито закричал, чтобы вернулись. Митька Бурин и Сашка Лавенков швырнули через речку «гранаты», но в Горьку не попали.

В общем, Горька ушел от погони. Переулками и проходами между старых заборов добрался до парка. В глухом углу, среди зарослей желтой акации, нашел он полянку, отдышался там, высушил одежду, а потом крадучись, чтобы не напороться на засаду, вернулся домой...

Днем Горька с хозяйственной сумкой вышел на улицу. Если человек с сумкой, значит — не игра. Значит, он идет по делу, родители послали в магазин или на рынок. Сразу повстречались Лавенковы и Бурин.

Бурин сказал с насмешкой:

— Доволен? Сбежал, как заяц, и радуешься.

— Если в человека стреляют, он должен, что ли, стоять, как пень? — огрызнулся Горька.

— А если бы по правде, куда бы ты делся? — серьезно спросил Сашка Лавенков.— Перебежал бы к врагам?

— Еще чего...— буркнул Горька. Что ска-

Горька сказал:
—... Все равно это неправильно.
Я не предательский... Я же объяснял...

зать, он не знал. Если бы по правде... тогда все было бы не так. Никто бы не помешал выполнить задание. Потому что не было бы страха перед отцом, не было бы такого, что с одной стороны война во дворе, а с другой — сердитые и жалобные (с оглядкой на отца) крики матери: «Куда тебя опять понесло!»

Но как это объяснить?

Горька неуверенно сказал:

— Я ушел бы в леса и стал бы воевать один. Не с вами, а с врагами...

— Одному трудно,— задумчиво проговорил Вовка Лавенков.

— Все равно мы тебя за эти два дня выследим,— деловито сказал Бурин.— Тогда уж не уйдешь.

И Горька понял, что отряд «Синяя молния» ничуть не огорчен его, Горькиным, бегством. Наоборот! Можно теперь устроить охоту! Обложить, как волка флажками!

Все на одного, да?

— Ладно,— сказал Горька со стремительно выросшей обидой.— Я думал, вы всегда за справедливость, а вы... тогда ладно... Я с вами воевать не хотел, а теперь буду.

— К «Тиграм» перебежишь? — серьезно спросил Сашка.— Они перебежчиков не берут.

— На фиг мне нужны «Тигры»,— отрезал Горька.— А с вами у меня война. Еще посмотрим, кто кого.

И он пошел со двора, решительно махая сумкой.

Каменистая дорожка вела мимо тополя, мимо дома, где недавно еще жил Юрий Григорьевич. Горька поднял глаза к растворенному окну на третьем этаже. И сразу — будто включился незаметный магнитофон — Горьку настигло воспоминание о глуховатом и добром голосе:

— «Хороший ты человек, Горислав Ген-

надьевич. Только характер у тебя слегка извилистый...»

«Такой уж...» — виновато отозвался Горька.

«А ты выпрямляйся».

«Как?»

«Реже убегай, чаще дерись...»

«С кем? С отцом, что ли?»

«С жизнью... В шахматы сыграем?»

«Да ну... Вы меня опять обыграете».

«Ну и что? За битого двух небитых дают».

«Да за меня уже трех можно...»

Когда Юрия Григорьевича хоронили, отец сказал Горьке:

— Сиди дома. Нечего путаться под ногами у людей.

Горька не посмел ослушаться. Стоял у окна и видел через пространство заросшего пустыря темную толпу у крыльца трехэтажного дома. Издалека толпа казалась неподвижной. Надрывно завыл оркестр. Люди у крыльца колыхнулись. В заднюю дверь серого автофургона вдвинули что-то длинное, красное... Вот и все... И в голове у Горьки не укладывалось, что это событие имеет какую-то связь с Юрием Григорьевичем. Он знал, конечно, что Юрия Григорьевича больше нет, но все равно казалось, что если забраться в развилку тополя и перелететь на подоконник, сразу услышишь:

«А-а, Горислав Геннадьевич. Вечерняя птичка залетная... Что, опять ищем убежища?»

«Да нет, я просто так... Можно у вас переночевать?»

«А дома что скажут?»

«Папка на дежурстве, а мама не будет ругаться. Если отца нет, она разрешает...»

«Ну что ж... Тогда поставим чаек...»

Сейчас, проходя мимо трехэтажного дома, Горька увидел в открытом окне, наверху, женщину. Она вешала шторы. Горька сообразил, что приехали новые жильцы. Все мальчишки уже знали, что в квартире Юрия Григорьевича должна поселиться его дочь с мужем и сыном.

С крыльца сбежал на дорожку незнакомый мальчик с большой клеенчатой папкой. Ростом вроде Горьки, стройненький такой, в желтой рубашке с погончиками. Ветер сразу растрепал ему волосы. Мальчик не заметил Горьку. Посмотрел на верхушку тополя, улыбнулся чему-то и зашагал к воротам. Папку держал за угол и на ходу легонько поддавал ногой. Горьке понравилось, как он идет: легко, спокойно. Видно, не было в душе у мальчишки никакого страха. Горька даже позавидовал. Сам он не умел так ходить по земле. Но позавидовал он по-хорошему, без досады.

«Внук Юрия Григорьевича»,— подумал он. Этот внук не мог быть плохим человеком. И Горька принял решение...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Хорошее растет поколение

«Дорогие товарищи! В одиннадцатом номере вашего журнала за 1981 год «Боевой листок» открыл новую рубрику «Доброе слово». Это очень правильно и разумно. Я тоже захотел написать в новую рубрику о себе и о своих друзьях-тимуровцах.

Родился я в рабочей семье. В 1924 году вступил в ряды Ленинского комсомола. А когда грянула война, я стал бойцом партизанского отряда, сражавшегося на Южном фронте.

Защищая наше Отечество, я был тяжело контужен и стал инвалидом I группы. У меня не работают левые рука и нога. Тяжело было жить после войны, но радостно, потому что наша страна была освобождена от фашистских полчищ.

16 января 1979 года умерла моя жена, и я остался совсем один.

Люди не забыли меня. Это были тимуровцы. Сейчас они учатся в 8«Б» классе средней школы № 52 города Днепропетровска.

Тимуровцы организовали в школе музей. В этом музее они поместили мой портрет военного времени и партизанский билет.

Ребята-тимуровцы оказались очень душевными людьми. Они по-человечески поняли, как мне очень тяжело жить одному, и не дают падать духом. Они часто меня навещают, убираются в квартире, ходят в магазин. И вообще моя жизнь наполнилась новым светом и теплом.

От всей души прошу передать мою благодарность тимуровцам через ваш журнал.

Мне очень тяжело писать, но я хочу, чтобы о сыновней тимуровской заботе узнали все ребята страны. Я думаю, что хорошее растет у нас поколение!»

Федор Кириллович АГАРКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
г. Днепропетровск, УССР.

ВМЕСТЕ — ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

На вопросы корреспондента журнала «Пионер» отвечает Председатель Президиума Верховного Совета УССР товарищ Алексей Федосеевич ВАТЧЕНКО.

Украинская ССР — одна из самых больших наших республик, где живет свыше пятидесяти миллионов человек,— вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик в числе первых.

Уважаемый Алексей Федосеевич, расскажите, пожалуйста, какое значение для республики имело вступление в Союз? Каких успехов достигла в братской семье Советская Украина?

Советская Украина — республика хлеба и стали, республика, прославленная древним народным искусством и современной наукой, прекрасной природой и щедрыми душою людьми.

В памяти советских людей Украина овеяна героикой революционной борьбы, гражданской и Великой Отечественной войн. Навсегда останутся в нашей истории восстание рабочих «Арсенала» и стремительные атаки конников Григория Котовского, Николай Островский с алой звездой на буденовке и писатель-воин Аркадий Гайдар, погибший от фашистской пули на земле Украины. «Мы ехали шагом, мы мчались в боях...» — доносится до нас из далеких лет знаменитая «Гренада». Создатель ее, комсомольский поэт Михаил Светлов, тоже наш земляк.

Украина наших дней — это мощные гидроэлектростанции, вставшие на Днепре, город миллионов роз — Донецк, гигантские угольные шахты, железорудные карьеры, металлургические и машиностроительные заводы, белоснежные лайнеры в водах Черного моря.

Но, конечно, этих успехов нельзя было бы достичь за столь малый срок, если бы великие шестьдесят лет Украина не прожила в братской семье советских республик. Своими ратными и трудовыми подвигами народ республики подтвердил пророческие слова создателя Советского государства В. И. Ленина: «...если украинская победа рабочих и крестьян пойдет рядом с укреплением власти в России и ее успехами, тогда социалистическая пролетарская Украина не только победит, но и будет непобедима!»

Наша республика одной из первых вошла в состав СССР, образование которого было про-

возглашено I Всесоюзным съездом Советов 30 декабря 1922 года.

Нашему Союзу в этом году исполняется шестьдесят лет. Расскажите, пожалуйста, как складывались отношения Украины с другими республиками за эти десятилетия.

КПСС проявляет неустанную заботу об укреплении дружбы и сотрудничества между всеми народами нашей страны.

Могучую силу дружбы и взаимопомощи знают все наши республики. «...Только в содружестве советских республик,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев,— объединившись с ними и удесятерив тем самым собственные силы, смог по-настоящему развернуть свои плечи, найти простор своей трудовой энергии и талантам народ Украины».

Да, всем вместе легче строить новую жизнь, легче давать отпор врагам, легче восстанавливать и развивать народное хозяйство.

А республику пришлось возрождать дважды...

Первый раз — после гражданской войны. Три года украинскую землю опустошали и грабили белогвардейцы, националистические банды, интервенты. Тысячи рабочих из всех советских республик приехали потом восстанавливать Украину, работать на ее предприятиях, на шахтах, на полях.

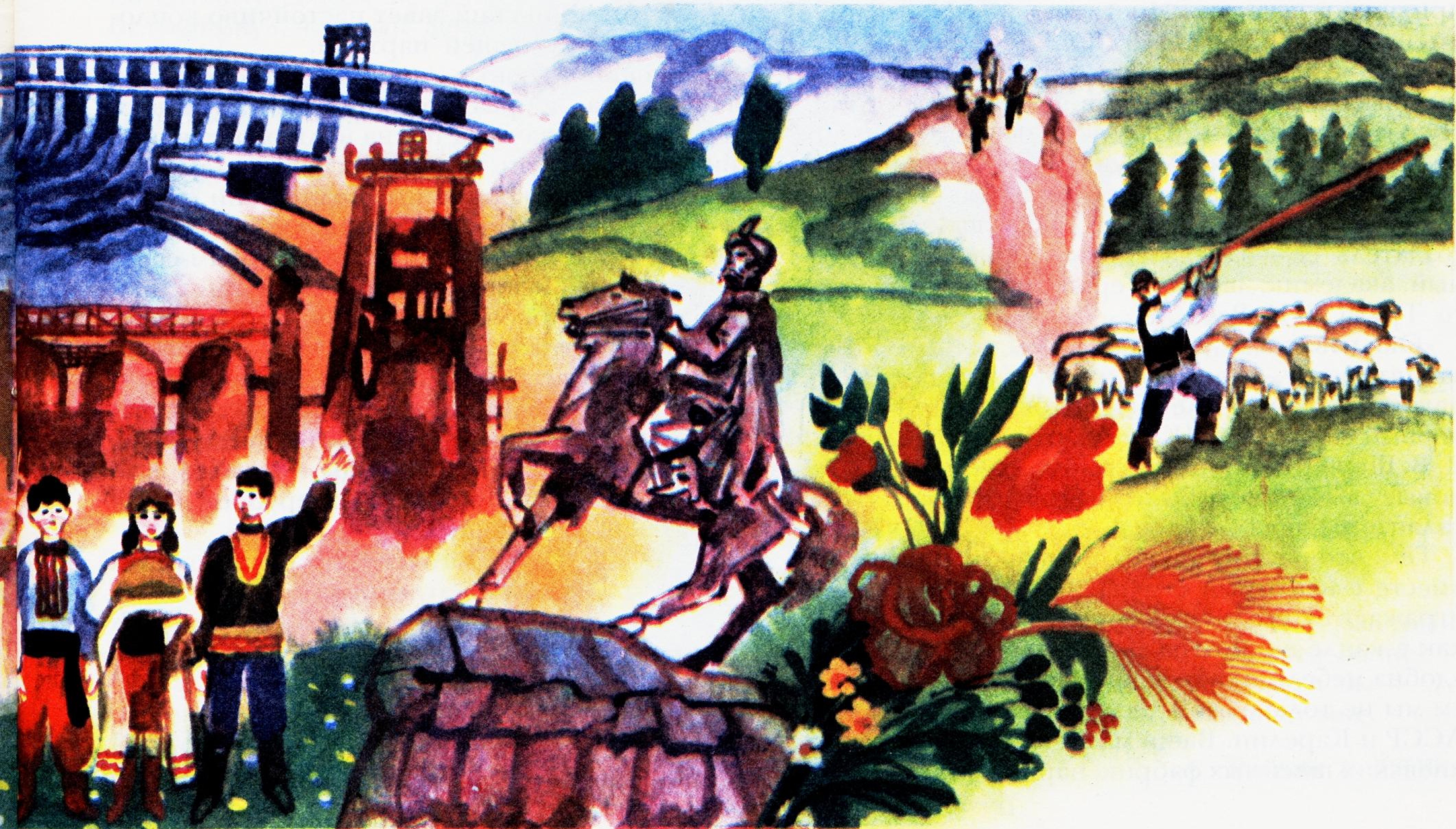
Богата земля республики: плодородны ее почвы, неисчерпаемы недра. И этими сокровищами щедро делилась тогда Украина со всеми республиками: на новостройки страны шли топливо, металл, хлеб.

Дедушки и бабушки нынешних пионеров и октябрят помнят, как в тридцатые годы родилось в СССР стахановское движение. А зачинателями его были наши земляки: шахтер Алексей Стаханов, машинист Петр Кривонос, звеньевая Мария Демченко. Они показали, чего может достичь человек, если он чувствует веру и поддержку своих товарищей, тех, кто работает рядом. Никому не известный до этого парень из Кадиевки (ныне город назван в его честь — Стаханов) выдал на-гора́ столько угля, что его именем стали называть целое движение за наивысшую производительность труда.

Когда самое тяжелое испытание выпало на нашу долю, все силы отдал украинский народ вместе со всеми советскими людьми борьбе с фашистами. Война еще раз показала, что свобода и независимость Украины возможны только в единой семье со всеми народами Советской страны. Как тут не вспомнить подвиг героев шахтерского края — молодогвардейцев! Подростки, под руководством старших товарищей-коммунистов они боролись так мужественно и стойко, что их жизнь стала легендой. И своим подвигом они приблизили нашу общую Победу.

Много горя и бед принесла война. Больше всего от нее пострадали Украина и Белоруссия, одними из первых принявшие на себя удар фашистских полчищ. После великой Победы вместе с другими республиками мы поднимали сотни своих городов и десятки тысяч сел, зажигали вновь огни электростанций, возрождали Донбасс. Об этом ярко рассказано в книге Л. И. Брежнева «Возрождение».

Вот так, плечом к плечу, поддерживая друг друга, шли мы вперед, несмотря на войны и разруху, так прожили мы эти десятилетия. Мы знаем: наш союз — наше самое ценное богатство. Чем он крепче, тем сильнее и богаче каждая республика.

О всенародном признании заслуг трудящихся Украинской ССР говорят два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции и орден Дружбы народов на знамени республики.

Испытания мы встречали все вместе. Вместе преодолевали трудности. Радостные события тоже празднуем сообща. Юбилей каждой республики отмечает весь советский народ. Приближается знаменательная дата и в жизни трудящихся нашей республики — в этом году Киеву исполняется 1500 лет. Готовимся как можно лучше и красочнее вместе со всем советским народом отметить столь славный юбилей столицы нашей республики.

Новая эра наступила сейчас для человечества: полеты в космос, дерзновенные открытия ученых — все это позволило каждой республике, каждому человеку раскрыть свои возможности как можно полнее, попробовать себя на чем-то неизмеримо большем, чем прежде. Как живет Украина сейчас, в это время?

Все свои силы отдают трудящиеся республики выполнению решений XXVI съезда нашей партии.

Украина сегодня — это каждая вторая тонна железной руды в стране, это четыре пятых союзной добычи марганца, это почти две трети производства сахара...

Сейчас наступила эпоха новых электростанций — атомных. И в украинском Полесье, еще недавно глухой стороне со скудными землями — что вообще-то редкость для нашего края,— такая атомная станция уже дает ток. Чернобыльская АЭС строится руками людей двадцати трех национальностей.

Сегодняшняя Украина — это сварка металлов не только на земле, но и под водой и в космосе. Как делать такую невиданную до этого сварку, придумали ученые Института электросварки имени Е. О. Патона АН СССР.

Ныне чудеса происходят не только в заоблачных высях, но и на земле: в шахтах и на полях. Ну разве не чудо — 20 градусов мороза, а пшенице он не страшен? Мироновская пшеница открыла эру стоцентнерных урожаев и шагнула в те края, где раньше этот злак вымерзал. А создатель ее — замечательный украинский ученый, академик, дважды Герой Социалистического Труда В. Н. Ремесло.

«Окидывая мысленным взором все сделанное за пятилетку,— говорил на XXVI съезде Компартии Украины член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины тов. В. В. Щербицкий,— мы видим сегодня, какие новые высокие рубежи взяты трудом, умом, талантом нашего народа».

Тем, что достигла наша республика, гордится вместе с ней и вся страна. В успехах Украины отражаются все достижения советского народа, как в капле воды отражается солнце. Красива и удобна мебель Львовской фабрики, но используем мы не только свой лес, получаем его из Коми АССР и Карелии. Ваши мамы радуются платьям киевских швейных фабрик, нарядным и ярким, с национальными мотивами: лен выращиваем на Украине, а хлопок получаем из Средней Азии. Нефть поступает к нам из Закавказья и Башкирии. А сами посылаем в другие республики уголь, железо, чугун, тепловозы, автомашины, станки. Выходит, что в каждом нашем изделии есть вклад трудящихся всех республик!

Авторитетен голос Украины и на международной арене. Украина — один из основателей ООН. Делегация нашей республики вместе с делегациями СССР и БССР в Организации Объединенных Наций всегда выступает за мир и сотрудничество. Международные экономические связи республики ширятся с каждым годом. В сто с лишним стран мира поставляется сейчас продукция наших заводов и фабрик.

То, что мы делаем и чего мы достигли, продолжать вам, ребята, вы наша смена.

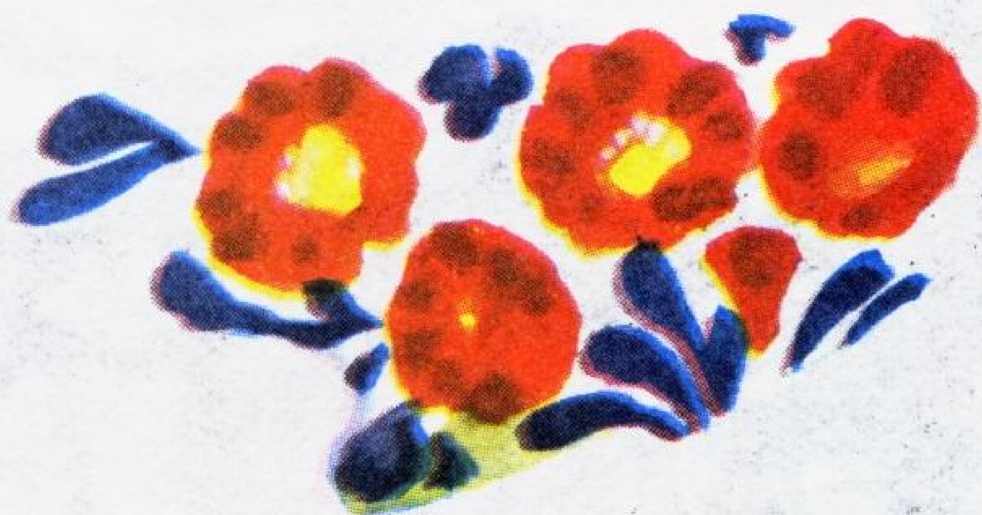
Уважаемый Алексей Федосеевич, что бы вы пожелали юным ленинцам нашей страны?

Рядом со взрослыми в свершениях нашего народа всегда были пионеры. В строительстве Днепрогэса участвовал пионерский трудовой батальон. Один из четырех пионеров — Героев Советского Союза — Валя Котик из Шепетовки. После войны именно они — ребята в красных галстуках — стали инициаторами создания библиотеки-музея имени Аркадия Гайдара в Каневе.

Но и мы, взрослые, наша партия и государство постоянно заботимся о детях. Еще в трудное для страны время, в 1925 году, Советское правительство открыло в живописной местности Крыма первый в стране пионерский лагерь-санаторий «Артек». И сейчас Советы народных депутатов много внимания уделяют детям: строятся удобные и красивые школы и дворцы пионеров, новые пионерские лагеря. «Все лучшее — детям» — этот ленинский завет настойчиво воплощается в жизнь нашей партией.

Сегодняшние юные ленинцы продолжают славные дела, добрые традиции своих предшественников. Покачивается на волнах океанский лайнер — он создан из пионерского металлолома. Высятся на Украине и в Белоруссии обелиски — их начали устанавливать украинские и белорусские пионеры погибшим героям-сверстникам. Украинские пионеры первыми стали разводить кроликов и показали пример всем дружинам в стране.

И я желаю всей нашей славной пионерии и впредь крепко дружить — дружить всей страной, отдавать все силы, сердце и ум тому делу, которому мы, их отцы и деды, служили всю жизнь,— укреплять и украшать нерушимый Союз братских республик.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Сергей СКАЧЕНКОВ

В нашем городе

В нашем городе портовом
Ровно в полдень пушка бьет.
В нашем городе «Аврора»
Знаменитая живет.

Залп ее победной песней
Был в семнадцатом году.
Из легенды этот крейсер,
В гости я к нему иду.

Каждый день, в любую пору,
Крейсер ждет своих друзей.
Приходите на «Аврору» —
Вверх по трапу —
и в музей.

На Петропавловской в двенадцать

В классе ушки на макушке:
Вот-вот-вот пальнут из пушки!

Хоть уроки — не уроки,
Не пропустит пушка сроки.
Ей служить совсем не лень
Без каникул, каждый день!

Стрелки встретятся в двенадцать,
И бабахнет — будь здоров!
Хорошо на Петроградской —
Знаем время без часов.

Свиристели

Еще ты нежишься в постели,
Тебе вставать не хочется —
Уже проснулись свиристели,
И им вовсю хлопочется.

Живут веселые семейства
У нас в саду Адмиралтейства,
Живут в Сосновке, на Поклонной,
В саду, где Смольного колонны,
И в Летнем тоже свиристели
Зимою этой свиристели.
И пусть морозно на дворе,
Они поют и в январе.

Буксир

Идет буксир
По невской глади
В спецовке масляной своей,
Не в белотрубном
Он наряде,
А прокопченный до бровей.

В работе он
И дни и ночи.
— Я после в доке отосплюсь! —
Пыхтит буксир,
Невы рабочий,
Гудит, упрямый:
— Тороплю-ю-юсь!

Дорогой этой,
Как на марше,
С названьем «Невский» на борту,
Он тянет баржи,
Тянет баржи,
А грузы ждут давно в порту.

Наш залив

Как залив себя ведет?
Тих, спокоен?
Или все наоборот —
Он расстроен?

Если он не в настроенье —
Ожидайте наводненья!

На Неве

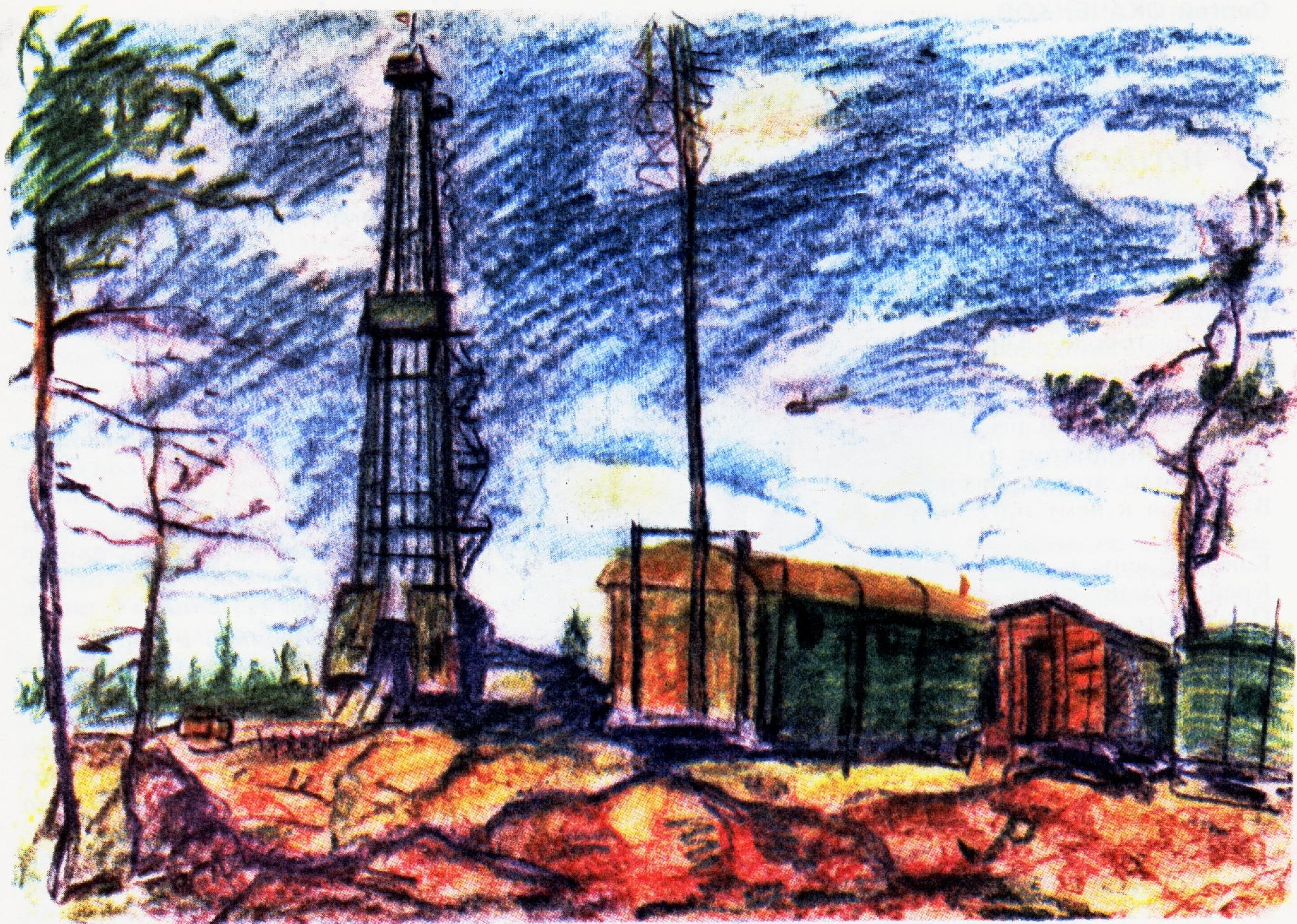
Вы видали, как красивы
Наши каменные львы?
Им причесывают гривы
Гребни белые Невы.

Их порой Нева купает,
Окунает с головой.
В наводненье так бывает
С нашей быстрою Невой.

А сейчас она спокойна.
Чайки невские парят.
За собой оставив волны,
Лишь буксиры прогудят.

Да промчится катер быстрый,
Смело так — вразрез волне!
Эх, скорее подрасти бы —
Прокатиться так и мне.

Рисунок А. ДУГИНА.

Г. И. КУБЛИЦКИЙ

УРЕНГОЙ — ГИГАНТ У ПОЛЯРНОГО КРУГА

Главные нефтяные месторождения Западной Сибири — в неласковом краю тайги и болот.

Газ природа отодвинула еще дальше на север. Туда, где стелется тундра и капризная, во многом еще загадочная вечная мерзлота — недаром называют ее полярным сфинксом — чинит всякие помехи первопроходцам.

Сургут кажется нам отдаленным городом. Однако он лишь на полдороге от Тюмени к главным городам газодобытчиков — Надыму и Новому Уренгою. Оба они придвинуты почти к самому Полярному кругу.

Десятая пятилетка превратила Надым в довольно значительный город. Он обязан своим появлением газовому месторождению Медвежьему.

Геологи подсчитали, что запасы газа здесь исчисляются в полтора с лишним триллиона кубометров.

Казалось, превзойти Медвежье будет трудно.

Но когда более основательно разведали запасы Уренгойского месторождения — ахнули: свыше шести триллионов кубометров! Число с необычно большим хвостом нулей: 6000000000000.

Месторождение Медвежье используется уже полным ходом.

Его газ по трубопроводу получают Урал, Поволжье, Центр.

Теперь Надым помогает соседям, работающим на Уренгойском месторождении и начинающим осваивать еще одно — Ямбургское.

Уренгой как бы еще раз доказал, что двух совершенно одинаковых месторождений в природе не бывает.

Этот гигант можно сравнить с многоэтажной кладовой. Причем у каждого этажа свой характер. Ближе к поверхности — газовое месторождение обычного типа, необычное лишь по запасам. Ниже — газ с вкраплениями жидкого конденсата, ценные для нефтехимической промышленности смеси углеводородов. Наконец, еще ниже, на глубинах свыше трех

километров, залегают пласты, где газ находится под очень высоким давлением.

Когда осваивали Уренгойское газовое месторождение, часто употреблялось слово «впервые». А когда «впервые» оканчивается удачей, то и честь двойная.

Новаторы Уренгоя заслужили эту честь. Они бурили скважины особенно большого диаметра, способные пропустить массу газа. Стараясь лучше и быстрее использовать добытое, наладили у себя опытную переработку жидкого конденсата. В толще вечной мерзлоты построили холодильники-газохранилища: охлажденный газ легче идет по трубам. Прокладывали небывалые газопроводы, причем передовые бригады добивались рекордной выработки: 130 километров сваренных труб в сезон!

За три года Уренгой вышел на мощности, для достижения которых Медвежьему понадобилось шесть лет!

На восток, юг и запад расходятся лучи трубопроводов. Один луч короткий — до Надыма. Уренгойский газ там принимает газопровод Надым — Урал — Поволжье — Центр.

Самый длинный луч тянется к западной границе Советского Союза. Есть луч на Урал, к Челябинску. Есть на Москву — столица приняла уренгойский газ в первом году новой пятилетки. Есть...

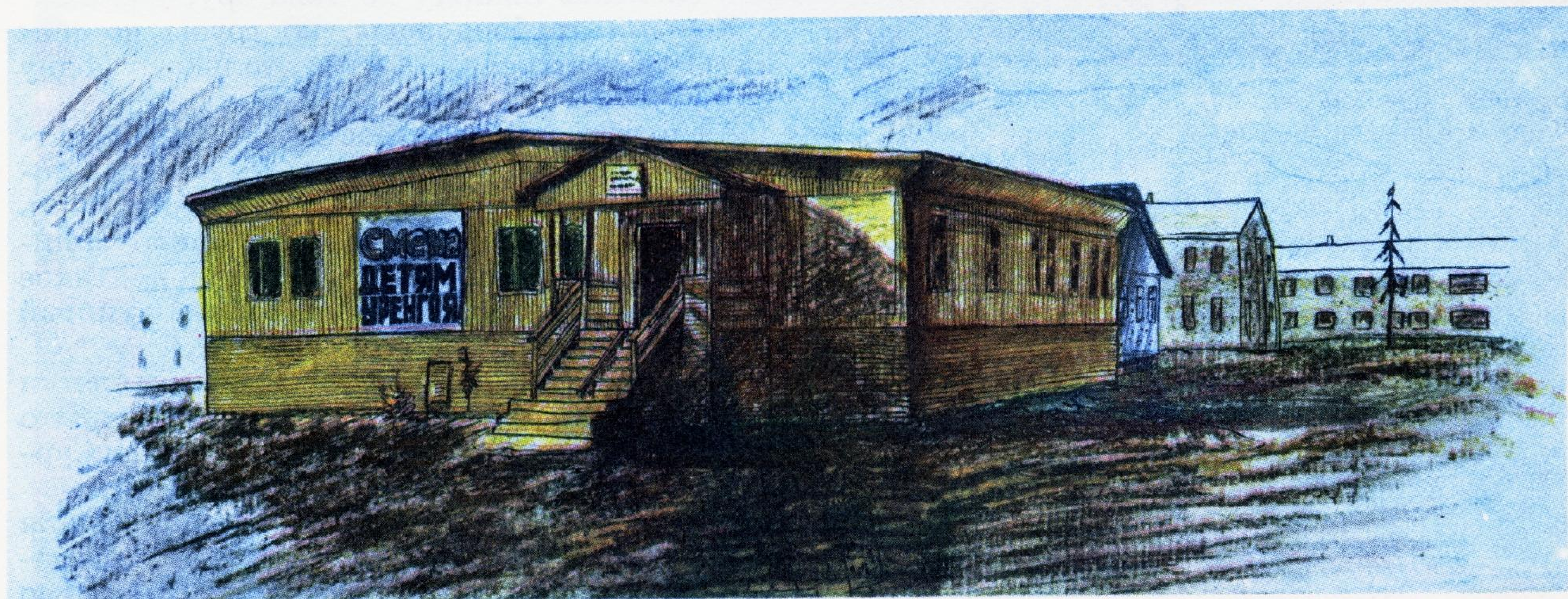
Но, строго говоря, газопроводы, как и нефтепроводы, не лучи, а весьма сложные системы. Бывает, что один трубопровод вливается в другой, тот — в третий. Местами трубы идут параллельно, затем расходятся. Есть участки, притом весьма длинные, где трубы одного или разных диаметров лежат в две-три «нитки». И самое главное, сегодня наши трубопроводы соединены между собой в Единую автоматизированную систему газоснабжения и нефтеснабжения.

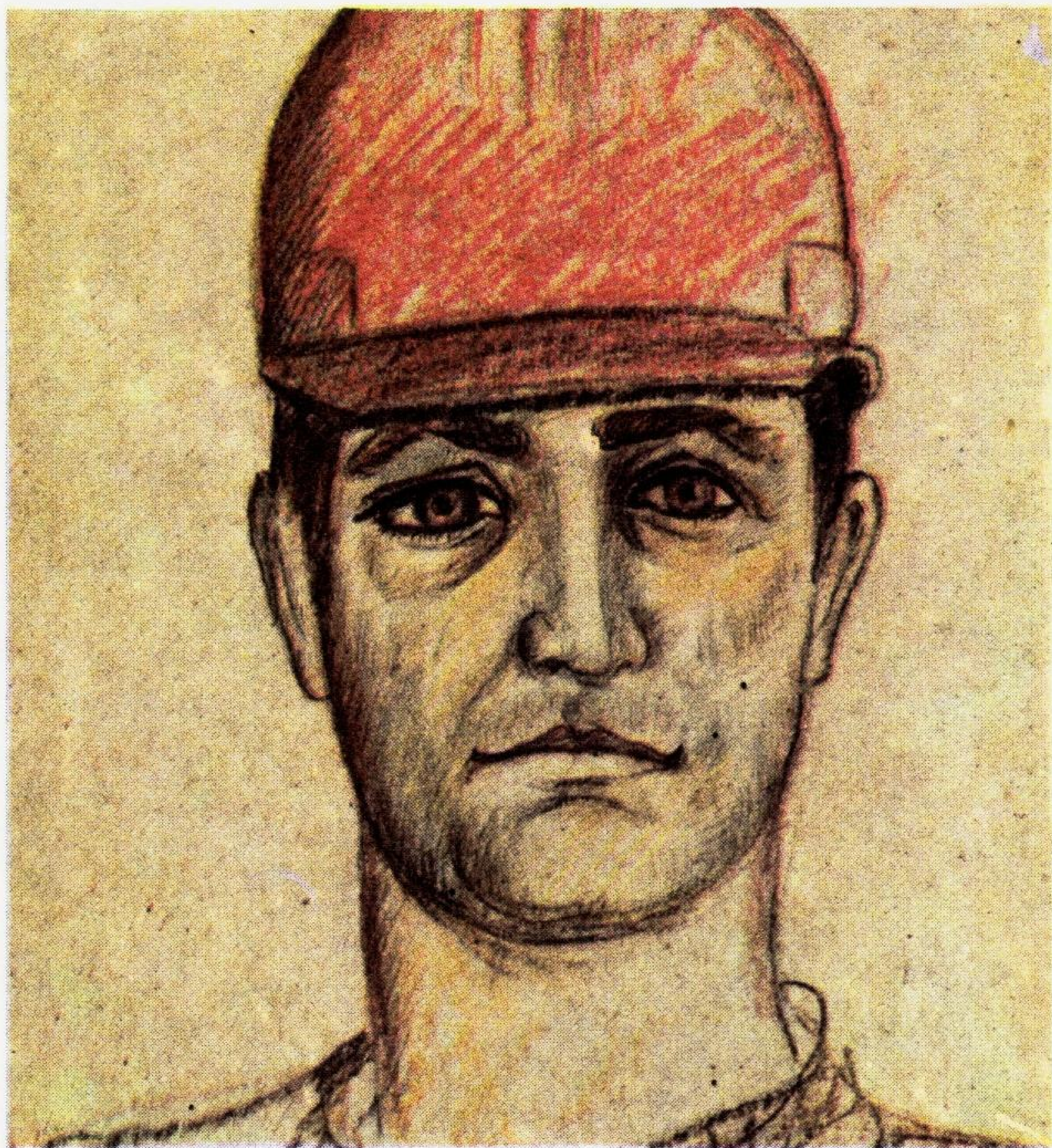
Новый луч Уренгоя прокладывается по трассе Перегребное — Нижняя Тура — Горнозаводск — Петровск. Названия этих пунктов известны далеко не каждому знатоку географии. Но ведь газопровод не поезд, пассажиры в крупных городах не выходят. Часто наиболее удобное направление выбирается как раз в обход населенных пунктов: к ним в случае надобности легко сделать ответвление.

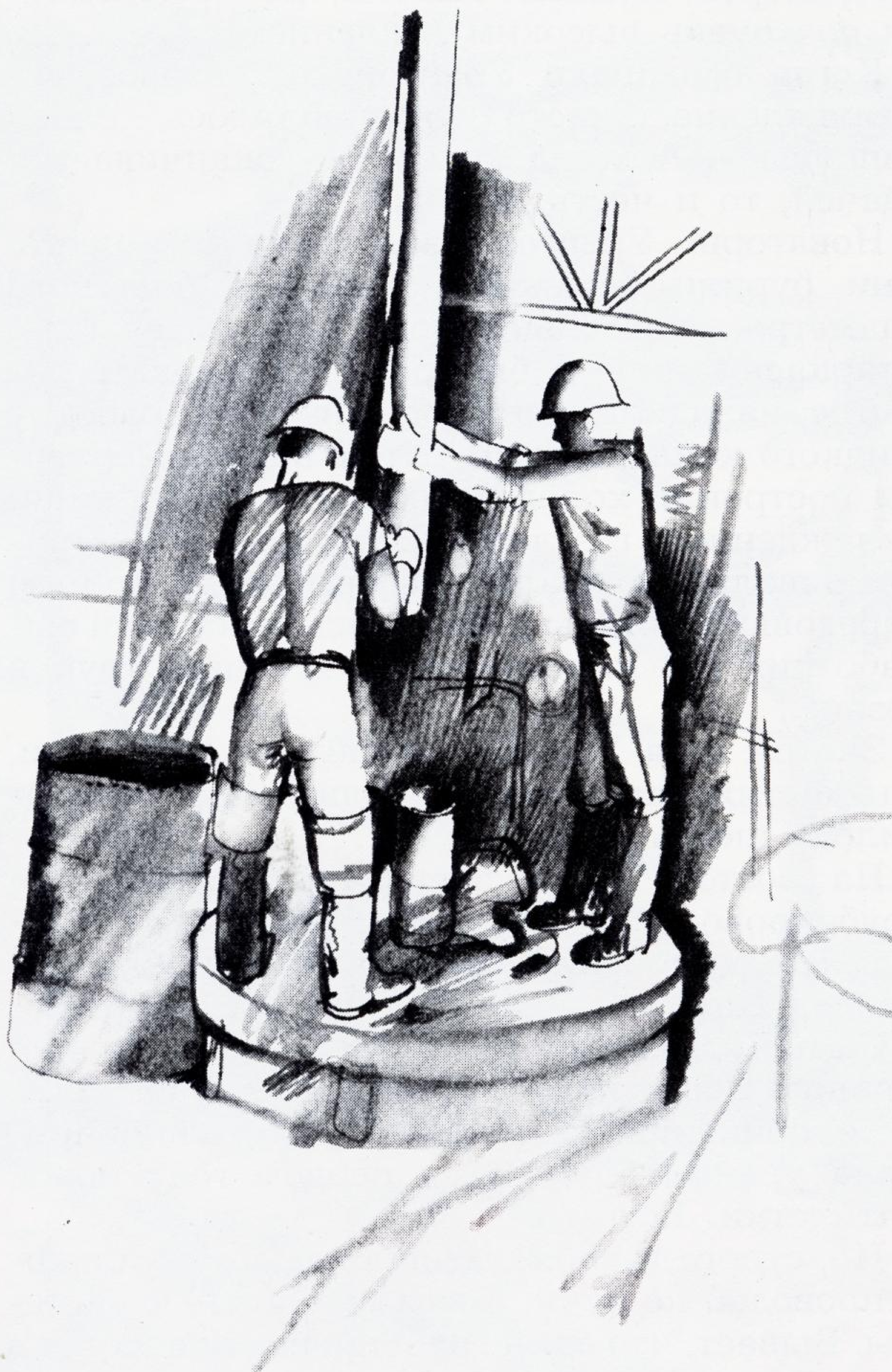
Молодой художник Владимир Сергеев побывал на севере Тюменской области — в болотистой тундре почти у Полярного круга. Там, в суровых условиях, работают те, кто добывает голубое топливо.

Владимир Сергеев ездил на буровые, встречался с нефтяниками, рисовал дома и улицы Нового Уренгоя. На его рисунках ты видишь буровиков и строителей, буровые вышки в тундре, дома и улицы Нового Уренгоя, новенькое здание библиотеки, построенное для детей Уренгоя по инициативе журнала «Смена».

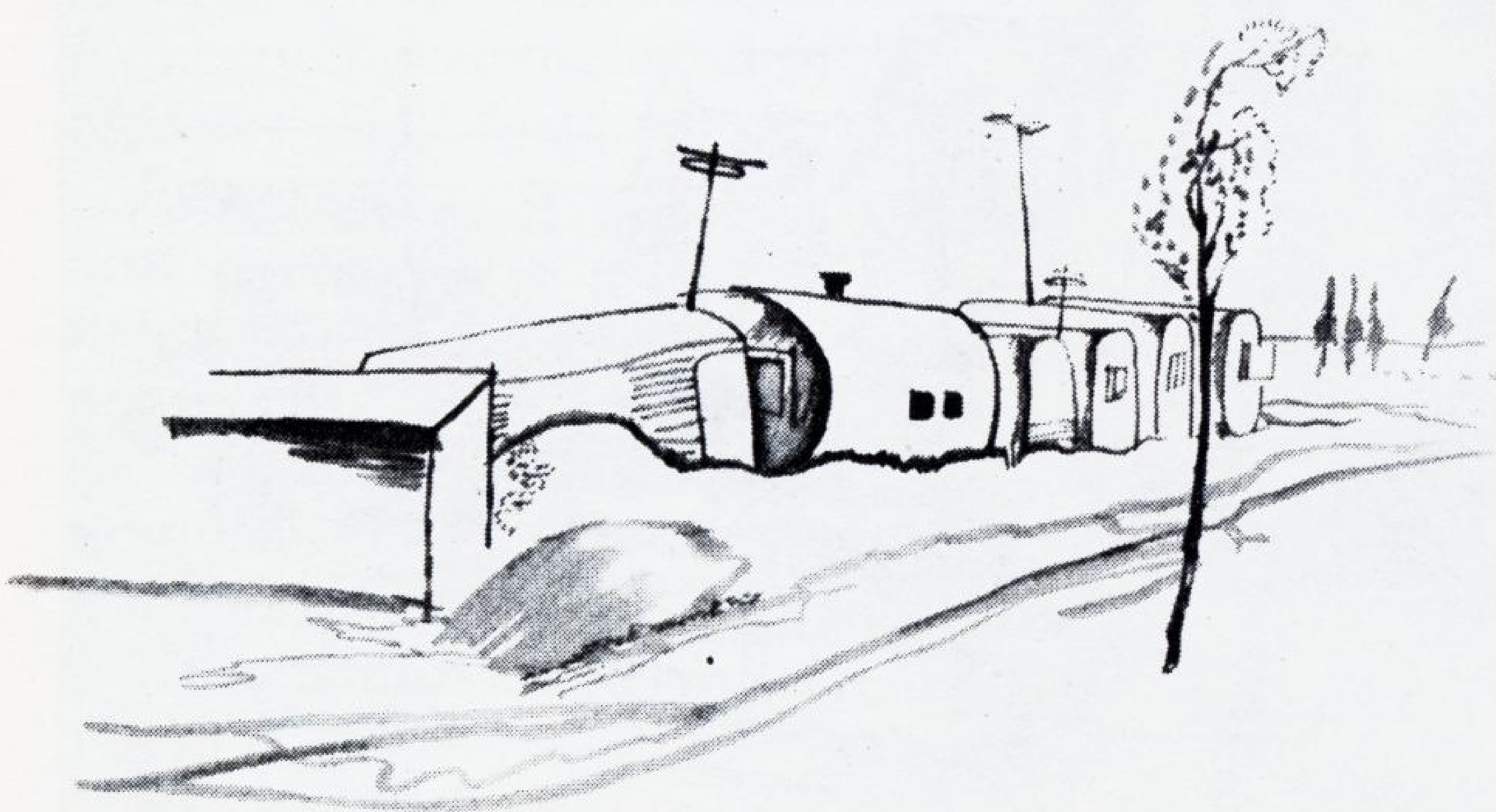

Помощник бурового мастера Алексей Эрикович Вебер.

Бригадир каменщиков Виктор Егорович Боярник.

Длина нового луча более 2700 километров. Из них свыше 200 — болота, 240 — скалы, сотню километров труб придется укладывать по дну рек, среди которых Обь и Волга.

В минувшей пятилетке создано 50 тысяч километров новых дорог для нефти и газа. Действуют сотни компрессорных и насосных станций, а ведь каждая из них по сложности и стоимости равна небольшому заводу.

Если же соединить в один трубопровод все, действующие на территории страны, то получилась бы «нитка», которой можно несколько раз опоясать планету по экватору!

Хороши трубопроводы, но грузы по ним идут не всякие и обычно только в одну сторону.

А для того, чтобы полностью овладеть богатствами Уренгоя, по-настоящему отстроить город Новый Уренгой, чтобы искать и осваивать новые месторождения, нужны мощные машины, горы строительных материалов — такое множество грузов, что никакой воздушный мост с ними не справится.

И вот в самом конце десятой пятилетки разнеслось долгожданное известие: открыто рабочее движение поездов на магистрали Сургут — Уренгой.

Это еще не означало, что новая линия полностью готова к перевозке грузов и пассажиров. «Ввести в эксплуатацию железную

дорогу Сургут — Уренгой» — задача одиннадцатой пятилетки. Но открытие рабочего движения показывало, что на одной из наших труднейших железнодорожных строек одержана большая победа, притом раньше, чем ее ожидали.

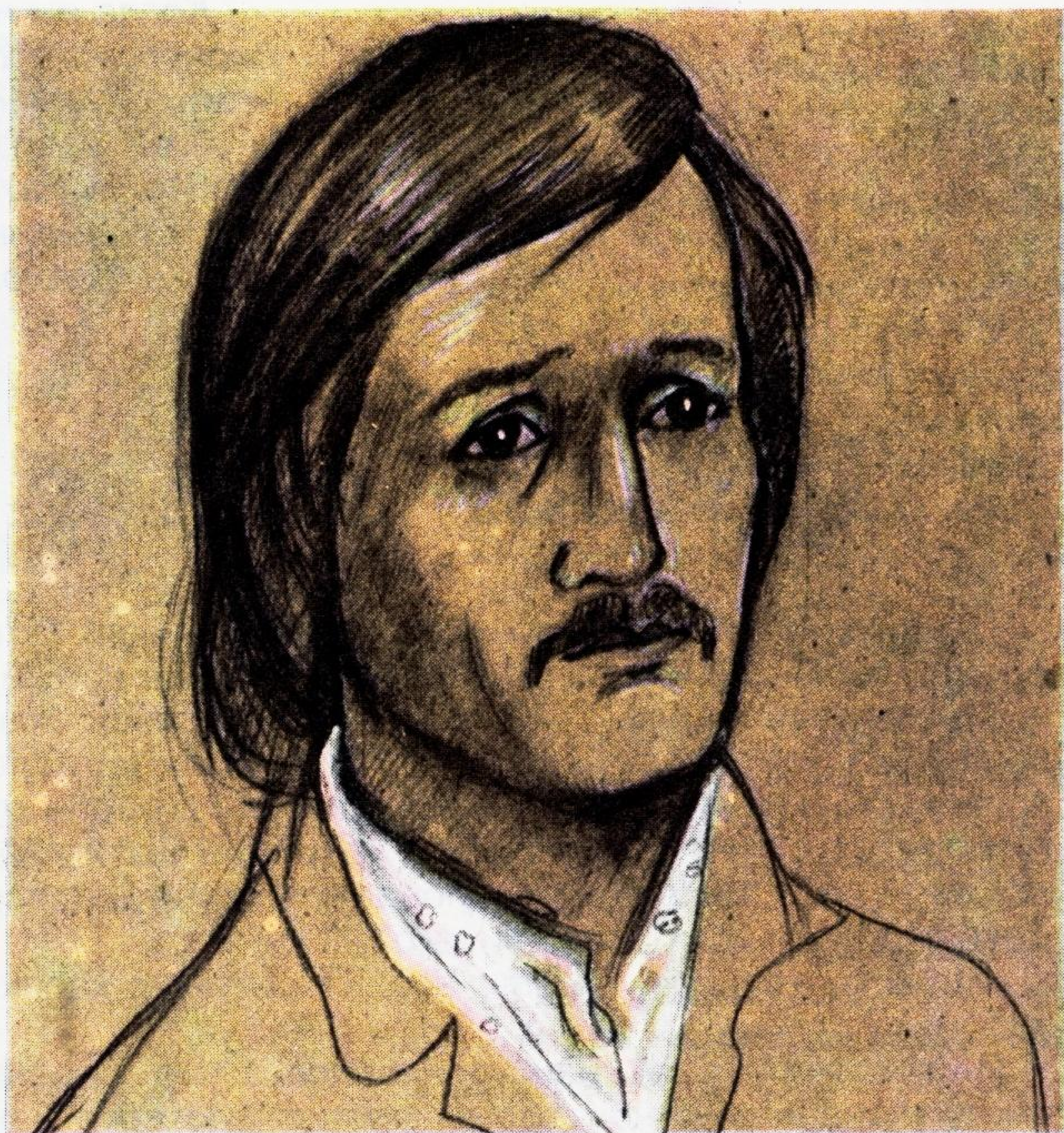
Дорога Сургут — Уренгой как будто не так уж и длинна: около 600 километров стального пути. Однако ее колея протянулась почти к Полярному кругу через места нехоженые, где и обычную дорогу, самую немудрящую, прокладывают с великим трудом. И не будь у нас БАМа, сколько песен сложили бы о Севсибе — так сокращенно называют новую трассу!

В самом деле, разве можно представить себе в средней полосе России такой участок дороги, где на каждом километре пришлось бы строить мост? А на «Северном меридиане» — это еще одно название трассы — такой участок есть, и на нем 99 мостов. Обычно в железнодорожные насыпи идет гравий. Вблизи новой трассы его не нашли. В дело пошел песок, который брали со дна окрестных озер и перегоняли по трубам.

Дорога строилась и одновременно работала. Когда станция Уренгой услышала первый сигнал локомотива, на счету трассы были уже миллионы тонн груза.

А ведь есть возможность продолжить магистраль! И не только по газоносному краю. Строителей влечет Енисей. Так ли уж далеко до него? Енисейскому Заполярью железная дорога очень нужна. Пока что гигантские заводы Норильска и сам город связаны с Транссибом только водными и воздушными путями.

И если — пусть не сегодня, не завтра! — пройдет по северным окраинам новый стальной путь, сколько радостных перемен принесет он!

Слесарь-ремонтник Юсуп Саяхович Ахмедшин.

Когда вы носили красный галстук, каким вы были? Какие качества пионерского характера вы цените? Помогало ли вам потом в жизни то, чему вы научились в своем пионерском отряде?

*Эти вопросы корреспондент нашего журнала задал известному писателю **Евгению Серафимовичу ВЕЛТИСТОВУ**, автору книг «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг», «Победитель невозможного» и многих других.*

Друзья мои и... Электроника

Однажды в нашем классе появился новенький. В то время, зимой 1942 года, это не было ни для кого из нас неожиданностью: многие семьи москвичей возвращались из эвакуации, и в школу то и дело приходили новые ученики. Весь урок мы сгорали от любопытства: что за мальчишка, какой он? Вытягиваясь из-за парт, мы вертели головами, перемигивались друг с другом: как, мол, ничего?

«Ничего,— вскоре решили все.— Правда, с характером».

И действительно, нам показалось, что парень смотрит на нас с некоторым превосходством, как будто не замечает никого вокруг себя. Если классные остряки отпускали в адрес новенького какие-нибудь шутки, он неизменно давал сдачи и невозмутимо отворачивался к окну. Конечно, нравилось это не всем, и, собравшись однажды после уроков в укромном месте за школой, мы решили, что не дадим ему «очень уж разгуляться». Но вскоре Елена Григорьевна, наша классная руководительница, рассказала нам, что мальчишка этот живет в детском доме: его семья погибла во время бомбежки. Так вот почему после уроков, когда все бежали домой, он еще долго задерживался в школе, а дежурные, появляясь в классе за полчаса до занятий, заставали его уже на месте. «Пусть только хоть пальцем кто его тронет» — это было уже новое решение мальчишек нашего класса, новое и окончательное.

И вы знаете, когда отношение класса к нему изменилось, изменился и он сам. Новенький, настороживший весь класс своим появлением, оказался прекрасным парнем — интересным, общительным. Просто надо было отнестись к нему миролюбиво, по-дружески, чтобы он не чувствовал себя одиноко и неуютно.

Я вспомнил этот эпизод не случайно. Каждый раз, когда я мысленно возвращаюсь в свое пионерское детство, я вспоминаю свой отряд, точнее, тех двадцать мальчишек, которые и после школы оставались отрядом. Они научили меня настоящей дружбе, и это очень помогло в жизни. Окончив институт, я стал журналистом. Отлично помню свою самую первую командировку в Братск. Надо было сделать серию материалов о рабочих, которые добровольцами приехали в Сибирь, чтобы построить город. И, даю вам честное слово, если бы еще в детстве я не научился чувствовать настроения людей, понимать их переживания, я не написал бы ни одного хорошего очерка или репортажа.

Плохо, когда у человека нет друзей. Но еще хуже, когда он и не стремится найти их, не может стать нужным другому человеку.

Став взрослым, я решил, что когда-нибудь обязательно расскажу ребятам о своем отряде, о нашей дружбе. Но долго не мог придумать, как это лучше сделать. А однажды, собираясь летом на юг, я набрал с собой целый чемодан книг и еле-еле донес его до вокзала. Мне казалось, что ничего тяжелее и быть не может, разве только железо. Чтобы легче было нести, всю дорогу я фантазировал. Хорошо бы сделать такого железного человечка, которого можно будет разобрать и собрать, когда надо,— робота. Он легко поместится в чемодан, и его можно будет носить куда угодно. И я так увлекся, что в поезде еще долго не мог остановиться; наконец взял ручку и записал все, что сочинил по дороге. Так появился Электроник. Это было уже полдела, потому что, каким изобразить класс, я знал давно.

Через несколько лет вышли мои самые любимые теперь книги: «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг» и «Победитель невозможного», по которым позднее был создан сценарий трехсерийного художественного фильма «Приключения Электроника». Я хотел, чтобы каждый из вас поверил если не в железного робота, то в настоящих ребят — честных, открытых, добрых, в дружбу, как в отряде, где живут Электроник и его товарищи.

Вы верите?

ПЯТИЛЕТКА ТРУДОВЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ

«Пионерстрой» — это слово впервые прозвучало в городе на Неве, у ленинградских пионеров, и навсегда осталось в летописи пионерской организации. Трудовые традиции первых пионерских отрядов, которые активно участвовали в «красных субботах», помогали выращивать молодняк, боролись с сорняками, радиофицировали деревни и села, продолжили все пионерские поколения. Это руками юных ленинцев собран металлолом для нефтепровода «Дружба», железной дороги Абакан — Тайшет, турбин Саяно-Шушенской ГЭС, для БАМа. Это юные пионеры за последние шесть лет собрали один миллион тонн макулатуры и сберегли для зеленого наряда Отчизны десятки миллионов деревьев. Пионерский металл, пионерские сады, пионерская бумага, пионерский хлопок — вот чем славен «Пионерстрой».

И вот в дни VIII Всесоюзного слета пионеров в Москве дан старт Пятилетке трудовых пионерских дел. Пионерская организация получила от Министерства черной металлургии, Министерства сельского хозяйства, Министерства здравоохранения, министерств рыбного и лесного хозяйств, Госснаба и Центросоюза СССР конкретные задания и наказы. Каждая дружина составила план своих трудовых дел на пятилетку и выполняет их.

Журнал «Пионер» предлагает вам **карту-схему «Пионерстроя» и Пятилетки трудовых пионерских дел.** Какие главные всесоюзные трудовые дела юных ленинцев на пятилетку?

Операция «Уренгой».

Слово «Уренгой» уже стало легендарным. Здесь, в Тюменской области, обнаружены богатейшие запасы газа. Страна уже получает уренгойский газ. По газопроводу этот газ будет поступать из Западной Сибири в Центр Европейской части СССР. Для того чтобы выплавить трубы этого гигантского газопровода, необходимо 3,5 миллиона тонн металла. Чтобы выполнить задание металлургов, **каждый** пионер **ежегодно** должен собрать не менее **20 килограммов** металлолома. Каждый год в канун дня рождения пионерской организации будет проходить операция «Пионерская автоколонна» по сбору металлолома, а лучшие металлурги страны проведут пионерские плавки, куда пригласят лучших сборщиков.

Операция «Зернышко».

В 1935 году, 4 декабря, Михаил Иванович Калинин вручил в Кремле первые правительственные награды юным ленинцам за помощь родным колхозам. Орден Ленина был вручен Мамлакат Нахангововой, «Знак Почета» — Ишану Кадырову и Хавахан Атакуловой. И сегодня у многих пионеров на груди ордена и медали за ударный труд на полях и фермах страны.

В операции «Зернышко» активно участвуют 5 миллионов ребят. В пионерской пятилетке они будут работать в ученических производственных бригадах, помощниками комбайнеров в семейных экипажах, создавать пионерские посты и дозоры по охране урожая, готовить семена к севу, выводить новые сорта, помогать старшим собирать овощи и фрукты.

Операция «Пионерская ферма».

Животноводство — ударный фронт. Так решил XXVI съезд коммунистов. И пионеры страны во всем помогают старшим: заготавливают корма, создают животноводческие звенья. По примеру юных ленинцев Украины, Татарии, многих областей РСФСР ребята создают кормоводческие фермы, помогают родителям на приусадебных участках. А как пионеры вашей дружины участвуют в операции «Пионерские фермы»?

Операция «Зеленая аптека».

Сбор лекарственных трав — традиционное дело юных ленинцев. В годы Великой Отечественной сотни тысяч раненых вернулись в строй благодаря лекарствам, изготовленным из трав, собранных пионерами. Юные ленинцы провели интернациональную акцию «Лесная аптека — детскому госпиталю в Ханое». В пионерской пятилетке дружины страны должны собрать **175 тысяч тонн** лекарственных трав. Дело это важное и по плечу юным пионерам.

Поход «Бережливых».

Главное в походе — научиться **беречь народное добро.** Пионерские отряды организуют «Пионерские фонарики» по экономии электроэнергии, участвуют в операции «Живи, книга!» по бережному отношению к учебникам и библиотечному фонду. Пионеры Белоруссии взяли под охрану тепло в подъездах и домах. Хорошее начинание! Пионеры страны изготавливают наглядные пособия, помогают в ремонте классных комнат, благоустраивают дворы, детские площадки.

Операция «Миллион — Родине».

Собрать один миллион тонн макулатуры за пять лет — главная задача операции. Чтобы выполнить ее, каждый пионер должен ежегодно собрать и сдать **10 килограммов** макулатуры. Пионеры организуют пионерскую разведку, проводят рейды и делают все, чтобы собираемая бумага не пропадала, а сдавалась на пункты сдачи вовремя. Это сбережет от вырубки миллионы деревьев.

Операция «Живое серебро».

Более десяти лет назад по инициативе журнала «Пионер» началась операция «Живое серебро». За эти годы «голубые патрули» спасли миллиарды мальков ценных пород рыб. Тысячи ребят награждены ценными подарками Министерства рыбного хозяйства СССР. И сегодня пионеры помогают разводить и выращивать рыбу в прудовых хозяйствах, оберегать нерестилища, бороться с браконьерами, следить за чистотой рек и водоемов.

Операция «Зеленый наряд Отчизны».

Сберечь каждое посаженное

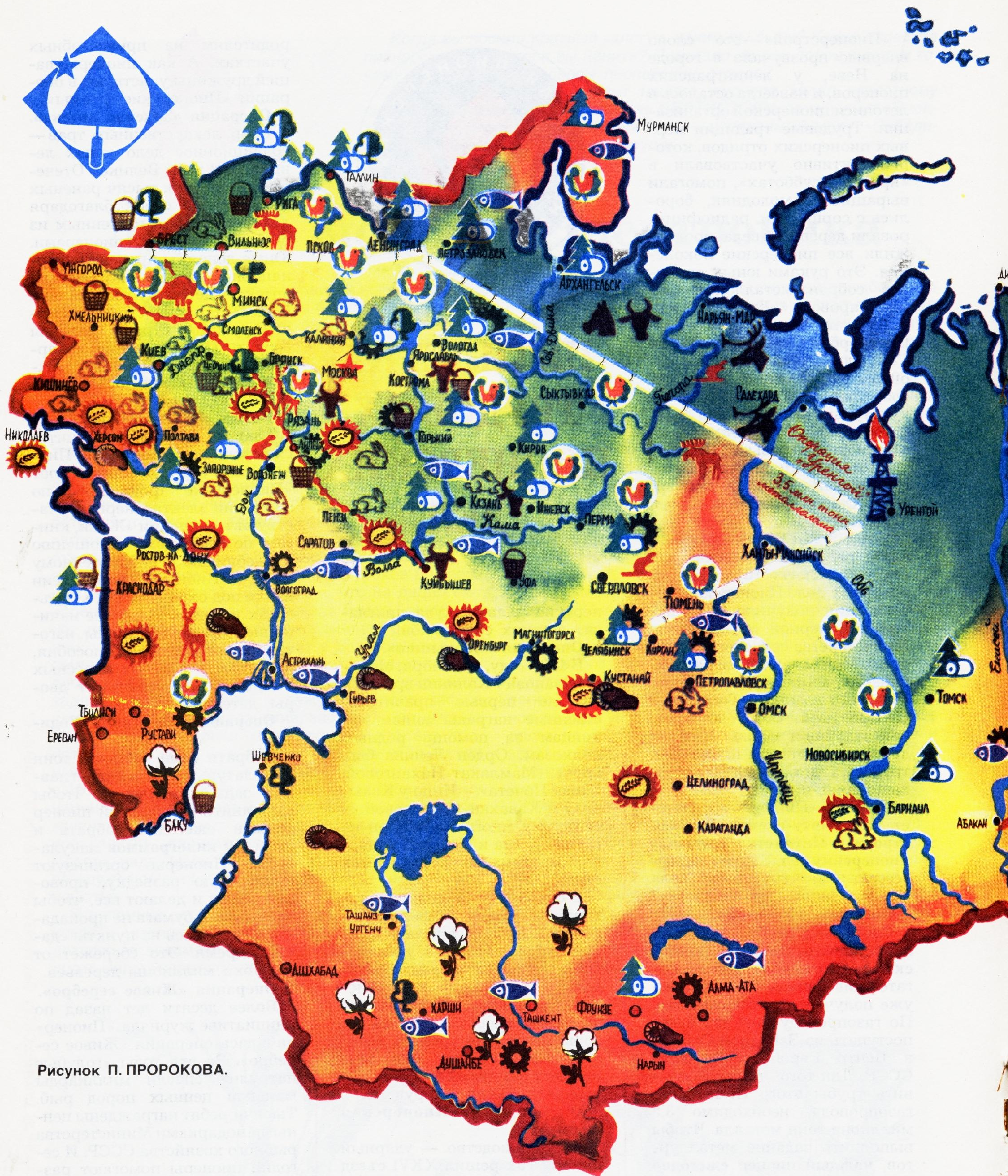

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

дерево, вырастить **100 миллионов** деревьев — вот цель этой операции. Уже нынешней осенью школьные лесничества, «зеленые патрули» посадили тысячи деревьев в родных городах и поселках, разбили новые аллеи, парки, цветники. А как растет дерево, посаженное тобой?

Оформите карту-схему Пятилетки трудовых пионерских дел вашей дружины и повесьте ее в пионерской комнате, постоянно обновляйте ее новыми цифрами и фактами, которые наглядно расскажут всем, как отряды участвуют в пионерской пятилетке.

ИКСОН
ХАТАНГА
НОРИЛЬСК
ТУРА
Нижняя Тунгуска
Ангара
КРАСНОЯРСК
ТАЙШЕТ
УСТЬ-КУТ
ЗВЁЗДНЫЙ
НИЖНЕАНГАРСК
ИРКУТСК
КЫЗЫЛ
УЛАН-УДЭ
ЧИТА
Амур
БЛАГОВЕЩЕНСК
ТЫНДА
БАМ
ЧУЛЬМАН
БЕРКАКИТ
Лена
Алдан
ЯКУТСК
ВЕРХОЯНСК
ОЙМЯКОН
Колыма
МАГАДАН
АНАДЫРЬ
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ
ХАБАРОВСК
ЮЖНО-САХАЛИНСК
ВЛАДИВОСТОК

«Миллион — Родине!» — Всесоюзное соревнование комсомольских и пионерских организаций по сбору бумажного сырья.

«Зернышко» — Всесоюзная трудовая операция пионеров страны. Территории, пионерские организации которых являются наиболее активными участниками операции.

Операция «Живое серебро».

Всесоюзная операция «Зеленый наряд Отчизны». Территории, пионерские организации которых являются наиболее активными участниками операции.

Участие ребят в охране редких и ценных животных.

Территории, комсомольские и пионерские организации которых являются наиболее активными участниками конкурса, по сбору лекарственных трав, ягод, грибов, плодов дикорастущих растений.

Операция «Белое золото».

Школьные лесничества.

Юные животноводы (разведение телят, жеребят, овец, цыплят, кроликов, оленей, лис и песцов).

Территории, пионерские организации которых являются наиболее активными участниками сбора металлолома.

БАМ.

Нефтепровод «Дружба».

Класс дружбы

Мы хотим рассказать вам о нашем классном КИДе. Два года назад на отрядном сборе мы всем классом решили начать переписку с зарубежными ребятами. Но вот где достать адреса — не знали. Выручила классная руководительница: на следующий день она принесла нам адрес мальчика из Англии, и мы сразу же побежали к нашей учительнице английского языка сочинять письмо. Сначала мы так увлеклись, что придумали рассказ, который и с учительницей, наверно, перевести не смогли бы. Когда письмо было отправлено, весь класс ждал ответа. Он пришел быстро. Мы снова собрались у учительницы, на этот раз, чтобы прочитать письмо. Подняли шум, каждому хотелось самому перевести хотя бы одно предложение, а получалось, что все хором повторяли за учительницей, которая читала по-английски.

Теперь наш классный КИД дружит с ребятами из Венгрии, Румынии, Болгарии, Франции, ГДР, Чехословакии, Монголии, Вьетнама и Англии. Они рассказывают нам о своих городах, о школах, в которых учатся, о друзьях.

Английские ребята очень помогли нам в изучении английского языка: сейчас мы почти все письма пишем без помощи учительницы и «тройки» на наших уроках — редкость. В других классах по нашему примеру создаются новые КИДы, а в школе нашу классную комнату называют классом дружбы.

Луиза и Лола ГАЖИУ,
Талды-Курганская область.

Наша библиотека

Однажды мне поручили организовать в классе библиотеку, и я попросила ребят принести в класс по книге. Многим эта идея понравилась — они принесли сразу несколько книг, а некоторые ребята из нашего класса почему-то вообще не захотели принять участие в создании библиотеки. Мы, конечно, немного огорчились, но виду не подали. Вскоре библиотека «открылась». Сначала мы с подружкой выдавали только по одной книге, ведь надо же, чтобы всем хватило, а потом, когда книг в библиотеке стало больше, ребята брали и по две и по три.

Но как-то раз мы заметили, что некоторые ребята очень неаккуратно читают книги: вырывают странички, загибают уголки. И тогда мы решили устроить книжную «мастерскую». После уроков в классе собралось человек пять, и все начали подклеивать переплеты, обложки книг. Вскоре все было приведено в порядок. С тех пор в нашей библиотеке все книги в порядке, потому что мы следим за ними.

Лена РОМАНЕНКО,
г. Полоцк, Витебская область.

Зимний гость

Прошла дождливая осень. Наступила зима, холодная, злющая. Выпал пушистый снег. Он толстым ковром покрыл землю. Уткнувшись в сугробы, спят елочки, утонули по колено в снегу тонконогие березки и осинки — не страшен им мороз. А вот большим деревьям холодно. Трещат они, стонут на весь лес. Плохо приходится зимой и птицам, совсем нелегко отыскать под снегом зернышко, гусеницу или жучка. Вот и летят птицы поближе к жилью человека.

Однажды я повесила у себя на балконе кормушку, насыпала пшена, положила хлеба. Возвращаясь после школы домой, я увидела, что на кормушке сидит какая-то странная птичка и клюет семена березы. Наверное, я ее испугала, потому что птичка вспорхнула и улетела. Но через час вернулась и снова начала клевать семена. Каково же было мое удивление, когда и на следующий день мой новый знакомый появился на кормушке! Так продолжалось изо дня в день. Услышав знакомый стук, я уже не бежала к окну, как раньше, знала: мой гость уже тут как тут! Так я подружилась с маленькой умной птичкой, и даже когда она прилетала не одна, я узнавала ее сразу.

Таня СЕРЕДА,
г. Мозырь, Гомельская область.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

О химии с тобой говорит кандидат химических наук Валерий Романович ПОЛИЩУК.

О ЧЕМ НЕ ПИШУТ В УЧЕБНИКАХ

В школе химия не казалась мне тяжелой. Разве трудно запомнить, что серебро одновалентно, а щелочь, соединяясь с кислотой, превращается в соль? Интересно было заглядывать в институтский учебник старшей сестры и с трудом разбирать таинственные головоломные слова: «дитиопроизводные», «гетерополикислоты»... Казалось тогда: поймешь, что означают эти слова,— и сразу станешь настоящим химиком. А где их узнать?

Записался в кружок. Нас предупредили, что занятия будет вести кандидат химических наук Александр Петрович Иванов, сказали, куда явиться. И мы явились. Пока ждали начала занятий, и перезнакомиться успели, и похвастаться, а двое даже подрались. Как вошел Александр Петрович, мы не заметили. Смотрим, стоит около стола пожилой человек, к нашим проделкам относится с полным спокойствием. Дождался, пока мы утихнем, и тихо сказал: «Садитесь, коллеги».

Сами понимаете, таким серьезным словом нас никто и никогда не называл. Все даже оробели, а я подумал: ну, вот, сейчас и другие ученые слова пойдут. Но Александр Петрович оказался веселым человеком. И вопросы часто задавал с хитрецой: «А как вы думаете, коллега, что будет, если мы в этот раствор капнем вот этого вещества?»

И если ученик ошибался, учитель с сожалением говорил: «Нет, коллега, такой реакции вы не получите. А выйдет у вас — что?— взрывчик-угарчик-пожарчик».

Сначала мы так и покатывались. Это уж потом манера Александра Петровича переспрашивать самого себя — «что?» — и говорить в рифму стала для нас привычной.

Тот первый урок химии показался нам на удивление веселым. А между тем, сами того не замечая, мы усвоили на нем самое важное из того, что должен знать химик. На бумаге-то можно написать что угодно — и формулы и уравнения разных реакций,— но на практике не всегда вещества ведут себя так, как нам хочется.

И еще Александр Петрович сказал нам: первый шаг к химии — понять, что эта наука

окружает нас всюду. Даже тогда, когда вы моете руки или стираете рубашку, когда варите суп,— происходят химические процессы, притом не такие уж простые.

Взять хотя бы квашеную капусту. Многие, наверное, видели, как ее готовят. А может быть, и сами помогали взрослым, не подозревая даже, какие непростые события при этом происходят. Задумывались вы, например, зачем кладут в капусту кусочек хлеба или протыкают ее несколько раз палкой, почему сначала кадку с капустой держат в тепле, а потом на холоде? Даже опытная хозяйка не всегда ответит на эти «почему». А химик объяснит.

При квашении капусты происходит превращение молекул одних веществ в молекулы других, каких в капусте вовсе не было. Иными словами, происходят обычные химические реакции. Корка хлеба — катализатор (вы, наверное, слышали такое слово) — она ускоряет реакции, направляет их в нужную сторону. Часть углеводов капусты — вещества, которые родственны сахару,— превращаются в кислоты и углекислый газ. Со временем углекислого газа накапливается слишком много, и, если не выпустить его на волю, появится пена, и вкусный сок из кадки разольется по полу. Поэтому и протыкают капусту палкой — так же из воздушного шарика выпускают воздух, когда шар готов вот-вот лопнуть.

В тепле капусту держат, чтобы реакции шли быстрее, потому что бактерии, которые их вызывают, не любят низкой температуры. А когда капуста почти готова, ее ставят на холод,— не то бактерии могут перестараться. Кислоты — лимонная и молочная,— которые образуются при квашении капусты и придают ей такой замечательный вкус, подавляют в нужное время деятельность бактерий и позволяют сохранять квашеную капусту долгое время.

Видите, сколько таится чудес в обычной кадке с квашеной капустой. Да что там капуста... Прочитайте книгу Г. А. Балуевой и Д. Н. Осокиной «Все мы дома химики» — еще более удивительные истории узнаете.

Одно дело — просто знать, другое — управлять химическими процессами самому. Разве не интересно добыть золото из обыкновенных старых радиоламп или сделать марганцовку, в которой нет марганца? Не верите, что такое возможно? Тогда загляните в журнал «Химия и жизнь». В клубе «Юный химик», открытом на его страницах, не таким чудесам учат.

Только сколько бы вы ни прочитали книг, одним чтением в химии не обойдешься и настоящим химиком не станешь. Химики познают мир своими руками, или, если выражаться более научно, основной метод их работы — экспериментальный. Химия все время ставит перед нами вопросы. Каждый опыт — это вопрос.

Есть много увлекательных и несложных опытов, которые по плечу начинающим химикам. Но дело не в сложности. Даже самый простой эксперимент надо уметь правильно, грамотно поставить. Сделаешь опыт небрежно — и ответ на вопрос будет неверным. Торопиться в химии, так же, как в любом другом деле,— бесполезно: поторопишься — придется все переделывать заново и не один раз. Поленишься как следует вымыть химическую посуду — считай, зря потеряешь время, когда будешь ставить опыт. Уметь экспериментировать в химии не менее важно, чем прочитать или даже выучить наизусть десяток книг. Поможет вам в этом книга О. М. Либкина «Опыты без взрывов».

Но вот научились вы ставить опыты, знаете уже, как важно, чтобы посуда была чистой, понимаете, что нельзя зажигать горелку там, где выделяется водород... Думаете, на этом химическая выучка и кончается? Как бы не так.

Александр Петрович говорил нам, что химик все должен уметь делать своими руками. Тогда мы не очень хорошо это понимали, но каждый, кто стал впоследствии химиком, не раз потом вспоминал эти слова.

Когда после окончания института я впервые пришел на работу, меня попросили... смонтировать прибор — хроматограф. Его только привезли и даже не успели распаковать ящики, в которых лежали детали. А через неделю прибор должен был уже работать. Так мне пришлось узнать важный для химика инструмент — гаечный ключ. А когда прибор наконец заработал, познакомился с отверткой и клещами: надо было починить один нехитрый аппарат. Потом пришлось идти к физикам, чтобы записать спектр. Не буду сейчас объяснять, какой такой спектр. Скажу только, что увидел громадный прибор — не знал даже, как он называется. Просидел около него несколько дней, пока разобрался, что к чему, и научился работать на нем сам.

После всего этого прихожу к своему начальнику с жалобой: вот, мол, уже несколько месяцев работаю, а колбу и в руки не брал. А он смеется: «Вот и хорошо, настоящим химиком становишься».

А ведь верно, припоминаю, Александр Петрович то же самое говорил нам — химик все должен уметь делать своими руками, не только с колбой возиться.

Хроматографы, спектрографы, лазеры, вычислительные машины — во всем этом тоже должен химик разбираться, которого по традиции все еще продолжают изображать с колбой в руке. Этим надо интересоваться и тем, кто только еще собирается стать химиком. Откуда взять все те знания, которые необходимы каждому, кто увлекается химией? Конечно, из книг.

Я думал когда-то: выучу все таинственные слова — вот я и химик. Не такая легкая, оказывается, эта наука.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Назовите осадочные породы.

Ученица. Дождь...

Люда Л.,
г. Свердловск.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Что такое молекулы?

Ученица. Это шарики с ушами.

Л. К.,
г. Таллин.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Составьте задачу с числами 16 и 7...

Ученица. Если дедушке 16 лет, а бабушка на 7 лет моложе...

Анжела Малкина,
пос. Степной.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Чем питаются растения?

Ученик. Крахмалом, зарытым в землю.

Наташа Царицынская,
г. Харьков.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. Какие виды черепах ты знаешь?

Ученица. Сухопутная, морская, Тортилла...

Лена Ушакова,
с. Фроловка, Приморский край.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Подбери антоним к слову «садясь».

Ученик. Вставаясь...

Марина и Женя,
Приморский край.

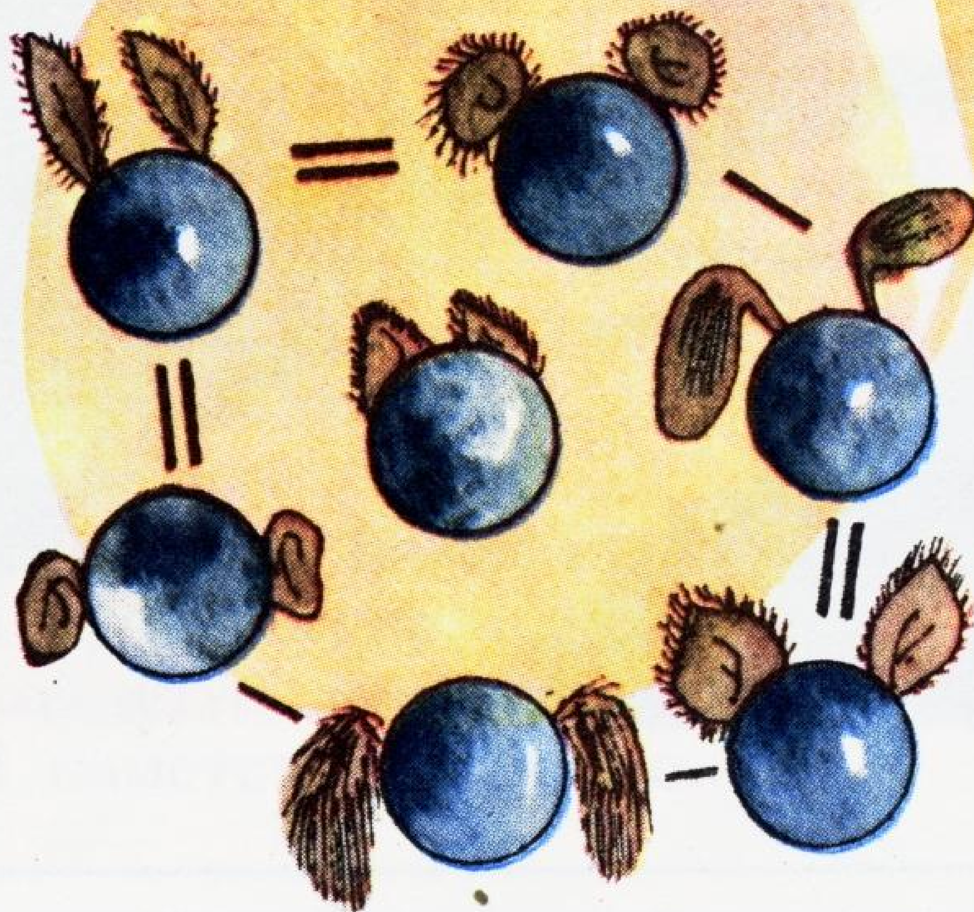
* * *

Учительница. Миша, просклоняй мне числительное «сорок».

Ученик. Сорок, сорока, сорокью, сорокьям...

Аня Григорьева,
г. Сумгаит.

Из школьных сочинений

«На балах он ухаживал за дамами, и скоро ему эти прибаутки надоели».

«Девочки были как живые, но они были нарисованы».

«За дверью послышались неторопливые следы».

«Вдруг что-то грохнулось, и ком пыли, взмахнув крыльями, вылетел в окно».

«Моего младшего брата Мишу зовут Миша».

«Куры, разгребая снег, искали семена, от них не отставали и лыжники».

«Кошка неслась на передних лапах, не касаясь земли».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Марина МАКСИМИК из города Дрогобыч написала стихотворение о героических и трагических днях — о том, как в годы Великой Отечественной войны люди жили в осажденном фашистами Ленинграде.

Крошки

Спешат по улице прохожие,
В авоськах хлеб — тепло земли.
А мне под памятью сутулиться
Сама история велит.

Прилавок черный, скособоченный,
И тянет сыростью от стен.
А за прилавком дремлет очередь,
Скорей, не дремлет — спит совсем...

И губы женщин оторочены
Густыми сетками морщин.
Седая и худая очередь,
В которой нет совсем мужчин!

И странно так, сосредоточенно
Ступают — силы уж не те.
Напротив ждет другая очередь,
Она из немощных детей.

Здесь хлеб дают клочками, каплями,
Скупой судья — кухонный нож...
Нет, эти женщины не плакали:
Сильнее этих не найдешь!

А крошки по прилавку катятся,
И дети, торопливо так,
Их ловят паучками-пальцами
И собирают их в кулак,

И снова в очередь становятся,
Не ждут чудес и теплых слов...

А мы, не подчиняясь совести,
Ломти сметаем со столов!

Сергей ИЛЮШЕНКО — москвич, ученик спецшколы № 75, занимается в литературном клубе Дворца пионеров. Стихи пишет с 8 лет, сейчас ему — 14.

Мороз

Природа радостна зимой.
Во дни волшебного паденья
Снег покрывает пеленой
Зимы огромные владенья.

Мороз трещит, гуляют дети.
Кому не нравятся все эти
Студеные лихие дни,
Ночные фонарей огни?..

Звезды

А звезды — это искры от костра,
Которые взвиваются, танцуя,
И застывают в небе до утра,
Родных костров созвездия рисуя.

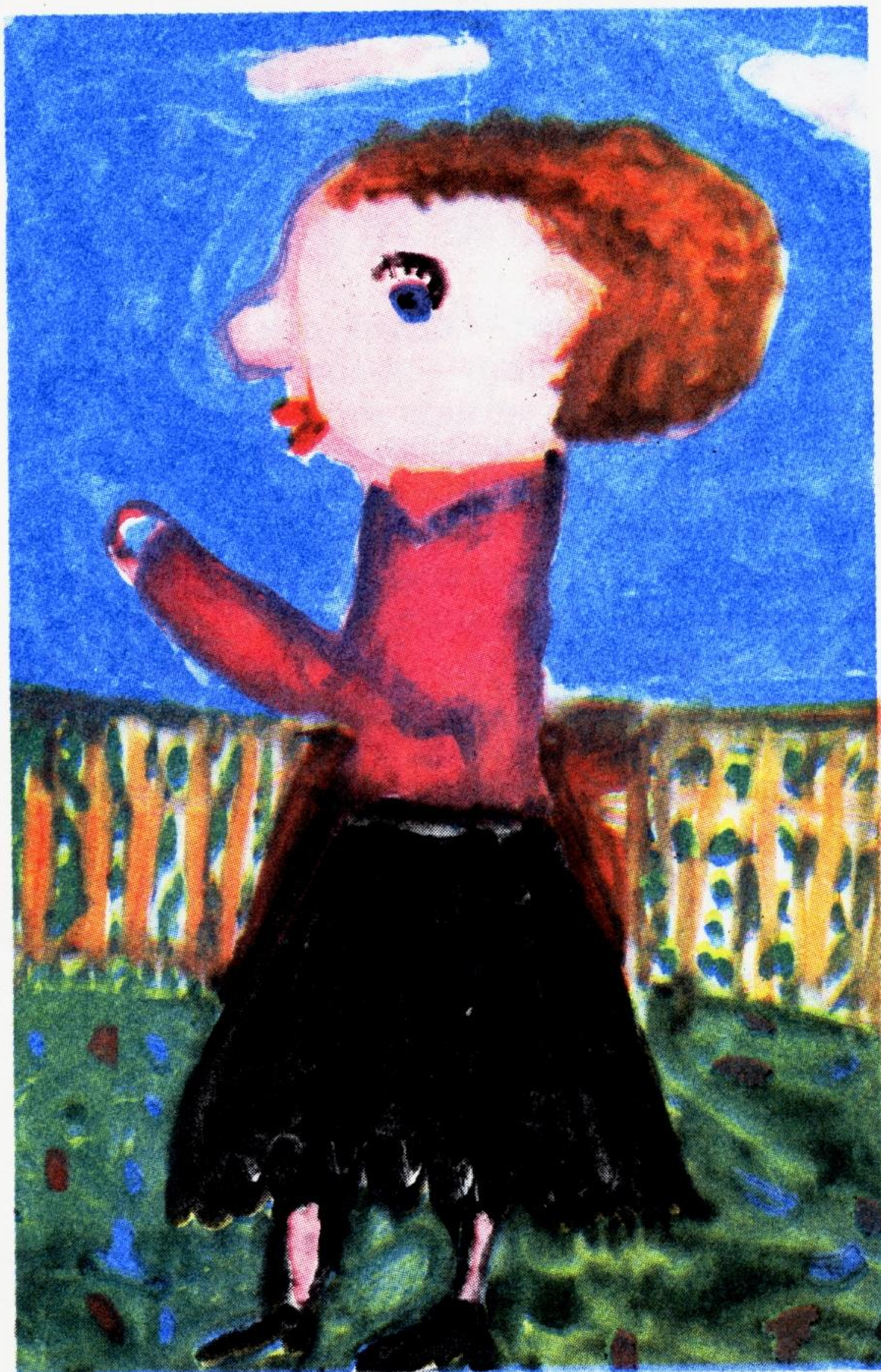
Дождь

И раскололось небо
И вниз дождем упало.
Ломтем златого хлеба
Оно наутро стало.

ВИД ИЗ МОЕГО ОКНА.
Валя ВЫЛЕГЖАНИНА,
13 лет.

ПРОГУЛКА.
Таня СОРОКИНА,
8 лет.

Слава ТИМЧЕНКО живет в далекой Якутии, в поселке Батамай. Славе 13 лет. Он написал стихи о своем поселке.

Зима в Батамае

Ночь обступила поселок,
Дремлют в сугробах дома.
Крыльями белых поземок
Машет седая зима.

Тявкнула лайка в потемках,
Жалобно ставня скрипит.
Месяц в пуховых пеленках,
Теплый и маленький, спит.

Оля ПИЛИПЕНКО — семиклассница из поселка Моряк-Рыболов — рассказала в своих стихах о том, какая зима у них, в Приморском крае.

Зимний танец

Зимой живет на ветках иней,
И каждой ночью темно-синей
Снежинок танец тихий
Увидеть можно.
Но и может лихо
Завьюжить белая пурга,
И кучей беспорядочной
Пойдут плясать снега,
И наметет порядочно...

Лена ЯКИМОВИЧ — москвичка, учится в 4-м классе. Она сочинила стихи про свою любимицу кошку.

Кася

Белые лапки,
Черные ушки,
Тихо мурлыча,
Сидит на подушке.
Прыг под кровать
И бежит, как по строчке.
Там же ведь пыль!
Не испачкай носочки!

Таня СИКАЧЕВА — москвичка, учится в 6-м классе спецшколы-интерната № 2.

Шепчут деревья...

Шепчут о чем-то деревья,
Шуршат зеленой листвой,
Как будто о чем-то деревья
Хотят нам поведать с тобой.
Много дорог исходил я,
Много деревьев видал,
И каждого дерева листик
Мне сказку свою рассказал.
Шепчут о чем-то деревья,
Шепчут своим языком,
И всем им, наверное, хочется,
Чтоб каждый понять их смог.
И люди сидят и слушают
Рассказы старого дерева,
А может быть, дерева нового,
Нового поколения.
Я вас люблю, деревья!
Я вас готов слушать
Год или, может быть, сотню,
Тысячи тысяч лет...
Но вы не вечны деревья,
Как и не вечны люди,
Но ваши сказки — подруги
Всем на большой земле.

Валентин РАСПУТИН,
лауреат Государственной премии СССР

Край возле самого неба

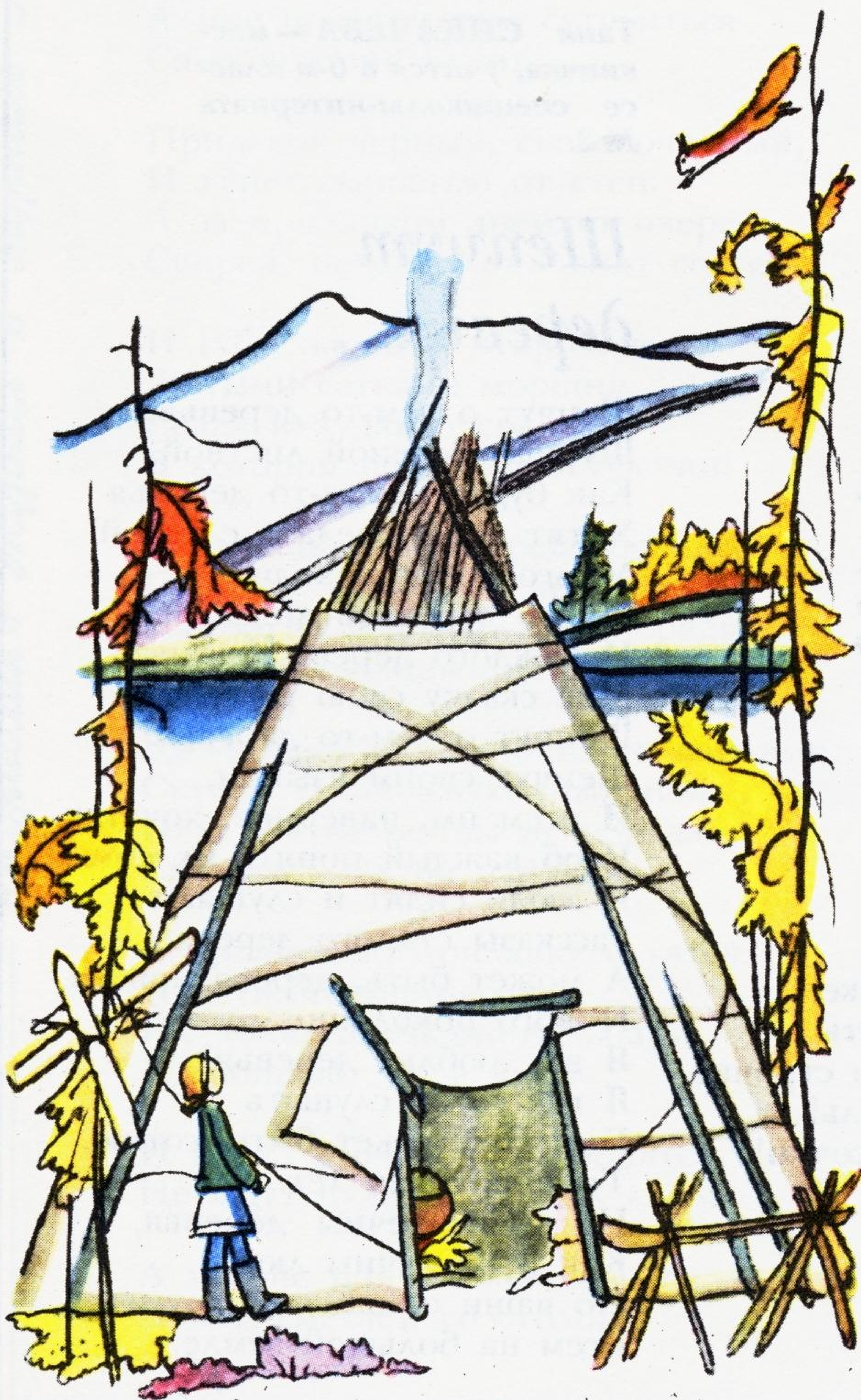
Рисунки П. БАГИНА.

Саяны

Скалы вытянули вверх свои остроконечные головы и, ухватившись за небо, стягивают его вниз. Деревья, как самые бесстрашные альпинисты, выстроившись цепочкой, лезут на скалы.

Когда дуют ветры, горы приветствуют друг друга, помахивая ветвями деревьев. Ветры разносят запахи, расплескивают по тайге горячее солнце, рассеивают снежную муку.

...Волк загнал кабаргу на скалы. Она сделала последний прыжок на лоскут ровного места перед каменной стеной и остановилась. Волк не мог добраться до нее и остался внизу. Он долго бродил вокруг скалы, потом улегся на камни. Кабарга тоже попыталась улечься на своем маленьком пятачке, но он был слишком крошечным и неудобным, и ей пришлось стоять, подогнув передние ноги. Когда она смотрела на реку Гутару, то встречала голодные глаза волка. Через трое суток она упала, и волк завыл торжествующе и громко. Вой этот легко перемахнул через каменную стену, на которую не могла взобраться кабарга, и напугал оленей. Потом он утонул в шумной Гутаре.

Солнце

Солнце встречают горы. Они заглядывают за горизонт, жадно подхватывают первые солнечные лучи и загораются чистым, чуть подкрашенным светом. Жидкие тени медленно скатываются с гор и незаметно прячутся под землей. Сразу же появляется солнце. Несколько часов подряд оно в упор рассматривает себя в неверном зеркале горных речек и отводит свой взгляд только после того, как приходит усталость. Потом тени поднимаются в горы, и они никогда не срываются даже с самых крутых скал.

Горные речки

Горные речки — это бунтари, которых никому не удалось сломить. Они ревут, набрасываясь на камни, ворчат, злятся неизвестно на кого, бесстрашно ныряют с порогов, а потом, успокоившись, трутся о скалы. Горы боятся речек. Горы никогда не спят, наблюдая за ними, боясь, что вода смоет их, разнесет маленькими камешками по саянской тайге, разотрет своими сильными холодными руками и утопит навсегда в своей пучине. Страшно горам: Дода-речка, точно иглой прошила, прошла через скалу и теперь смеется злобно, показывая каменные зубы и выплевывая пенистую слюну. Там, где мчится Казыр-река, ежатся горы, жмутся от страха друг к другу, прикрываются по утрам туманами, перекликаются звериным ревом: «Держись! Держись! Держись!», «Эх, Казыр, Казыр, злая, непутевая река!».

Горы держатся за небо.

Почему тофалары живут в Саянах

— Давно это было,— говорят старики, попыхивая трубками,— шибко давно.

Когда они были совсем маленькие, старики не помнили. Когда они на охоту не ходили, старики тоже не помнили. Вот как давно это было.

Есть возле Верхней Гутары Сопи-гора. Тогда все горы такие были. На верхушку посмотришь — шею сломать можно. Есть по речке, по Бирюсе, кедрач невиданный и неслыханный — весь в шишках, как шерсть на звере. Тогда везде такой кедрач был. Шибко рясный да наливной. Белку тогда самый умный человек за сто лет ни за что бы не сосчитал. Ой, много белки было.

А тофалары в те далекие времена жили совсем в другом месте, где не было гор и тайги.

Но затем, то ли спасаясь от злого врага, то ли подыскивая для своих детей более мирную и богатую родину, они всем народом ушли в горы, где никогда не бывал ни один человек и где деревья падали на землю только от старости.

Они приручили оленей и стали бить зверя, научились ловить рыбу и стрелять белку. На охоте они пели песни, а по вечерам в юртах рассказывали друг другу сказки, и не было среди них человека, который не любил бы их слушать и не умел бы их рассказывать. Песни слагались про высокие горы и про дремучую тайгу, которую не может согреть солнце, про работяг-оленей и про мох, которым они питаются, про долгую, суровую зиму и короткое, но щедрое лето — про все, с чем встречались тофалары в жизни, и обо всем этом часто пелось в одной песне, потому что у нее не было конца. На следующий день песня продолжалась, как продолжалась жизнь. А в сказках если и действовали злые силы, то недолго, и им приходилось плохо, ведь в горах, вздыбившихся на многих сотнях километров, очень мало хоженых троп, и на них нельзя разминуться добру и злу.

Вот какая это легенда, и, как всякая легенда, она есть устная, передаваемая из уст в уста, от отцов к детям и от детей к внукам, история и поэзия народа.

Ты тофалар, и я тофалар

До революции тофаларов называли карагасами. «Карагас» в переводе на русский — это «черный гусь». Тофалары и сами не помнят, кто и когда дал им это обидное прозвище, но они носили его многие века. Точно так же иногда к хорошему человеку пристает какая-нибудь кличка и забывается его собственное имя.

Когда наступили новые времена, карагасы отказались от своего прозвища и назвали себя тофаларами. «Тофалар» — значит «человек».

Охотник, кочующий по тайге, заезжал тогда во все юрты, которые встречались на его дороге, здоровался и говорил:

— Мы тофалары. Ты тофалар, и я тофалар. Карагаса нету. Пускай зовет себя сам карагасом. Я тофалар, и ты тофалар. Кто будет звать карагасом, стреляй, как зверя.

Снег

Снег. Первый снег. Новый снег.

Охотники выходят на улицу и блестящими от возбуждения и нетерпения глазами смотрят вдаль — на тайгу и горы.

Притихшая тайга жадно дышит снегом.

Собаки носятся по нему как угорелые и, взбрызгивая снег, прыгая по нему в своих собачьих играх, поднимают отчаянный лай.

Ребятишки катаются по нему, как по постели.

А снег все падает и падает, падает тихо и чисто, навораживая богатую и удачную зиму.

Земля белеет и тяжелеет. На снегу остаются следы.

— Снег,— возбужденно шепчут охотники.

— Пора собираться,— говорят в каждом доме.

На улице в глаза охотников заглядывают олени.

— Мы знаем,— говорят охотники и показывают на снег.— Вот. Снег. Мы видим.

— Снег! — кричит кто-то изо всех сил.

— Снег! — подхватывает второй голос.

— Снег! — несется отовсюду.— Снег! Снег! Снег!

Со Змеиной горы, как листья с деревьев, осыпаются камни. Они долго катятся по снегу. На снегу остаются следы.

Пора в тайгу.

Соболь

Собака пошла по следу соболя с самого утра.

Соболь был старый и опытный, и он не стал подниматься на дерево и спускаться в нору, зная, что все равно его выдаст след — самый страшный враг соболя, когда не идет снег.

Много раз опасность гонялась за соболем, и на этот раз она была не больше и не меньше, чем все остальные, когда умирала надежда на жизнь, и зверек пошел на хитрость. Он легко взобрался на скалу, на которую никогда не подняться собаке, и, оглянувшись, увидел, что она бросилась вправо, чтобы с другой стороны найти ход на гору и выйти на след. Снег был глубокий, и охотнику, который шел за собакой, приходилось трудно. Теперь соболь знал, что делать, и он спустился с горы слева, сделал крюк в несколько километров, ткнулся в свой собственный след, снова поднялся на скалу, подождал, когда собака бросится влево, и ушел вправо, вычерчивая на снегу громадные «восьмерки».

Охотник устал. Так продолжалось весь день, до самого вечера, и он не выдержал, крикнул собаку и тяжело направился к своей юрте.

Соболь влез на дерево.

В оленьем стаде

Оленье стадо, в котором может быть и триста и четыреста оленей, обычно не стоит на одном месте. Зимой олени идут туда, где меньше ветров и снега и больше мха, который они выбивают себе в пищу копытами из-под снега.

Самый страшный враг оленя зимой — волк, поэтому пастухи всегда настороже, и самый лучший друг в работе — собака. Она не только защитит от зверя, но и поможет пастухам собрать всех оленей в загон, где их можно пересчитать, пометить и посмотреть, нет ли среди них больных.

Летом оленье стадо переходит на богатые травой и водой выпасы. И обязательно эти выпасы должен продувать ветер, чтобы оленей не донимал таежный гнус. Взрослые олени могут уйти от него в горы, но маленькие оленята не поспеют за ними. Маленьких оленят, чтобы они не убежали от стойбищ, привязывают к лежащим на земле тяжелым жердям.

Ведь олененок поднимается на ноги уже через полчаса после рождения, но ножонки у него слабые, и, поднявшись, он покачивается на них, как на ходулях, и все же норовит переставить их в ту сторону, куда вместе со стадом ушла до вечера его мать.

Весна

Всему свой черед: наступала пора, когда зима становилась никому не нужной. Весенние ветры, свергая ее, начинали дуть все сильней и сильней, они уже больше не мешали солнцу и появлялись вместе. Зима и весна, как воюющие стороны, теперь стояли друг против друга — весна наступала днем, зима еще удерживала свои позиции ночью.

Затем весна становилась полновластной хозяйкой.

Еще нетронуто, едва-едва слезясь на солнце, лежали снега, еще был толстым и прочным лед на речках, но все кругом точно выходило за поворот, откуда открывались в старом порядке новые виды с другими восходами и закатами, с другим небом и другим воздухом. В горах чувствовалось радостное волнение: казалось, они сдвинулись поближе друг к другу и отмечают какой-то свой праздник.

Кабарга

Летом очень легко увидеть кабаргу, это небольшое красивое, похожее на оленя, но только без рогов, животное. Даже мальчишки делают из бересты пикульки и кричат, подражая крику кабаржонка, потерявшего свою мать.

И кабарга, как бы далеко она ни была, бежит на него, несется сквозь тайгу навстречу опасности. Если кто-нибудь осмелится в нее стрелять и даже ранит, а через два, через три дня она снова услышит этот крик, все равно она побежит на него, позабыв обо всем на свете.

Самолет, вертолет и олень

В этом краю, где горы да тропы, всего два средства передвижения — олень и авиация. К самолету и вертолету здесь привыкают с самого раннего детства так же, как к лошади и оленю.

На весь огромный край тут только три поселка, между которыми десятки и даже сотни километров, поэтому ничего удивительного, что в гости здесь летают на самолетах, охотников вместе с собаками и снаряжением забрасывают в тайгу на вертолетах... Да и ребята в школу не ходят, а летают. Они знают по именам всех летчиков-пилотов и по номерам — все машины местной авиации. У мальчишек первая мечта — стать летчиком.

А бывает и так, что в самолет, как самые настоящие пассажиры, садятся медвежата. Это значит, что они собираются или жить в большом городе в зоопарке, или учиться там на артистов цирка.

* * *

Когда тофалары охотятся вместе, они обязательно делят шкурки поровну. Это неписаный закон, которому подчиняются все.

...И называется этот край — Тофалария.

Недалеко от Берлина раскинул свои владения город Потсдам. Он известен во всем мире потому, что именно здесь были приняты Потсдамские соглашения, которые подвели черту под второй мировой войной. И глубоко символично, что в конце прошлого года в Потсдаме Международный комитет детских и юношеских организаций (СИМЕА) провел семинар-совещание «Воспитание детей в духе мира, разоружения, дружбы и сотрудничества». Представители детских организаций более сорока стран мира еще раз сказали: «НЕТ ВОЙНЕ, НЕТ НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ!» Они приняли Обращение ко всем детям Земли. На заседании КИДа, на совете дружины прочитайте и обсудите это обращение, еще активнее участвуйте в акциях солидарности, в форумах мира.

ОБРАЩЕНИЕ «Дети хотят мира!»

Дорогие мальчики и девочки всех наций!

Под лозунгом «Дети хотят мира!» мы призываем вас принять участие в международной кампании за мир и разоружение.

Присоединяйтесь к этому могущественному международному движению!

Мы хорошо знаем, что ваше искреннее желание — мир. Только в мире вы можете учиться, играть и быть счастливыми вместе со своими родителями, сестрами и братьями, друзьями. Дети не должны умирать под бомбами, страдать от голода, болезней и неграмотности.

Нам нужны игровые площадки вместо ракетных полигонов!

Мир и счастье должны царить на нашей планете. Вот почему миллионы людей, включая детей, борются во всем мире за основное право ребенка — право жить в мире.

Но сегодня наша планета в опасности, и дети гибнут во многих частях света. Мы призываем вас поддержать наши требования:

— остановить планы размещения новых ракет среднего радиуса действия в Западной Европе;

— запретить производство и размещение нейтронной бомбы;

— остановить гонку вооружений и военные агрессии против людей, включая детей;

— пресечь все попытки врагов мира развязать войну, посягнуть на жизни людей;

— поддержать все конструктивные инициативы по частичному и полному разоружению.

Вторая специальная сессия Организации Объединенных Наций по разоружению должна состояться в 1982 году. Чрезвычайно важно передать на рассмотрение этой сессии требование детей жить в мире.

Нарисуйте, как вы представляете себе жизнь детей в мире и на войне.

Пойте вместе с нами песни мира, сочиняйте песни и пишите стихи о мире.

Следуйте примеру тех ребят, которые активно борются за мирную жизнь.

Помогайте бороться тем, кто борется за мир.

Просим вас сообщить международным отделам ваших организаций о всех действиях в поддержку мира и прислать свои рисунки, песни, стихи и т. д. не позднее 1 июня 1982 года — Международного дня защиты детей.

Да здравствует мир!
Да здравствует борьба миролюбивых сил!
Детям нужен мир!

Участники Международного семинара СИМЕА «Воспитание детей в духе мира, разоружения, дружбы и сотрудничества».

Потсдам, 30 октября — 1 ноября 1981 г.

Виталий МАЛЬКОВ

Подростки военной Москвы

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

В то жаркое лето 1941-го я был в пионерском лагере под Тарусой. Известие о подлом нападении Гитлера на нашу страну мы восприняли по-разному. Некоторые ребята даже обрадовались: война, ну, значит, мы сейчас же фашистов расколотим, быстренько победим, и все будет хорошо. Но война неожиданно обернулась совсем другой стороной. Оказалось, что это тяжкий, кровавый труд, и все мы очень скоро это поняли.

В лагере у нас было введено военное положение. Нам раздали противогазы, предупредили, что нужно быть настороже: в окрестностях могут появиться фашистские лазутчики, и, если мы заметим каких-либо подозрительных людей, надо немедленно сообщить об этом старшим. Старались мы вовсю, даже ночные дежурства установили, но, к сожалению, нам не повезло: ни одного диверсанта мы так и не изловили...

Наш лагерь должны были эвакуировать в Чебоксары. Однако большую часть ребят родители забрали в Москву, в том числе и меня. Вот тогда-то я и поразился тем огромным изменениям, которые произошли в лице города.

Мы вышли из подъезда с моей мамой на Каланчовском вокзале. Оказалось, что была объявлена воздушная тревога (видимо, учебная, потому что белым днем фашисты еще не рисковали совершать налеты на Москву). Всех нас сразу же отправили в метро. И тут я увидел Комсомольскую площадь совсем непохожей на себя. Она была пуста — всех людей отправили в метро. А на площади под охраной нескольких милиционеров лежал всякий скарб: чемоданы, мешки, узлы, детские коляски, набитые всяким тряпьем, опрокинутые грузовые тележки... Поразило и то, что в самом центре площади был нарисован дом. Я догадался: сделано это для того, чтобы сбить с толку фашистских летчиков, если те прорвутся в город.

Появилась светомаскировка, о которой раньше мы и понятия не имели. Окна занавешивались черной бумагой, и ночью город освещался лишь синими лампочками, все было погружено в глубокий мрак. Даже у автомобилей были синие фары, бросавшие узконаправленный свет. Стекла в домах были крест-накрест заклеены бумажными полосками, чтобы при близких взрывах бомб они не вылетали от воздушной волны.

Московская противовоздушная оборона действовала блестяще. На столицу налетали буквально армады вражеских самолетов, а прорывались в

черту города лишь единицы. Бомбить прицельно они не могли: их зорко стерегли зенитчики. Над Москвой висели громадные колбасы аэростатов, не позволявших самолетам снизиться, по небу шарили острые лучи прожекторов. Вот попадет фашистский налетчик в скрещение прожекторов, и бьют по нему зенитки, пока не задымится он и не грохнется вниз... В те дни совершил свой легендарный подвиг молоденький лейтенант, московский парнишка Виктор Талалихин. На своем «ястребке» он выполнил первый в войне ночной таран...

Мы, мальчишки и девчонки, как могли разделяли тяготы взрослых, старались им помогать. Многие научились ловко тушить зажигательные бомбы, а это было непросто: зажигалка сделана из металла и была довольно тяжелая. Она сразу начинала полыхать белым пламенем и жаром. Тут и требовалось быстро сунуть ее в песок, чтобы она «задохнулась», а потом — в бочку с водой.

В этой суровой обстановке было у московской детворы очень важное и полезное дело, началось оно еще до войны,— тимуровское движение, которое родилось под влиянием замечательной книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Настал момент, когда всем нам нужно было на деле доказать, что мы действительно можем быть тимуровцами в самых нелегких условиях. И ребята показали себя просто молодцами. Главное, конечно, шефство над семьями фронтовиков. Большинство женщин пошло на заводы и фабрики вместо ушедших на фронт мужчин, и им очень трудно приходилось с домашним хозяйством. Вот тут и помогли тимуровцы. И с малышами оставались, и за продуктами в очередях простаивали, и помогали в заготовке дров, и за стариками присматривали.

Многие старшеклассники пошли работать на предприятия, трудились в мастерских, ремонтировали оружие, изготовляли боеприпасы.

Девчонки шили солдатское белье, дежурили в госпиталях, стирали залитые кровью гимнастерки, вышивали кисеты. В школах устраивался сбор теплых вещей для красноармейцев.

Как же благодарны были раненые за заботу о них, каким теплом веяло от их улыбок и рукопожатий! Но, пожалуй, самую большую радость доставляли им наши детские концерты, которые устраивались прямо в госпитальных палатах. Мы видели, как поднимается настроение бойцов, как радовались они, чувствуя, что краски жизни для них не померкли. Мы ощущали себя очень нужными этим забинтованным, закованным в гипс воинам, прошедшим через огненную бурю. И какими глазами смотрели они на нас! Вот перед ними танцует девчонка с рыжими косичками, читает стихи... И каждый думал в те минуты о своих детях и как бы прикасался к родному дому, к своей семье. А многие раненые — совсем молодые солдаты — и сами-то еще вчера были такими же, как мы, сами участвовали в самодеятельности, были у них и свои концерты, и свои песни. И вся прошлая счастливая жизнь оживала перед их глазами...

Есть у меня давняя знакомая. Сейчас она работает в Госкомиздате. Это Тамара Васильевна Перфильева. Она была большим энтузиастом всей тимуровской работы в военные годы. Назначили ее начальником пионерского штаба Москворецкого района. И в 1944 году произошло в ее жизни очень радостное событие: ее наградили медалью «За оборону Москвы». Девчонка — ей было-то четырнадцать лет — и вдруг такая медаль, которой награждали настоящих воинов! Эта бесценная награда хранится в семье как самая дорогая реликвия...

Зима 1941/42 года выдалась яростной. В московских домах полопались трубы водопровода и канализации. Как же трудно было тащить по обледенелой лестнице ведра, полные воды, которую приходилось набирать в колонке! И не дай бог поскользнуться где-нибудь на верхнем этаже: загремишь вниз — и начинай все сначала... В трескучий мороз простаивали мы в очередях, чтобы получить по карточкам скудный паек. Голодно жилось, но духом мы не падали...

...Есть в Москве очень дорогое для меня место: переулок Стопани, 6,— бывший Московский городской Дом пионеров. Там даже в трудную военную годину действовали самые разнообразные кружки художественной самодеятельности. Участники этих кружков, я тоже был в их числе, не только выступали в госпиталях, но и выезжали в прифронтовую полосу, в Вышний Волочек.

Ребята по праву очень гордились этими поездками, потому что попасть в прифронтовую полосу подросткам — это действительно было и честью, и доверием, и даже своего рода участием в военных действиях.

Время шло, и ребята, которые были старше меня всего на три-четыре года, уже достигали призывного возраста, попадали в армию. Были призваны даже некоторые наши девчонки — Римма Елизарова, Лида Акулова и другие. Ну, а мы, младшие, конечно, очень завидовали тем, кто получал оружие и шел на фронт.

Нынче всем известен заслуженный артист республики Николай Прокопович. Он много снимался в кино, а теперь работает в театре имени Пушкина. Не могу без улыбки смотреть фильм «Семнадцать мгновений весны», потому что в нем мой старый друг-домпионеровец Коля Прокопович — уж такая русская душа, такой веселый, симпатичный человек — играет... Гиммлера! Но он хорошо сыграл это чудовище, потому что сам прошел войну, на броне танка ворвался в фашистское логово, был тяжело ранен, своими глазами видел, что такое фашизм и фашисты.

На сцене Московского Дома пионеров мы ставили пьесу Каверина «Большие надежды». Она была написана Вениамином Александровичем по самым свежим впечатлениям от первых месяцев войны.

В пьесе рассказывалась очень простая история, как ребята-десятиклассники праздновали окончание школы, и в этот день началась война, и они пошли на фронт, эти ребята, вчерашние школьники, и многие из них погибли.

Но вот что удивительно: пьеса повторила жизнь нашей маленькой театральной студии, судьбу подростков, которых война заставила повзрослеть раньше времени. Не вернулись с фронта наши студийцы Дима Рюмин, Саша Депре...

В военные годы был создан знаменитый Локтевский ансамбль песни и танца Московского городского Дома пионеров. Я очень хорошо помню Владимира Сергеевича Локтева. Это был необычайно обаятельный, очень добрый, немного сутулый, необыкновенно музыкальный человек, обладавший приятным тенором. Он создал ансамбль, который известен сейчас во всем мире и который носит его имя.

Профессиональных артистов из Московского городского Дома пионеров вышло немало, причем артистов знаменитых. Прекрасно помню светловолосую девочку с челочкой на лбу, из которой выросла народная артистка СССР Людмила Ивановна Касаткина. Сколько ярких ролей сыграла она во многих фильмах и в спектаклях

на сцене Центрального театра Советской Армии!

В нашей студии начинал свой путь в большое искусство и Ролан Быков. Мне очень хорошо помнится, как появился он в стенах Дома пионеров. Маленького росточка, в белых валенках, с красным галстуком на груди. И сразу же проявился его недюжинный талант. Четырнадцатилетним мальчишкой поставил он — сам! — прекрасный спектакль «Кот в сапогах».

Когда я думаю о том, как же мы жили в то далекое время, когда вспоминаю эти трудные и одновременно очень счастливые дни, я прихожу к мысли: они прожиты не зря, все закладывалось в наши души именно в то время.

ЛЕ ВАН

ЖИВОЙ ФАКЕЛ

23 сентября 1945 года французские колонизаторы обстреляли Сайгон, начав тем самым агрессию во Вьетнаме. Случай с маленьким продавцом арахиса, который облил себя бензином и, подобно горящему факелу, ворвался во вражеский склад топлива и боеприпасов, потряс всех вьетнамцев.

— Новые газеты!.. Покупайте горячие хлебцы!.. Орехи, есть орехи!..

Снуют люди, сигналы автомобилей будоражат улочки Сайгона (теперь это город Хошимин), бренчит трамвай. Сайгон встает рано. Разнообразные звуки просыпающегося города постепенно переходят в непрерывный гул.

И вдруг... Ба-бах!!!

Весь Сайгон тряхнуло, как от землетрясения. Ударила воздушная волна. Во всех домах дрогнули и задребезжали стекла. Со стороны порта в небо поднялось разрастающееся облако густого черного дыма.

— Да что же это такое?

После нескольких минут тишины в Сайгоне остановилась вся рабочая жизнь. Люди говорили друг другу:

— Наши солдаты напали на французов...

— В порту взорвался французский корабль...

— Захватчики получили то, что заслужили.

Все догадки строились на желаниях самих людей...

К вечеру весь город был взбудоражен новостью: маленький мальчик взорвал в порту склад топлива и боеприпасов!

— Как ему удалось? Кто он? — спрашивали люди друг друга.

— Он облил себя бензином, сам себя поджег и бросился в склад в районе Тхинге. Вооруженные до зубов солдаты иностранного легиона, стоящие в карауле, видели это, но ничего не успели сделать... Весь склад взлетел на воздух!

Это было больше похоже на легенду, чем на действительность. Сайгонцы склонили головы в молчании. Они были восхищены маленьким героем. Этим легендарным героем оказался Ле Ван Там, которого во Вьетнаме называют «Живым факелом».

Где найти пламя жарче, чем это — пламя души человека! Пламя, осветившее сердца вьетнамских патриотов, пламя, вошедшее в легендарную историю войны Сопротивления.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Во всех школах нашей страны в этом месяце прошли Дни и Недели памяти юных героев. Напишите, какими интересными делами отметил это событие ваш КИД, класс, школа. Каких пионеров-героев зачислили вы навечно в свой строй? Какие новые имена установил ваш поиск?

Ждем писем.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Я — на барабане!

Кто — на рояле.
Кто — на баяне.
Кто — на гитаре.
А я — на барабане!

Я — на барабане!
Да — на барабане!
С самой ранней рани
я — на барабане!

Мне вчера на лестнице
так сказал сосед:
— Музыки прелестнее
не было и нет!

Все же вот тебе, голубчик,
балалайка.
Ты на ней, голубчик, лучше
поиграй-ка.

Хорошо, спасибо!
Балалайка — диво!
И в отряде нашем
будет ей почет.
Но парадным маршем
барабан ведет.

По нему сверяя,
мы чеканим шаг.
И над ним, пылая,
вьется красный флаг!

Скорая помощь

На помощь позвали — я слышу, иду!
Спешу я, тревогу трубя на ходу,
Тревогу!
Тревогу!
Тревогу!
Скорее, скорее домчаться туда,
Где сердце больное сдавила беда!..
Дорогу!
Дорогу!
Дорогу!
Успеть бы, успеть бы — нельзя не успеть!
К сраженью готовься, разбойница смерть!
К сраженью!
К сраженью!
К сраженью!
А ты, кому больно, кто дрогнул в борьбе,
Мужайся — все ближе, все ближе к тебе
Спасенье!
Спасенье!
Спасенье!
На помощь позвали — я слышу, иду!
Спешу я, тревогу трубя на ходу,
Тревогу!
Тревогу!
Тревогу!
Слабей, чем травинка, бледнее, чем снег,
Спасенья доверчиво ждет человек...
Дорогу!
Дорогу!
Дорогу!

Рисунки Д. БАРАБАША.

Эдуард БОЧАРОВ

ШЕСТЬ ДНЕЙ ВОЙНЫ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Алюминиевая пуля выпрыгнула у меня из рук и исчезла среди поленьев, угольных корзин, керосиновых банок и бутылей. Кухня была небольшой, ею с самого лета не пользовались — готовили еду в комнатах, одновременно обогреваясь.

Где только я не искал, проклятая пулька как сквозь землю провалилась. В момент удара я успел заметить, что зубило порвало мягкую оболочку. А под ней — фосфор. Мы эти пульки добывали из малокалиберных зенитных снарядов, что валялись по окопам вокруг разбитой вражеской батареи. Из них получились отличные зажигалки. Фосфор от встречи с воздухом сразу загорается. Закрыл крышку — огонь погас, открыл — опять горит. Носишь такой снарядик в кармане, и в любое время, пожалуйста,— огонь. Очень нас выручали такие зажигалки: в ту пору спички достать было трудно.

И вот уже третьи сутки пошли, как это случилось: потерялась пулька с открытым фосфором. Да еще на кухне — кругом горючее! Неминуемо должен теперь дом загореться...

Два раза фронт прошел через город в обе стороны, а наш дом уцелел. Вокруг, бывало, все рушилось, полыхало, рядом фугаски рвались, часть фундамента вывалило в подвал, осколками прошивало насквозь кирпичные стены. Да что осколки! Раз снарядом крышу пробило, так потом в эту дыру сразу две зажигательные бомбы влетело. Хорошо, что чердак песком был засыпан. Стропила, правда, обуглились, но дом выстоял. А теперь вот сгорит из-за одного дурака, из-за меня.

Сколько я этих зажигалок раньше понаделал — и себе, и ребятам — все сходило нормально. А тут на тебе! И не скажешь никому: переполох поднимется, станут искать, не найдут.

Нет уж, сам натворил, самому и расхлебывать. Хоть дежурства назначай, чтобы пожар не проворонить! А если его не будет? Хотя как не быть — чудом разве? Фосфор не шутка. Для того его и запаивали в эти чертовы пульки, чтобы самолеты поджигать...

Я ходил как чумовой. На уроках спал. А то и вовсе пропускал школу. Пользуясь тем, что днем в квартире пусто, снова и снова перерывал топливные запасы, а потом — все по местам, иначе заметят, что кто-то по чужим углам шарит, подумают, таскаю — а уж это хуже всего. Из дому отлучаться надолго нельзя. Отпустят погулять, я вокруг слоняюсь. То и дело захожу в подъезд понюхать, не занялось ли где. Хоть бы эти банки с керосином оттуда убрать! Да как объяснишь? Всегда они на кухне стояли. И где им еще стоять? Не в комнатах же вонь разводить!

Вечером, перед тем, как все с работы придут, обнюхал я еще раз всю кухню и сел за уроки. Глаза слипаются, путается все в голове.

Очнулся на кушетке. Мать печку растопила, согрела кашу. Это моя обязанность, да вот проспал. Скорей, конечно, на кухню — нюхать. Спокойно пока. Но ведь знаю, горит она где-то, треклятая. Ладно, думаю, хорошо хоть выспался, легче будет ночью сторожить.

Пришла соседка Нина. Сама шить не умеет, вот и бегает к матери то перелицевать что-нибудь, то перекроить. Разложила на столе свои тряпки, а мне говорит:

— Пойди пока к нам. Федор как раз тебя дожидается.

С Федором мы на мандолине играем. Он вернулся с фронта без правой руки, а поселились они в нашей квартире этой осенью. Теперь он часто зовет меня поиграть. Федор берет мандолину, а я сажусь рядом и прижимаюсь к его правому боку. Он перебирает лады левой рукой, а я по струнам бью медиатором — такой пластинкой в форме сердечка. Мы ее от Нинкиного целлулоидного пояса отрезали.

Сперва у нас совсем не ладилось. Вернее, у меня. Надо попадать то по одной струне, то по другой, а то и сразу по всем. Разучивали «Златые горы» — наверное, его любимую. Я все время спотыкался, приходилось начинать сначала. И так час за часом. Нинка однажды не вытерпела, сказала мужу:

— Да отдай ты ему мандолину, пускай дома выучится, а потом приходит. Мучаетесь только вдвоем. Думаешь, он тебе руку заменит?

Я, помню, поддакнул: в самом деле, играл же я «трепака» на своей балалайке и эту бы разучил. Федор тогда молча и странно как-то смотрел на жену — мне аж не по себе стало,— потом снова взялся за мандолину, и мы продолжали играть вдвоем.

Чтобы лучше попадать по струнам, надо было прижиматься к Федору потеснее, и я притискивался к нему крепко-накрепко, как он велел. Суконный запах командирской гимнастерки напоминал мне об отце.

Раньше Федор был токарем на вагоноремонтном. На фронт его не пускали, потому что

«золотые руки». И только когда враг подошел к самому городу, завод остановился. Рабочие пошли воевать. Тогда с Федора тоже сняли «бронь» и отправили на фронт. Он говорил, что пробыл в окопах всего одну зиму. А весной случилась эта беда...

Со временем у нас все же стало получаться. Как-то проиграли один куплет, второй — и вдруг Федор запел! Голос у него оказался не тот, что я думал, не хриплый вовсе, а высокий и мягкий. Как будто и не он поет, а мандолина сама ведет песню, а Федор будто бы еще выше, над песней где-то голосом летает...

Сегодня довели мы с ним песню до конца. В первый раз. Федор аж сиял весь! Сбегал к нам, позвал Нину. Сели мы снова, чтоб ей показать, но тут я заспотыкался, и ничего не получилось. Все равно с Федора словно груз какой слетел. Видел я раньше, как люди на глазах стареют, а тут, смотрю: прямо помолодел человек, улыбка открытая, глаза ясные, чистые и затаенная боль из них ушла совсем. Он меня до дверей проводил, как лучшего друга.

Ночью мне опять мученье. Раз пять вскакивал, проверял. Я себе под простыню всяких угловатых предметов насовал — болты, гайки, ручку от мясорубки — повернешься во сне: ага! Ноги в галоши и бегом кухню обнюхивать.

Еще два дня прошло. Совсем я стал лунатиком. Но и надежда затеплилась: может, пронесет как-нибудь. Обычно такой зажигалки хватало больше чем на месяц. Ну, а если ей все время гореть непрерывно, тогда на сколько

Федор перебирает лады левой рукой, а я по струнам бью медиатором.

хватит — на сутки? Или на неделю? Этого никто не знал. Но не вечная же она! Выгорит весь фосфор, и конец. Я решил так: завтра и послезавтра еще отдежурю — будет как раз неделя — и хватит.

Назавтра у матери был выходной, а я пошел в магазин по карточкам продукты покупать. (В войну на многие продукты ограничения были.) Вернулся пустой, ничего не досталось. Злой, как собака.

Мать говорит:

— Заходил дядя Яша. Его в Куреневку посылают. Поедешь с ним на линию.

Этого только мне недоставало!

«На линию» — значит по железной дороге, по линии — ехать вещи на продукты менять. Еще говорили: «на менку».

— Когда?

— Сегодня.

Совсем у меня тошно на душе стало. Я и ляпнул:

— А учиться кто будет?.. А ежели пожар здесь какой?!.

Мать поняла по-другому.

— Ничего,— говорит,— не волнуйся, сынок, управлюсь как-нибудь. Главное, воды ты натаскал. Я теперь стирать не стану, мне и хватит. Может, дня за три обернетесь... Или, знаешь, еще лучше — я эти дни буду на работе ночевать. Печь не буду растапливать. Мы еще и уголь сэкономим! Только, как приедешь, сразу дай знать. Слышишь?

Что тут делать? Поехать мне с дядькой на линию — это для нас с матерью такая удача, что никак нельзя случай упустить. Тут не откажешься, не увильнешь. От еды не отрекаются.

— Ладно,— говорю,— я это так...

Надо ехать, чего там. Да и что тут за жизнь — как на пороховой бочке! Лучше уж, правда, уехать и не знать ничего. А что случись — так я же ни при чем: меня тут и не было! — Вот даже какая подленькая мыслишка шевельнулась! Видно, я от бессонных ночей совсем рехнулся...

Мать узел завязала.

— Вот собрала кой-чего, там увидишь. Сразу не отдавай, поторгуйся... Сапоги там отцовы. Хотела тебе сохранить, да вот...— она будто поперхнулась. Так бывало: надо сказать трудное, а у нее слова недоговариваются, обрываются — и когда Женя погиб, и когда дядю Мотю убило осколком, и когда меня увидела впервые после долгой, почти в год, разлуки.

— Давай,— говорю.

И мы присели перед дорогой.

Ехали мы с дядькой трудно, с приключениями, хотя у него и пропуск был, и командировка на руках. Всюду приходилось пробиваться: в теплушку ли, в вагон или тормозной тамбур, а то и просто цепляться за железную лесенку на боку нефтеналивной цистерны. Все поезда назывались «составами» и шли только до ближайшей станции, где останавливались на

Возвращались тяжело.
У меня за спиной был мешок, на груди кошелка,
в руке узел с патокой.
Дядька тоже нагрузился.

неведомый срок. Надо было разузнать, какой из составов отправится раньше, и на него пересесть. Иначе тут до лета просидишь. Народу вроде нас тоже хватало. Дядька, расстегнув ватник, выставлял напоказ свою железнодорожную форму, ругал кондукторов и охранников, меня толкал вперед — дескать, «с ребенком»! Если удавалось ехать сидя и укрывшись от ветра, то и совсем хорошо. Бомбежек почти не было, хотя иной раз ночами палили зенитки и далеко где-то в стороне видны были большие огневые сполохи. Нам это нипочем, нам даже не слышно ничего: состав гремит колесами, несется вперед, и казалось, сама скорость нас охраняет и, пока летим вот так по рельсам, мы в безопасности.

Поездов, наверное, семь-восемь сменили, пока добрались до Куреневки. Там я долго ждал, пока дядька по служебным делам ходил.

Потом мы проехали еще перегон на товарной платформе и сошли на каком-то разъезде. Попутной телегой тряслись по мерзлым кочкам до хутора, а там уж пешком притащились в большую станицу, где был базар.

За отцовы сапоги торговался я отчаянно. Так бы, наверное, и повез обратно, если бы не дядька: уговорил все-таки отдать. Мы за них получили от хромого станичника три круглых жмыха, полмешка ячменя и немного патоки — литра на два.

Возвращались тяжело. У меня за спиной был мешок, на груди кошелка, в руке узел с патокой. Дядька тоже нагрузился, но был доволен и все приговаривал: «Далеко забрались, зато — с выгодой!» Несмотря на мороз,

было нам жарко. И устали здорово. Ничего, отдохнем на полустанке.

Наконец, вышли к железной дороге, а полустанка нашего нет. Развалины местами еще дымятся, и две печки черные круглые торчат, как пароходные трубы. Рядом, на путях — искореженные цистерны. От них, видно, и пошло. Цистерну поджечь — тут любой паршивой бомбочки хватит! Бензин, небось, или керосин, мазут, нефть — одно другого лучше. Эта штуковина даже от моей пульки так бы рванула...

Тут ноги у меня подкосились. Гарью ударило в нос. Представилось сразу, что от нашего дома такое же пепелище осталось. Мало ли их кругом было — полуразваленных, закопченных стен с пустыми окошками. Целые кварталы.

Наш дом тем и заметен сразу, что к нему по сугробам тропочки протоптаны, в окнах стекло, собранное из осколков, или фанера вставлена, или хоть подушкой заткнута — все же видно: живут люди! Как же я так уехал, про пульку ничего никому не сказавши! Да хоть бы Федору по секрету!

Еще вдруг вспомнилось: мышиная нора там была в кухне. Вот куда, небось, пулька-то закатилась! Надо было плинтус оторвать, кочережкой, проволокой все зазоры, все щелочки прошуровать — может, нашлась бы. А теперь что? А если ночью занялось, когда все спали?.. Аж пот холодный между лопатками ручьем побежал. Горло перехватило, хоть вой... Сел я прямо на снег, потерял все силы.

Дядька поставил мешки рядом, сказал чего-то. Видит, я не слышу, он громче:

— Передохни чуток! Вроде вон обходчик идет, пойду расспрошу. На снегу не сиди, враз прохватит!

Когда он вернулся, я, похоже, уснул на мешках. Дядька долго меня тормошил, поднял все же. Ношу на плечи взвалил и погнал по шпалам: надо было до Куреневки идти. Обходчик сказал, здесь больше ни один состав не остановится.

Потом уж дядька рассказывал, как мы путешествовали, и выходило даже смешно. Я шатался, бормотал несуразицу. «Глаза соловые, никакого смысла, ну прямо новорожденный телок!» А дядька подобрал с полотна какую-то палку и сзади меня погоняет, чтоб не останавливался. А куда денешься, замерзать, что ли, в степи, как тот ямщик?»

В сумерках добрели до станции. Тут повезло, втиснулись на тормозную площадку, в тамбур, закрытый, едем. Он меня к стенке притиснул, сплю стоя. А рядом оказался мужик — не то фельдшер, не то коновал. Дядька ему: «Посмотри мальчонку, что-то не в себе». Тот мой лоб пощупал, говорит: «Жар».— «Сам вижу, жар, а что с ним?» — «А черт его знает. Может, у него тиф». Тут как раз остановка. Вся публика и фельдшер тот — дай бог ему здоровья! — похватали оклунки и с нашей площадки бежать. Шутка ли — тиф! Остались мы

Дворняга наша Пунька — моя любимица. Ишь ты, темно, а вот издали узнала.

одни в целом тамбуре. Тут тебе и скамеечка есть, и столик — настоящее купе. Дядька уложил меня и сам устроился, лучше не надо.

В нашу сторону составы шли гораздо быстрее, потому что к фронту. Стоянки были короткие. На обратный путь хватило нам полутора суток. Стали к городу подъезжать, и я, как по заказу, очухался.

Помню, дядька за шиворот меня на дорожку вытащил, навьючил поклажу, и пошли.

Было еще темно, только чуть облака посветлели перед утром. И тишина кругом — прямо оглушительная.

В начале Камышевахской балки наши пути расходились. Дядьке налево, на Гниловскую, мне — направо, на Темерник.

— Дойдешь?

— Дойду.

Шел я дальше один и как будто просыпался по дороге от долгого сна. Знакомое узнавал с удивлением. Вместо трех дней все шесть мы с дядькой проездили. Неизвестно теперь, что там меня ждет. С каждым шагом я все сильней торопился. Про свою ношу как-то забыл совсем, будто пустой шагал. Все быстрей, все тревожней.

Последний подъем. Узкая, посыпанная шлаком дорожка петляет по склону, выводя из балки на гребень. Там уж рукой подать. Я побежал. Вон, от того окопчика уже и нашу крышу должно быть видно. Вот окопчик. А крыши нет... Да что это я? Ведь это не тот окопчик, это нижний, а там выше по склону еще один есть! Ну!

Взлетел я на последний бугор и застыл: крыша на месте. И дом на месте. Наверное, надо было себя ущипнуть или хоть глаза

протереть, но я ничего такого не сделал. Просто стою и на свой же дом пялюсь в потемках, будто в первый раз увидел. В затылок что-то стучало тяжелым молотком. Дом на месте. И крыша на месте.

Ни звука нигде, ни огонька. Железные трубы времянок из окон торчат в разные стороны, и ни одна еще не дымится: спят люди как ни в чем не бывало!

Не знаю, сколько так простоял. Видно, отдышался. Вдруг из подъезда черный комок выкатился и стремглав ко мне. Дворняга наша Пунька — моя любимица. Ишь ты, темно, а вот издали узнала! Скулит, прыгает, крутится волчком. Пунька! Чудо ведь это, Пунька! Дом-то наш... Понимаешь, нет? Эх, дурочка ты моя!.. Ну, на, на, облизывай — вот присяду к тебе — на! Что ж ты меня совсем повалила? Гляди вон, патоку не опрокинь, все тебе игрушки, дурочка! Ну, давай, рви рукавицу — не жалко. Ничего мне, Пунька, не жалко.

Раскинул я руки по снегу и как заору на весь Темерник песню, что с Федором разучивал.

Пунька подхватила, залилась колокольчиком. В разных концах откликнулись другие дворняги. И вот в доме первый огонек засветился — в нашем окне! Значит, мать уже вернулась домой и, конечно, не спала. Ну вот и я. Вот и я вернулся...

Дома меня ждал подарок. На кушетке, прислонясь к стене запрокинутой головкой, стояла мандолина. Оказывается, Федор уехал куда-то из нашего города. Насовсем. Нина перешла жить к своей родне.

* * *

Никакого пожара в доме не случилось, и куда та пулька запропастилась, неизвестно: то ли ее вместе с углем в печку сунули, и она там преспокойно сгорела, то ли она куда залетела так удачно,— например, между кирпичами,— где и поджечь-то нечего. А может, мне тогда померещилось со страху, будто оболочка разорвалась? Может, на самом деле ее только царапнуло слегка зубилом, а фосфор вовсе не загорелся? Не знаю. Больше я ее не искал.

А мандолина у меня до сих пор цела. Иногда играю. Правда, ничего нового пока так и не разучил.

В. ЗАХАРЕНКО,
кандидат биологических наук

Вихрь под микроскопом

Более ста лет назад было сделано величайшее открытие в биологии. Ученые смогли доказать, что люди, растения, животные, микробы состоят из клеток и продуктов их деятельности.

Микроскоп — такой, казалось бы, обычный прибор, который есть в любой школе,— позволил сделать это открытие: сначала увидеть клетки в растениях, а затем доказать, что из клеток состоит все живое.

Позднее, уже в наше время, появился новый, невиданный прибор — электронный микроскоп.

Если прежде клетка под микроскопом казалась мутной капелькой, где с трудом различалось темноватое ядрышко, то теперь можно было рассмотреть клетку в подробностях. Были отчетливо видны все те живые ниточки, крупинки, клубочки, зернышки, которыми она буквально набита. Электронный микроскоп позволил разглядеть не только саму клетку, но и составляющие ее молекулы.

Изучение молекул раскрыло великие тайны живой клетки.

Так родилась наука молекулярная биология — одна из важнейших сейчас в мире. В этой области уже сделаны и наверняка еще будут сделаны открытия, которые принесут человечеству избавление от многих болезней, позволят создать новые лекарства, новые продукты питания, новые виды кормов для сельскохозяйственных животных.

Что касается болезней, то, по существу, почти все они — в том числе грипп, авитаминоз, опухоли — связаны именно с нарушениями в жизни клеток. И если мы поймем законы жизни здоровой клетки, сможем справиться и с ее болезнями.

«Живая вода» — в любой аптеке

Ты, наверное, слышал о новом лекарстве интерфероне? Оно помогло многим, заболевшим вирусным гриппом.

Лекарство это продается в любой аптеке. В приложении к нему написано, что интерферон — белок, который из-за болезни не вырабатывается в организме в необходимом количестве — достаточном, чтобы победить грипп быстро, в первые же дни.

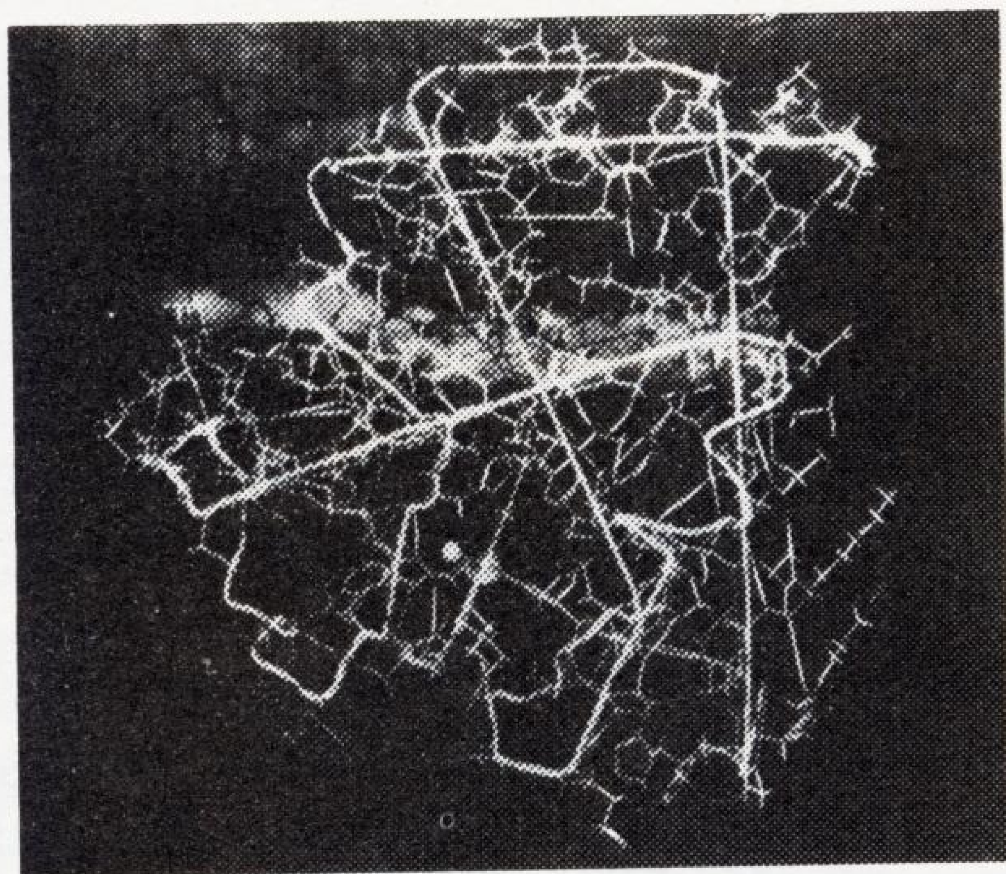
Откуда же взяли этот драгоценный белок? В том-то и дело, что его нет в природе в таком виде, чтобы дать больному. Интерферон можно получить только из клеток. Как этого добиться? Надо было как-то заставить их вырабатывать это нужное нам вещество.

И вот получено это чудо-лекарство, получено из

клеток донорской крови в лабораториях научного института. Столь велика в нем нужда, что из лабораторий оно очень быстро попало в аптеки...

Так же получены и другие лекарства — белки, особо питательные белковые корма для животных — дрожжи, микроорганизмы.

Как же живая клетка производит нужные для жизни вещества?

Завод, который работает со скоростью света

Невероятно сложной и запутанной казалась поначалу жизнь молекул в клетке. Но постепенно усилиями ученых разных стран в этом кажущемся беспорядке проступили организованность и высочайшая четкость.

Оказалось, что даже самая простая, самая немудреная живая клетка — скажем, крошечная бактерия — работает как огромный завод. Здесь идет более тысячи различных химических процессов. Для сравнения скажем, что такого размаха работ нет ни на одном самом сложном химическом заводе...

Особенность живого завода еще и в том, что все работы здесь выполняют молекулы да и сам завод состоит из молекул. «Стены цехов», «станки», «сырье», «инструменты», «транспорт», даже «рабочие» и «инженеры» — все это состоит из молекул. Их множество, они разных типов и разной величины.

Есть простые малые молекулы, есть гигантские — макромолекулы.

Молекулы каждого типа находятся как бы на определенной должности и выполняют определенную работу. Малые молекулы служат строительным материалом, запасами энергии, сырьем для химических превращений.

Макромолекулы занимают должности посолиднее, и работа у них посложнее: они отвечают за слаженную работу всех деталей, всех молекул в клетке.

Более того, макромолекулы заведуют превращениями малых молекул, собирают самих себя из простых и разбирают на составные части те макромолекулы, которые выполнили свою работу или неисправны и не могут работать. Все, что годится, немедленно идет в дело. Немедленно потому, что на этом заводе все происходит с огромной скоростью. Так и идет не останавливающийся ни на мгновение процесс жизни клетки — все время производятся ее новые детали, старые разрушаются, ненужное выбрасывается из клетки. Здесь все так строго организовано, что просто нет места для хлама — того, что не идет немедленно в работу.

Продукция клетки — она сама, ее жизнь, способность сохранять себя, противостоять болезни, холоду, жаре, способность производить потомство.

Конечно, сравнение живой клетки с заводом неточное. Нелегко представить себе работы, которые протекают со скоростью света...

И тем не менее что-то подобное происходит с молекулами в клетке. Причем самую активную деятельность развивают макромолекулы одного типа — белки.

Их здесь больше всего, и они-то и есть главные работники. Именно они из «сырья» (малых молекул) строят молекулы всех других типов — и малые, и большие, и самих себя.

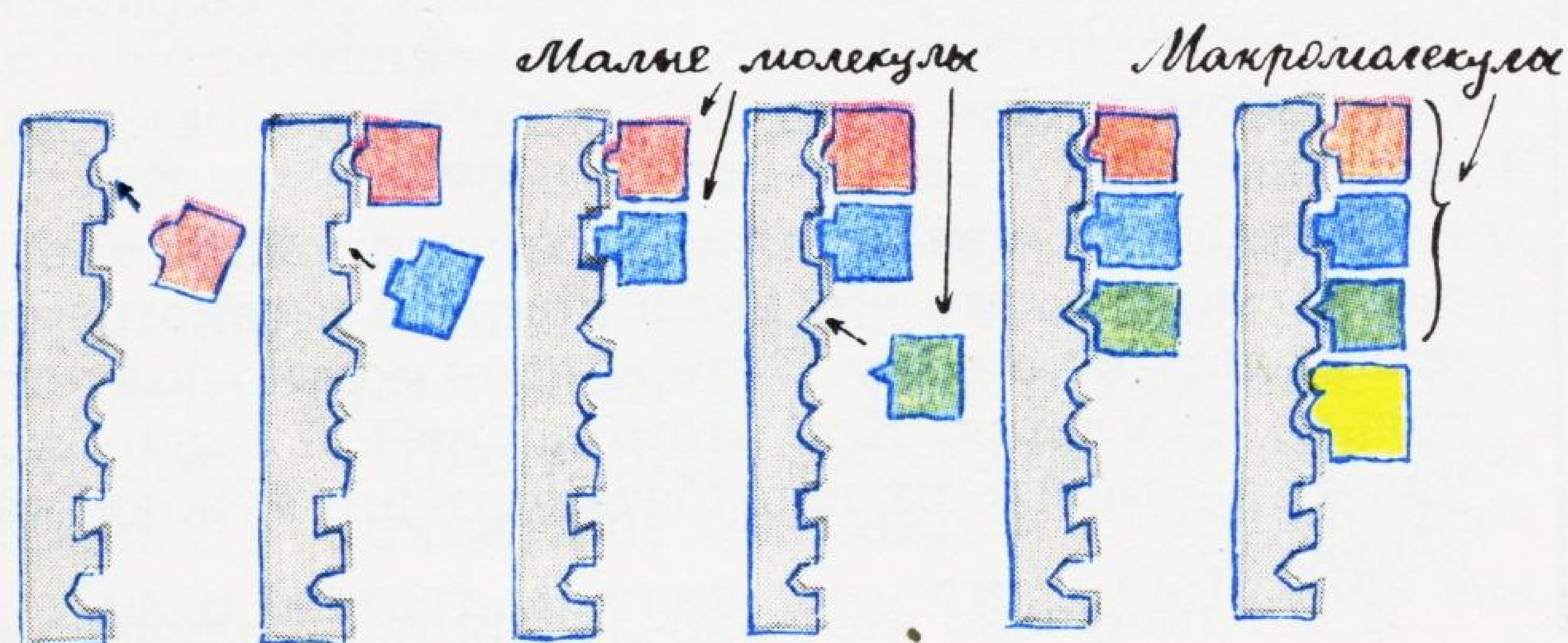
Кроме того, белки еще и превращают одни молекулы в другие. Причем и это происходит с невероятной быстротой — до 1 миллиона превращений в минуту! Даже ученые, потрясенные этими скоростями, называют жизнь клетки, работу белков «вихрем молекул»... Ни на мгновение не прекращается создание главных работников — белков.

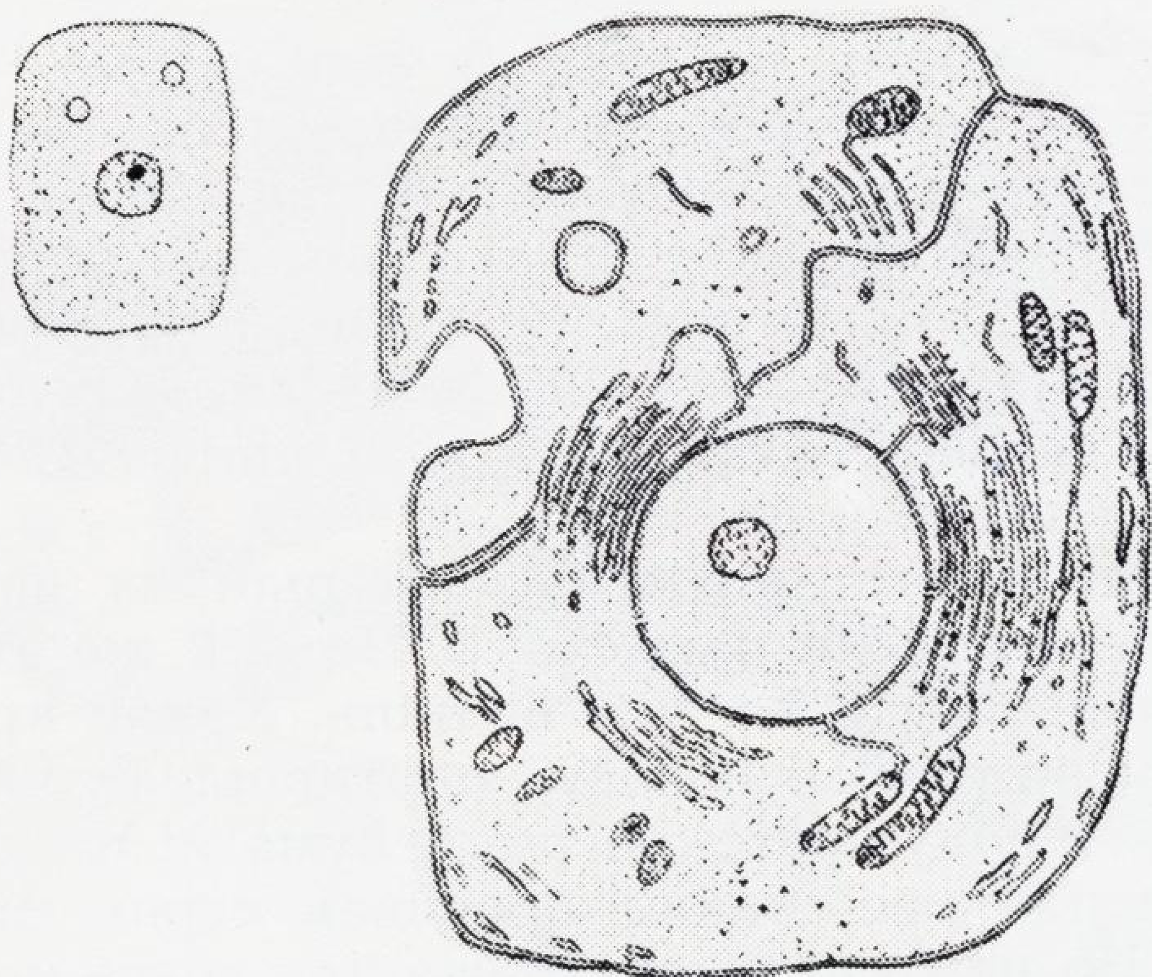
И пока белки работают, пока действует этот живой завод, живой конвейер — все в клетке идет нормально.

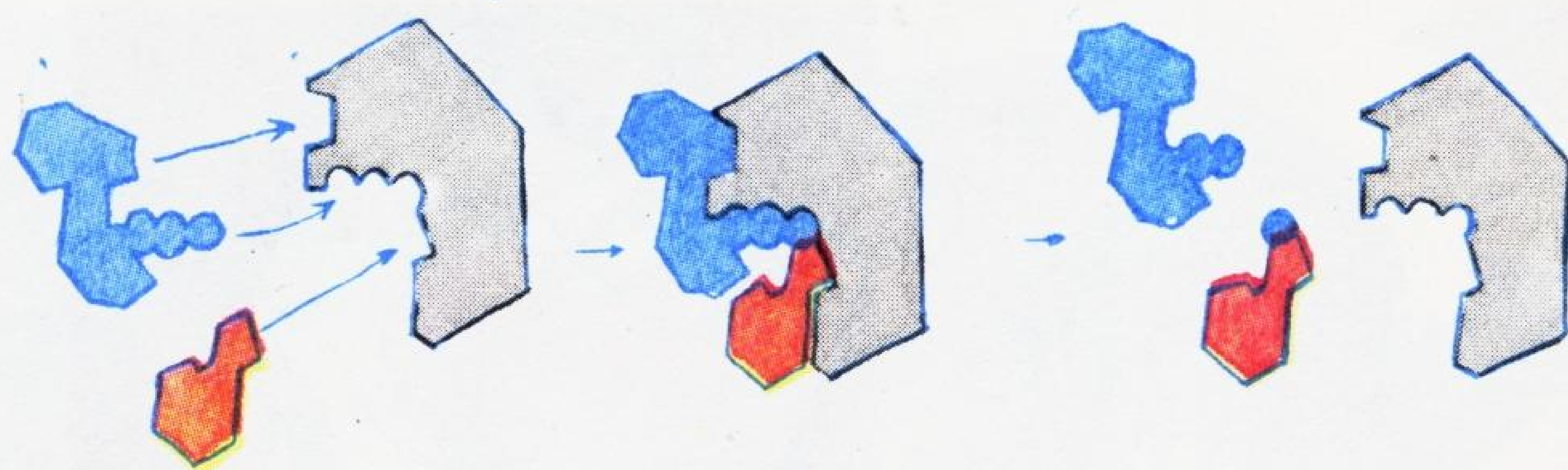
Молекулярная биология изучает как раз те законы, по которым действует этот животворный вихрь.

На этих схемах показано, как молекула белка из простых молекул — «заготовок» строит новую сложную молекулу.

А эта белковая молекула «умеет» так перестроить две сложные молекулы, что появляются две совершенно новые молекулы.

Все живое на земле — растения и животные, люди и птицы, водоросли и бактерии — состоит из клеток. Это открытие было сделано сто лет назад, когда живая клетка под микроскопом казалась мутной капелькой (маленький рисунок справа вверху). Сейчас ученые в электронный микроскоп видят многие детали ее строения и даже создают модели молекул, составляющих клетку (фото слева вверху).

Чтобы понять эти законы, нужно знать и физику, и математику, и кибернетику, и, конечно, биологию. Все это у тебя впереди. Поэтому сейчас мы расскажем тебе немного лишь о самых простых законах, которым подчиняются молекулы в живой клетке...

Клубки и цепочки

Как же представить себе макромолекулу белка? Скорее всего, ее можно сравнить с длинной цепочкой. Одна макромолекула построена из разных сочетаний 20 простых молекул. Как одни и те же буквы алфавита по-разному соединяются, образуя слова, так и простые молекулы образуют разные белковые цепочки. Но цепочки эти не растянуты, а свернуты в клубки. И в клетке — множество белковых клубочков, рядом с которыми пристраиваются — все время меняясь — другие простые и сложные молекулы.

Именно белковые клубочки здесь самые главные: они не просто занимают место в пространстве, они взаимодействуют со своими соседями, да так, что те, как говорится, меняются на глазах.

Это взаимодействие с ближайшими соседями и есть настоящая работа белковой молекулы. Начинается эта работа тогда, когда к белковому клубочку на необходимое расстояние приблизится другая молекула.

Белковый клубочек устроен так, что для каждого типа других молекул у него строго определенное место. Приблизившаяся к нему молекула подходит к этому участку как ключ к замку.

Посмотри на рисунок. Вот к белку (он обозначен полоской с отверстиями разного вида) присоединились три разные простые молекулы — заготовки. Они различаются по форме, и потому каждая подошла к соответствующему участку.

Клубок белка как бы «дышит» — то чуть увеличивается, то сжимается. Поэтому присоединившиеся простые молекулы могут сближаться, «склеиваться», «сращиваться» в новую молекулу. А потом при дыхании форма клубка изменяется снова — «продукция» освобождается и отсоединяется от белка.

Когда только что родившаяся большая молекула отошла от активного белка, он готов «штамповать» новую продукцию.

Самое интересное, что белок не расходуется при этом и не разрушается. А ведь участвует в миллионах таких реакций!

Так же в клетке создаются и сами белки и тот нужный нам интерферон, который мы потом покупаем в аптеках...

Мы рассказали пока об одном, может быть, самом простом занятии белка: штамповать из простых молекул-заготовок составные сложные, в том числе и себе подобные, белковые.

На втором рисунке — другой белок, другой тип клубочка. У него иной «инструмент», другая «наре ка», подходящая для других «ключей». Из двух сложных молекул он делает тоже две сложные, но другого состава.

На схеме хорошо видно, как от одной сложной молекулы отходит ее часть, соединяясь с другой. Получились две совершенно новые молекулы...

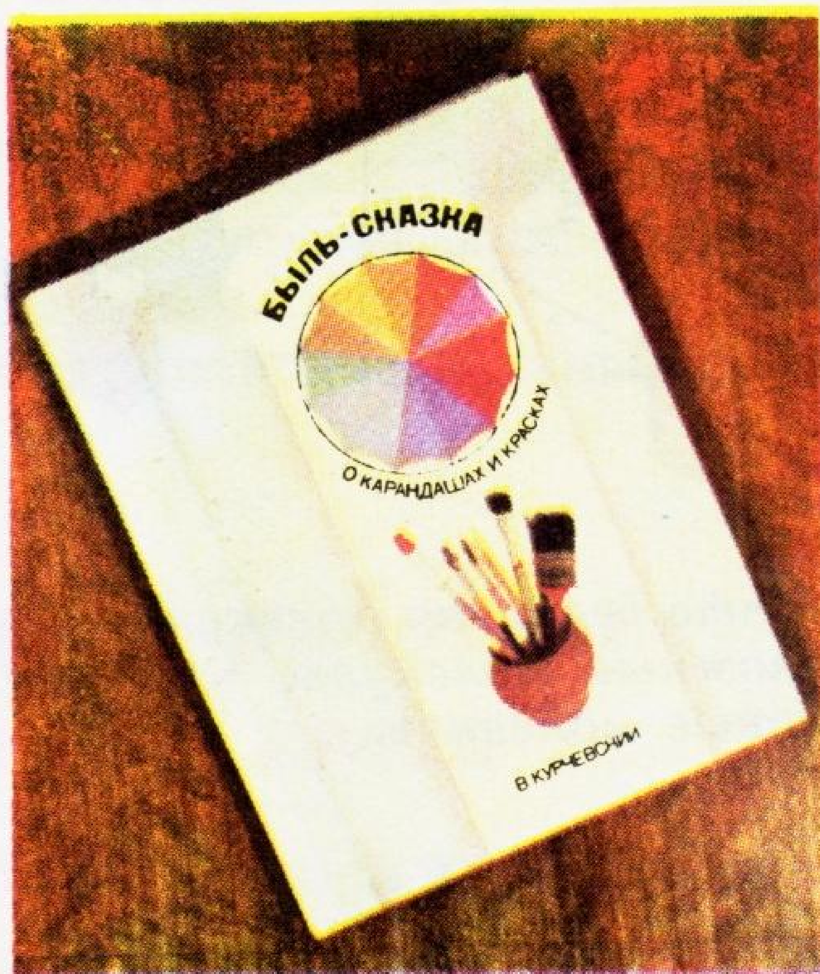
Все это лишь малая часть тех превращений, которые постоянно идут в клетке. Ученые уже знают о существовании внутриклеточных роботов, которые работают по заданной программе. Знают о внутриклеточном транспорте и других сложнейших механизмах работы живой клетки.

Разгадка некоторых из них уже дала в руки способы борьбы с болезнями. Новые открытия и исследования сделают человека еще могущественнее!

Рисунок Ю. РОДИНА.

Что нам читать?

Какого цвета снег?

Все-таки удивительное это дело — видеть мир. Понимать его красоту, чувствовать запахи, различать краски.

Белый снег вовсе и не белый на самом деле — многоцветный. И в зеленой траве много красок. И голубое небо тоже, конечно, не просто голубое. И даже чашка, обычная фарфоровая чашка, перестает быть просто белой, если рядом с ней положить желтый лимон. Не веришь? Попробуй сам!

Многие думают, что открытия ждут их где-то далеко — на Северном полюсе или в пустыне. А оказывается, что целая страна раскинулась совсем рядом, можно даже сказать — под рукой. И книга художника **Вадима Владимировича Курчевского «Быль-сказка о карандашах и красках»** — это путешествие в Страну красок и карандашей.

Что нужно, чтобы путешествие было настоящим? Открытия!

Открываем новую игру. Называется «Кляксография». Ставишь на лист бумаги кляксу — самую обычную, за которую в школе ругают,— и потом стараешься дорисовать кляксу так, чтобы получилась собака, пароход или что-нибудь еще...

Еще в путешествиях нужен гид, проводник.

Веселый человечек Чуфело-Марзуфело будет сопровождать тебя через всю книгу. С ним не соскучишься!

...Нет такого человека, который за всю свою жизнь ничего не нарисовал. Но как же это трудно — нарисовать то, что видишь. Какой красивый пейзаж за окном! И какие противные бурые пятна деревьев получаются на листе бумаги! Какой замечательный пес, какая красивая серая шерсть у него! Но на бумаге он получается вовсе не симпатичным, а цветом почему-то напоминает грузовик, долго ездивший по пыльным дорогам.

Трудно передать на бумаге увиденное. Но, путешествуя вместе с Чуфело-Марзуфело по Стране красок и карандашей, ты приобретешь множество навыков, необходимых каждому, кто хочет рисовать. Ты научишься правильно перемешивать краски. Узнаешь, из чего делают грифель и почему у карандашей разный характер: у одних твердый, у других — мягкий. Поймешь, что такое композиция рисунка и зачем нужна на картине перспектива.

Так что же такое книга Вадима Курчевского?

Путешествие в Страну красок и карандашей, которое приятно, полезно и интересно совершить всем? Да, путешествие.

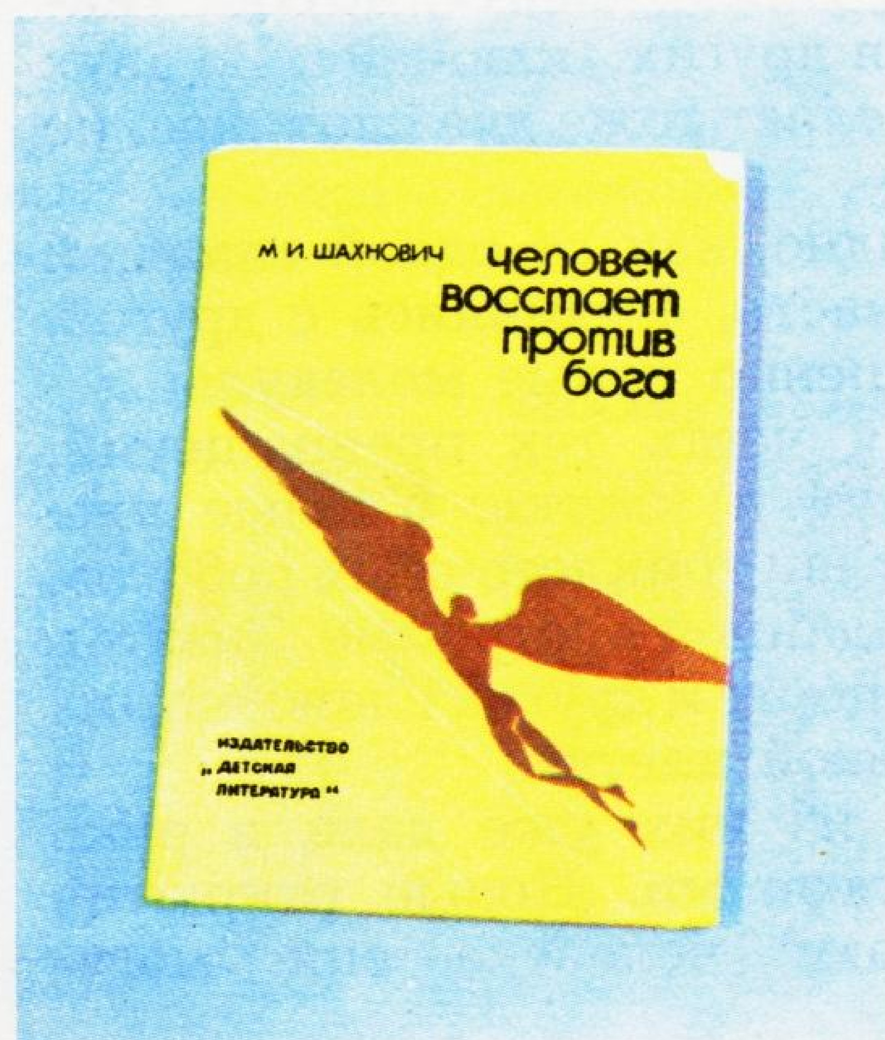
Или, может быть, эта книга — увлекательное пособие для юных художников? Да, пособие.

А еще — эту книгу полезно прочитать бабушкам, дедушкам, папам и мамам. Недаром же в ней есть глава «Только для взрослых» и даже специальные «Задания для родителей».

Андрей МАКСИМОВ

НЕ ПРОПУСТИ: НОВАЯ КНИГА

ЧЕЛОВЕК ВЕРНУЛ СВОБОДУ

Широко известна древнегреческая легенда о Дедале и Икаре. Отец и сын были прекрасными ремесленниками, людьми, о которых говорят, что у них золотые руки. Однако судьба была к ним сурова, они попали в рабство. Тогда, чтобы вернуть свободу себе и сыну, Дедал из перьев и воска смастерил крылья. Прикрепляя крылья к рукам Икара, Дедал предупредил его, чтобы он не поднимался слишком высоко — солнце растопит воск и не спускался слишком низко — брызги морских волн намочат перья. Стремясь к свободе, Дедал и Икар оттолкнулись от скал и взлетели в небо. Все было так необычно и красиво, что Икар забыл о наставлениях отца и поднимался все выше и выше. У смельчака мелькнула гордая мысль посмотреть на обитель богов. В гневе на Икара нахмурил брови повелитель греческих богов Зевс и приказал богу солнца Гелиосу своими лучами растопить воск на крыльях. Тяжело поплатился за свою смелость Икар: с огромной высоты рухнул он вниз и погиб в морской пучине.

Обычно Икара изображают со сломанным крылом, но на обложке книги «**Человек восстает против бога»** он гордо стремится к солнцу. И это не случайно, автор — известный советский атеист и историк, профессор **М. И. Шахнович** — написал книгу о людях, которые восставали против бога и побеждали суеверия.

Прочитайте книгу, и вы узнаете: сколько вер на свете? Что такое религия? Почему она возникла? Кому поклонялись люди? Откуда взялось многобожие? Если к этому добавить, что книга увлекательно написана, а художник Б. Забирохин ее хорошо оформил, то можно сказать, что издательство «Детская литература» сделала вам прекрасный подарок.

В. ЧЕРТИХИН

Ведет А. ДРУЯНОВА.

ПЕРЕМЕНКА

Читателей «Переменки» всегда интересуют успехи ровесников — их первые роли в кино, на сцене. В этот раз мы отобрали ваши письма, адресованные **Оле РОЖДЕСТВЕНСКОЙ.**

Корреспондент. Оля, сколько тебе лет и сколько лет ты поешь?

Оля. Мне двенадцать лет. Столько я и пою... В шесть лет я спела песни к мультфильму «Книжкин дом». Их написал композитор Алексей Рыбников. Ему понравилось, как у меня получилось, и он пригласил меня потом еще — записать песни для кинофильма «Про Красную Шапочку».

Корреспондент. Скажи, Оля, а трудно записывать песни?

Оля. Один раз было очень трудно: тогда я восемь часов стояла у микрофона в студии. Не получалось никак.

Корреспондент. А сколько всего песен ты спела?

Оля. Не знаю даже! Наверное, к двадцати фильмам, потом еще на пластинках, потом песенки к телевизионным передачам... С мамой мы много поем вместе в концертах. Мама у меня очень строгая. Когда мама и папа (он тоже музыкант) говорят, что я спела хорошо, бывает здорово!

Корреспондент. Вот ты записываешь песни для кинофильмов. А сама в кино снималась?

Оля. Да. В фильме «Я придумываю песню».

Корреспондент. Ну, и как было на съемках? Интересно?

Оля. Красиво там очень было, фильм в горах снимали. Я играла девочку, которая хорошо поет. Девочка живет в ауле, пасет овец... У меня были «подшефные» овцы, козел и петух. Вот с ними я намучилась! Овцы не хотели пастись перед кинокамерой, петух не желал по команде взлетать на забор, а козел был хуже всех! Он по сценарию должен был меня слушаться, ходить за мной по пятам, а он все хотел меня забодать!

Корреспондент. А сейчас ты не снимаешься?

Оля. Нет. Я сейчас выросла очень... Вот недавно приехал к нам один режиссер (у него была для меня роль), поглядел на меня и ахнул: «Ну и вымахала! Я думал, ты еще маленькая, а ты уже такая большая... Не подходишь!» И уехал...

Корреспондент. Наверное, и петь тебе теперь труднее? Раньше, в шесть, в семь лет, с тебя меньше спрашивали...

Оля. Нет, со мной никогда не сюсюкали! А сейчас петь хоть и труднее, но интереснее.

Корреспондент. Оля, а как у тебя дела в школе?

Оля. Учусь без троек. А вот поведение не всегда примерное. Еще в музыкальной школе учусь. Там все хорошо. Еще занимаюсь хореографией.

Корреспондент. А как же ты успеваешь? Уроки, занятия, концерты, съемки, записи...

Оля. Стараюсь...

Корреспондент. А что ты любишь делать в свободное время?

Оля. Играть в куклы и петь!

Беседу вела Марина ПОТОЦКАЯ.

Читателям журнала „Пионер" желаю удачи и хорошего настроения!

Оля Рождественская.

Есть ли у тебя увлечение?
Приносит ли оно радость окружающим?
Чем заняться в свободное время, чтобы польза была не только тебе, но и другим?
Наша новая рубрика о тех интересных, увлекательных занятиях, без которых жизнь скучна и однообразна.

Открываю подводные тайны!

В нашей комнате на старои квартире аквариум поставить было негде. И все же в один прекрасный день на окне появилась трехлитровая банка из толстого зеленого стекла. Накануне утром мы с папой съездили в зоомагазин и купили четырех рыбок — гуппи, меченосца, золотую рыбку и петушка. В том же магазине мы купили растение, у которого было много листьев — гибких зеленых ножей и трех улиток, похожих на рубиновые бусинки. Все это мы поместили в банку, и я застыла у зеленого стекла часа на два. Все, что я наблюдала, было удивительно.

Растение колыхало листьями-ножами, улитки-бусинки расползлись в разные стороны, высунув крошечные рогатые головки... А рыбки! Рыбки переливались всеми цветами радуги, резвились и, как мне казалось, были очень довольны своим новым домом.

Я и не подозревала пока, что у меня на окне появилась банка с тайнами. Через час, подойдя к банке, я увидела: у гуппи и золотой рыбки изрядно обкусаны, обтрепаны хвосты. Водоросли каждое утро оказывались выкопанными и беспомощно плавали в воде. Через несколько дней вода в аквариуме потемнела, стала мутной.

Как-то у своих знакомых я увидела аквариум с необыкновенной красивой корягой на дне — вода от нее казалась янтарной, медовой. «Вот бы мне такую корягу!» — загорелась я и, недолго думая, нашла в лесу подходящую, вымыла ее под краном, спустила в многострадальную банку. Через несколько дней вода начала гнить, погибли все рыбы!

Тайны переполнили мою банку.

Однажды осенью я гуляла в одном тихом московском сквере. Падали с деревьев холодные и яркие листья. Дворники собирали их в кучи и жгли. Пахло горечью. Настроение у меня было грустное, и вдруг я увидела... Несколько мальчишек в куртках нараспашку и вязаных разноцветных шапочках шли через сквер и тащили в руках банки с рыбками. Рыбки качались в воде, как в гамаках.

— Ребята, куда это вы идете? — спросила я.

— Как куда? В клуб аквариумистов.

Я пошла за мальчишками.

И попала в удивительную комнату. Все четыре стены ее были заставлены от пола до потолка аквариумами. Некоторые из них были освещены, некоторые нет, в одних плавали неторопливые томные золотые рыбки, в других — стайки барбусов, в третьих — зеленели гибкие пышные растения. Везде булькала, продувалась воздухом вода.

В комнате я увидела много людей с деловыми, озабоченными лицами. Они суетились у аквариумов, тихо переговаривались, были похожи на озадаченных волшебников. Ко мне подошел руководитель клуба Юрий Иванович Дроздов.

— Хотите у нас заниматься? — спросил он.

Да, действительно — желание заниматься в этом клубе просто обуяло меня. Здесь-то наверняка все мои тайны будут разгаданы!

Юрий Иванович предупредил меня:

— Аквариумистика — дело серьезное. Каждый, кто увлекается разведением рыбок, обязан много знать, многое прочитать. Одним словом, быть в своем увлечении корифеем. Придется много работать.

Я решила стать корифеем. Немедленно и бесповоротно.

И для начала докопаться до отгадок моих тайн. С помощью, конечно, Юрия Ивановича.

Мы ходили по выставке клуба — большому залу, в котором не стены, а гигантские аквариумы, целое подводное царство.

— Юрий Иванович, смотрите, здесь вода чистая, а у меня в банке сразу мутнела. Я ее меняла, меняла. Замучилась.

— Ну, то, что вода мутнела, ничего страшного. В свежей воде, залитой в аквариум, развиваются разные бактерии в огромных количествах. Потом они исчезают, уничтожают друг друга, и вода снова становится чистой. Поэтому нужно сначала посадить растения, налить воду и подождать неделю-полторы, а потом запускать рыб.

Мы ходили и ходили по выставке, а Юрий Иванович рассказывал и рассказывал. И все мои тайны разгадывались.

Оказалось, петушок — агрессивная рыбка. Необходимо держать красивого драчуна в отдельном аквариуме или банке.

А растение из песка каждый день выкапывала золотая рыбка. Она искала корм, тыкалась носом в песок, случайно поддевала растения. А нос у золотой рыбки — большой, мощный, вот и плавало растение, не сидело, как положено, в песке.

Отгадка про корягу оказалась интереснее предыдущих. Есть, оказывается, разные типы аквариумов: аквариум для рыб тропических озер и рек — в них-то и погружают корни, коряги, но непременно поднятые со дна озер или рек. Если таких нет, то коряги нужно выварить в кастрюле особым способом — сначала кипятить в соленой воде часа четыре, а потом в пресной — полтора-два часа. Есть географические типы аквариумов, в которые подбирают рыб и растения из одной географической области. Есть и декоративные аквариумы — в них сажают разные семейства рыб, лишь бы мирно уживались друг с другом.

И я стала ходить в клуб. Каждый день здесь происходили маленькие, но интересные события.

Каждый день здесь отдавали команды, как на корабле. Пожилому человеку в спортивном костюме — вырастить гуппи новой окраски. Мальчишкам, которых я встретила на осеннем сквере, вручили малюсенькое растеньице величиной с мизинец и сказали: весной принести три растения длиной до полутора метров каждое. А однажды на пороге появился милиционер. Он улыбался. А в руках у него была банка, в которой медленно шевелила плавниками гигантская черная скалярия. Чудо-юдо какое-то! С ладонь величиной!

Однажды я обнаружила в своей банке мальков гуппи. Их было шесть штук! Я помчалась в клуб и сообщила радостную весть своим новым друзьям:

— Представляете, у меня в банке вывелось шесть мальков гуппи!

Я ожидала, что все обрадуются, поздравят меня с моим первым успехом. Но все... рассмеялись.

— У гуппи обычно рождаются тридцать — сорок мальков.

— ???

— Вы отсадили родителей после нереста? Нет. Вот они и поели свое потомство. Частенько такое случается.

Потом начались страдания с кормом. Все чаще я замечала, что мои рыбки не хотят есть сухой корм. А я-то старалась — сыпала сухих червячков!

— Мои рыбки заболели, не хотят брать сухой корм,— пожаловалась я как-то Юрию Ивановичу.

— А вот вы, наверное, никогда не задумывались, что рыб кормить тоже целая наука. Нельзя ограничить обитателей аквариума только сухим кормом. Это значит посадить их на мучительную диету: ведь мы с вами не едим одни сухари?... Рыбы любят и зеленые листочки салата — их надо мелко-мелко нарубить ножницами; скобленое мясо, измельченное, конечно, и кусочки трески, наваги. Очень хороши для них разные каши — овсяная, гречневая и желток сваренного вкрутую яйца... Конечно же, не надо забывать и о живом корме, червяках гаммарусе, мотыле и других — их ловят в озерах и прудах.

...Сегодня у меня дома есть настоящий аквариум: при помощи специального аппаратика я продуваю постоянно воду. Она должна быть насыщена кислородом, а то рыбы задохнуться. Разноцветные камешки усеяли песчаное дно, растения различных оттенков — от салатовых до темно-зеленых — дышат в прозрачной воде, бусинки-пузырьки воздуха карабкаются вверх, к поверхности, а рыбы время от времени подплывают к струйке пузырьков, как к лотку с мороженым, и осторожно глотают серебристые холодные шарики.

Я очень люблю свой аквариум, но каждый раз, любуясь подводной жизнью, задаю себе вопрос: «Все ли подводные тайны раскрыты?»

И. АНДРИАНОВА

От редакции. Если тебя и твоих товарищей заинтересовал рассказ об аквариуме, если ты хочешь завести у себя дома аквариум или организовать в школе кружок аквариумистов, или получить совет знающих людей, пиши в редакцию или в клуб по адресу: город Москва, ул. Волочаевская, д. 11/15, Дворец культуры при заводе «Серп и молот», клуб аквариумистов «Нептун», руководителю клуба Дроздову Юрию Ивановичу.

Тебе обязательно помогут!

Приз Пешкина в Ботевграде

По примеру соревнований клуба «Белая ладья» болгарские пионеры организовали свои турниры команд пионерских дружин. В прошлом году эти турниры были посвящены двум замечательным датам — 90-летию со времени создания Болгарской коммунистической партии и 1300-летию болгарского государства.

По всей стране прошли встречи юных любителей шахмат. Почетные призы Димитровского Союза молодежи, болгарской шахматной федерации и журнала «Пионер» оспаривали более пятидесяти тысяч мальчиков и девочек. Двенадцать лучших пионерских команд встретились на финальных матчах в международном пионерском лагере имени Г. Димитрова.

В одном турнире выступали ребята до 12 лет, в другом — до 14 лет.

После упорной борьбы в старшей группе победили ребята школы имени Н. Вапцарова из города Ботевграда. Их наградили золотыми медалями и специальным призом журнала «Пионер». Лучшего результата в этой команде добился кандидат в мастера **Атанас Колев,** выигравший все партии на первой доске.

Атанас — очень способный шахматист. Уже не раз с успехом он выступал в международных юношеских соревнованиях, и, хотя спорт занимает много времени, Атанас хорошо учится, он отличник.

(Диаграмма № 1)

К этому положению пришла партия, в которой белыми играл **Атанас Колев,** а черными — **Айден Джеферов** (Казанлык). Атанас решительно и четко провел атаку на ослабленную позицию черного короля.

События развивались так:

19. g2—g4 Kf5—g7 20. Kf3—h4 (оттесняя верного защитника королевской резиденции черных) 20... Kg6—e7 21. Фh3—f3 Kpf8—e8 22. Фf3—f6 Лh8—h7 23. Лh1—h3 (в бой вступают резервы, положение черных уже незащитимо) 23... Ke7—g8 24. Фf6—f4 Фa5—d8 25. Лh3—f3 Фd8—e7 26. Фf4—g3 Фe7—d8 (лучше было 26... Ca4) 27. g4—g5! (решающий прорыв) 27... h6:g5 28. Cd2:g5 Kg8—e7 29. Cg5—f6 Kg7—f5 30. Kh4:f5 e6:f5 31. Kpe1—d2 Фd8—c7 32. Cf6:e7 Kpe8:e7 33. Фg3—g5+ Kpe7—f8 34. Лa1—g1 Лh7—h8 35. Фg3—g7+. Черные сдались. Если 35... Kpe7, то 36. Фf6+ и т. д.

В команде ботевградской школы хорошо играл и перворазрядник **Владимир Димитров.** Владимиру 13 лет, но он уже закаленный в шахматных сражениях боец.

(Диаграмма № 2)

Вы видите позицию из его партии с перворазрядником **Стефаном Стоевым** из города Кюстендил. Сейчас ход белых, и, прежде чем забирать пешку c4, Стефан должен был ограничить активность черных путем 34. h3—h4. Но он поторопился и сразу попал в полосу затруднений.

34. Ce2:c4? Kf7—g5 35. Kpg1—g2 (при размене 35. C:g5 C:g5 слон черных вторгся бы в тыл и с поля c1 забрал бы две, а то и три пешки белых) 35... Kg5—e4 36. Cd2—c1 (если 36. Ce1, то очень сильно 36... Cg5) 36... a4—a3! 37. Kpg2—f3 (и здесь лучше было 37. h4) 37... Cf6—g5! 38. Cc1:g5+ Ke4:g5+ 39. Kpf3—e2 a3:b2 40. Cc4—a2 Kg5—e4 41. Kpe2—d3 Ke4:g3.

Исход поединка ясен. Через несколько ходов белые сдались.

Среди команд младшего возраста отличились ребята из школы имени Христо Ботева (город Ихтиман). Ихтиманские школьники на пять очков опередили ближайших соперников и уверенно вышли на первое место.

Всех своих друзей, участников финала, Пешкин наградил «Грамотами Ферзя и Ладьи».

Познакомьтесь — Дима Комаров

Дима живет в Киеве. Играть в шахматы его научил папа, большой любитель этой интересной игры. Тогда Диме было пять лет. Шахматы понравились мальчику, а с семи лет он стал серьезно заниматься изучением теории и участвовать в турнирах.

Много партий проиграл Дима, прежде чем научился побеждать. Но неудачи не пугали юного шахматиста, он упорно работал, читал шахматные книги, анализировал свои партии, искал причины поражений.

Сейчас Диме двенадцать лет. Он уже кандидат в мастера,

участник многих турниров «Белая ладья» и двух юношеских первенств Украины.

Недавно Дима играл в юношеском первенстве ВЦСПС. Противники были значительно старше и опытнее. Но Дима не терялся и удачно выдержал испытание.

(Диаграмма № 3)

Это финал его партии с московским студентом, кандидатом в мастера А. Злочевским. Дима играл черными и правильно учел, что черные должны во что бы то ни стало тормозить развитие белых фигур ферзевого фланга. Если удастся задержать в офсайде ладью a1 и слона c1, преимущество черных станет бесспорным.

18... Kd3—c5! (Отличный ход. В случае 19. Л:d8+ Л:d8 20. K:c5 Лd1+ 21. Kpf2 C:c5 белым очень трудно будет освободиться из тисков) 19. Ke4—d6 Kc5—e4! (связка по линии «d» стоит теперь белым пешки) 20. b2—b3 Cb4:d6 21. e5:d6 Ke4:d6 22. Cc1—a3 Kd6—e4 23. Ca3—e7 Лd8—d5 (конечно, не 23... Л:d1+ 24. Л:d1, белая ладья врывается на седьмую горизонталь) 24. Kpg1—f1 f7—f6 25. Лd1 : d5 e6:d5 26. Kpf1—e2 c6—c5 (белый слон попал в окружение) 27. b3—b4 a5:b4 28. a4—a5 Kpg8—f7. Белые сдались.

Задачи чемпионов мира

«Составляли ли чемпионы мира и другие знаменитые гроссмейстеры задачи и этюды, как они относились к шахматной композиции?»

Об этом просит рассказать **Сережа Воронин,** ученик седьмого класса из Москвы. Выполняем его просьбу.

Многие прославленные шахматисты высоко оценивали значение композиции (особенно составление и решение этюдов) для совершенствования шахматистов. Известно немало задач и этюдов, которые составили гроссмейстеры.

(Диаграмма № 4)

Это знаменитый этюд второго чемпиона мира Эм. Ласкера, опубликованный в 1890 году. Этюд открыл новый метод достижения выигрыша в подобных положениях.

Начиная игру, белые добиваются победы.

(Диаграмма № 5)

А этот этюд составил выдающийся советский гроссмейстер П. Керес. Найдите, как белые при своем ходе достигают выигрыша.

Оба этюда входят в наш конкурс решений. Победитель этого конкурса получит новую книгу чемпиона мира А. Карпова с его автографом. Другие участники заочного соревнования будут награждены грамотами. Срок отправки решений — месяц после получения журнала.

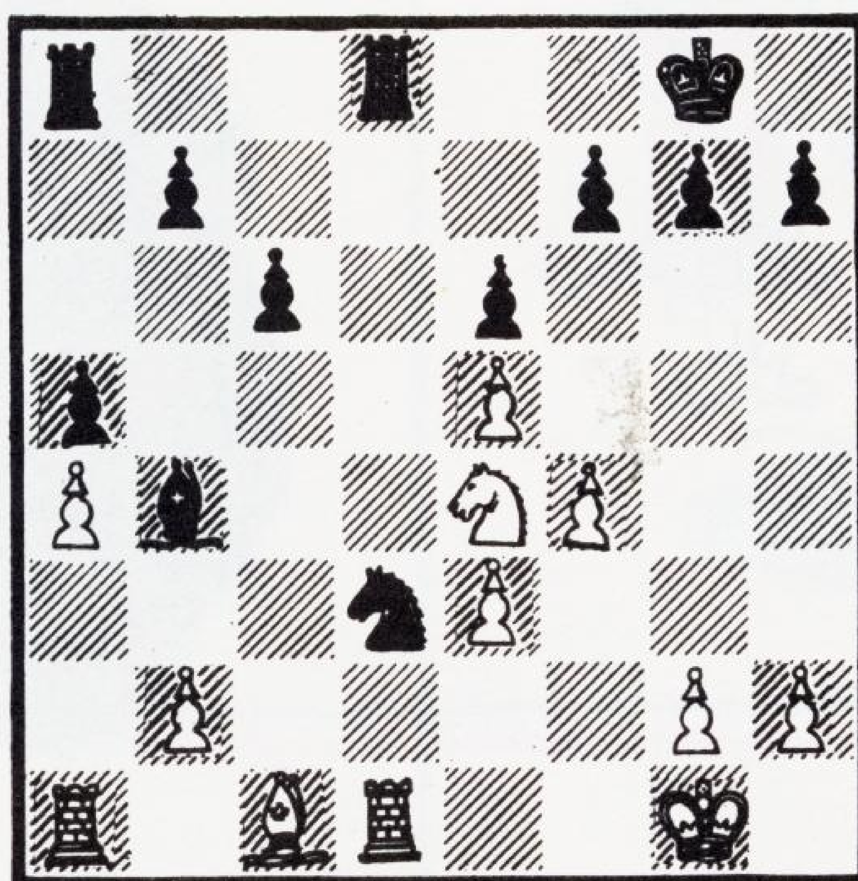

Диаграмма № 3

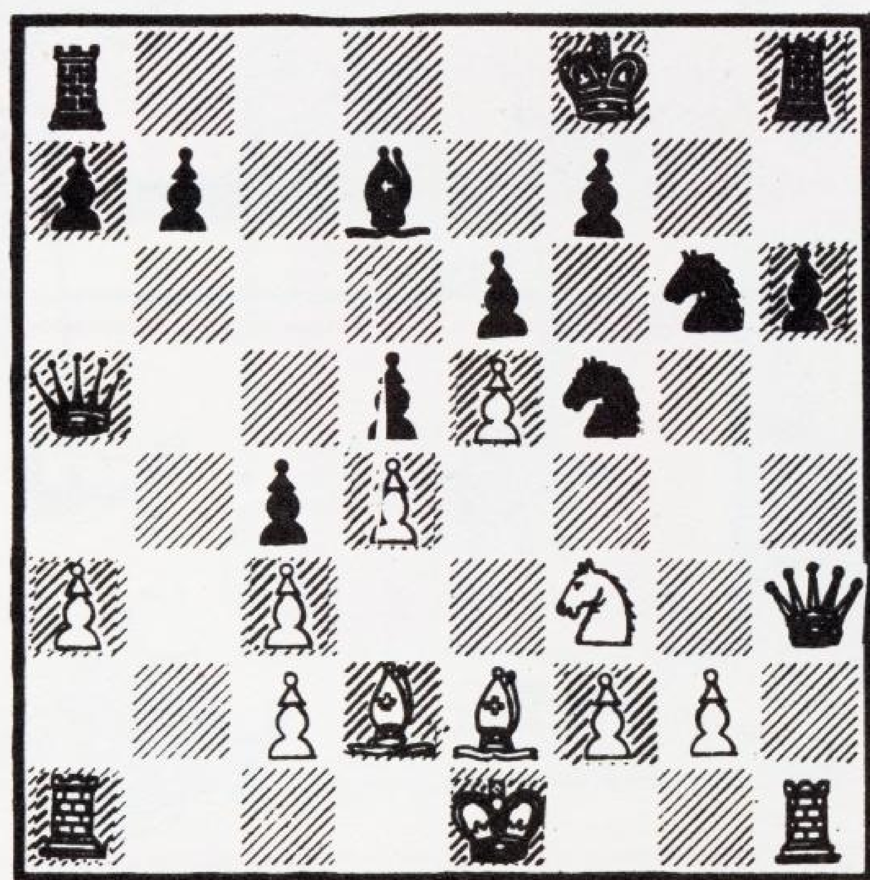

Диаграмма № 1

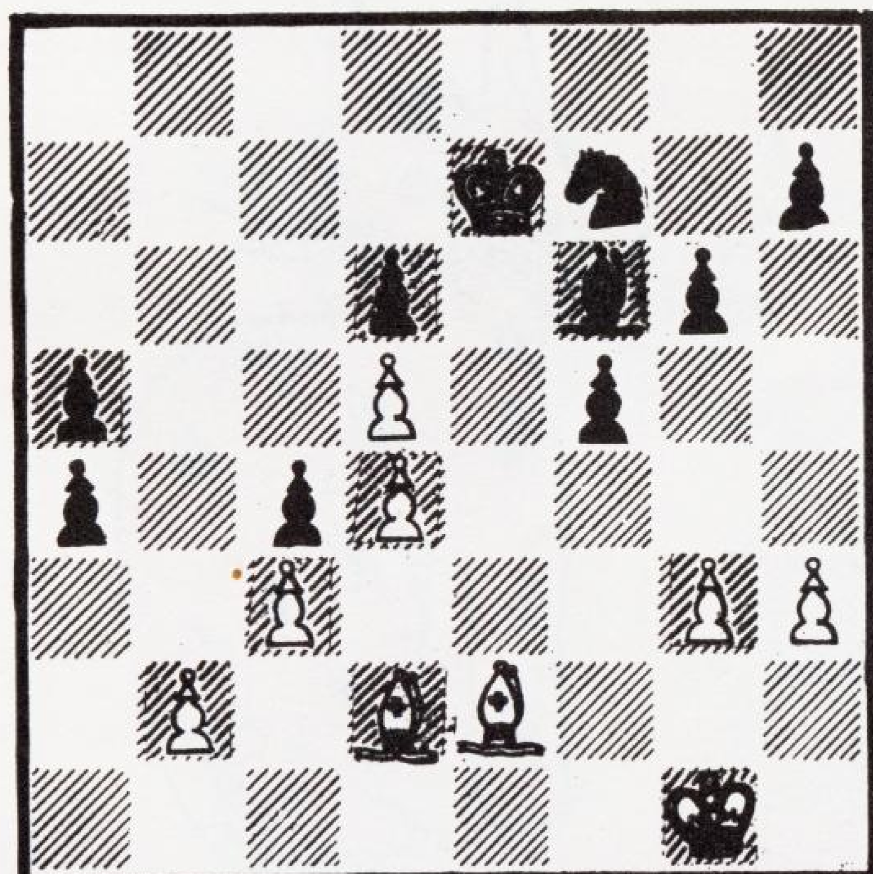
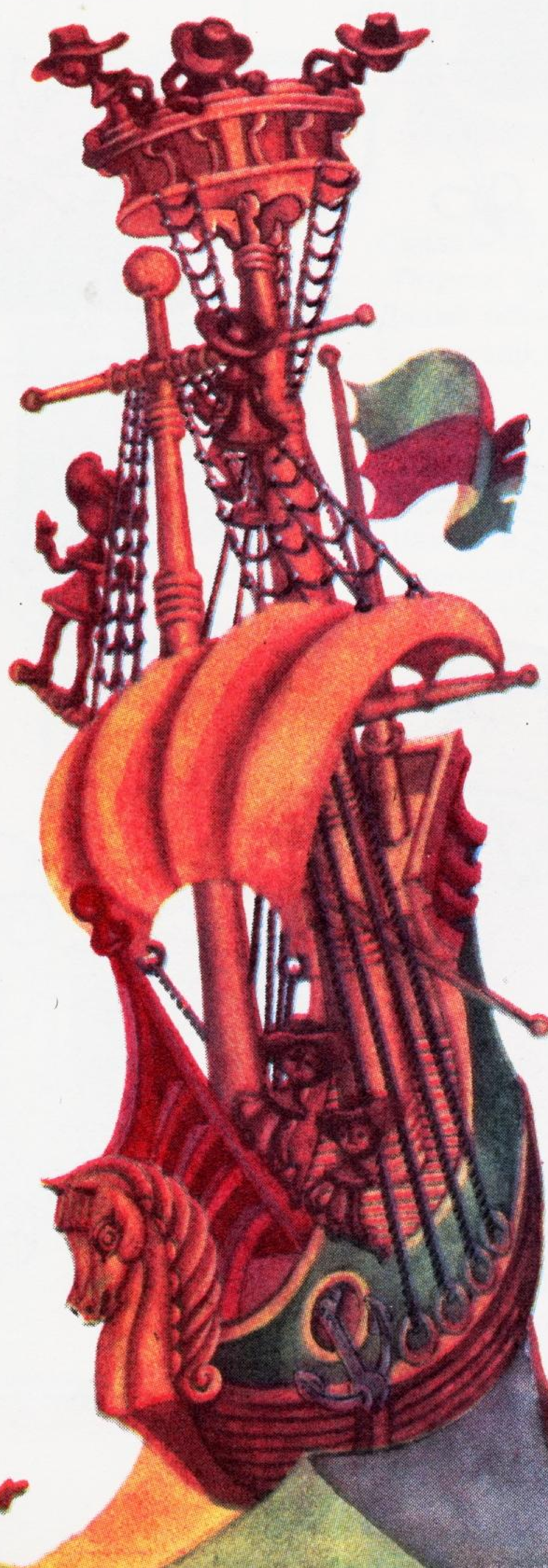

Диаграмма № 2

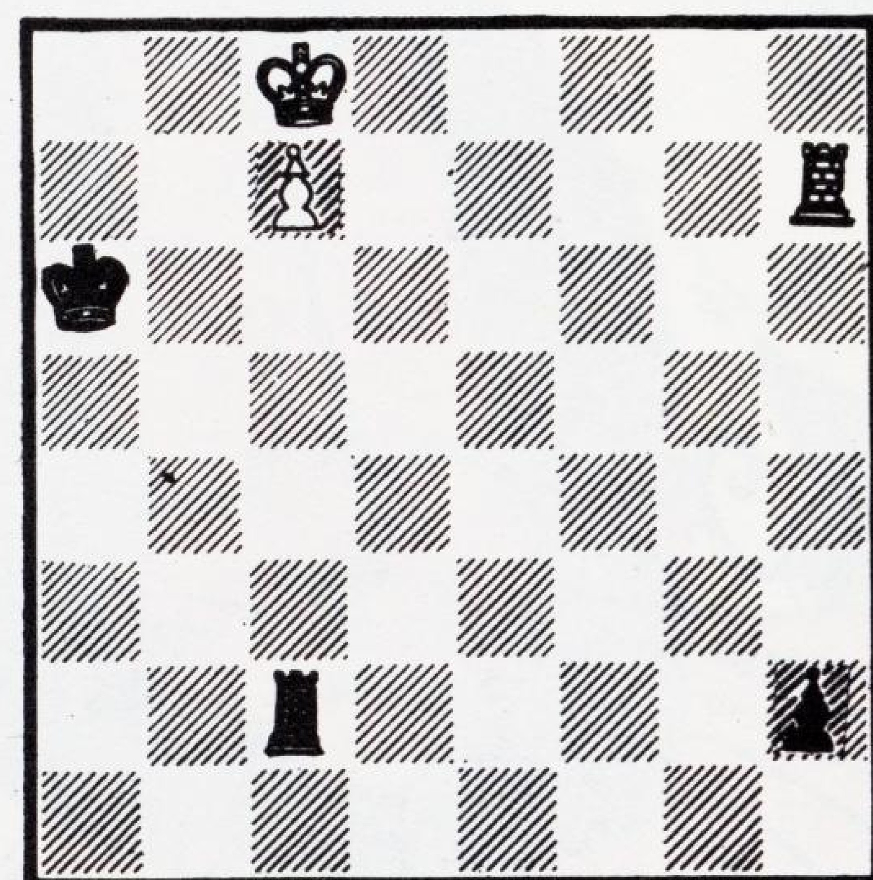

Диаграмма № 4

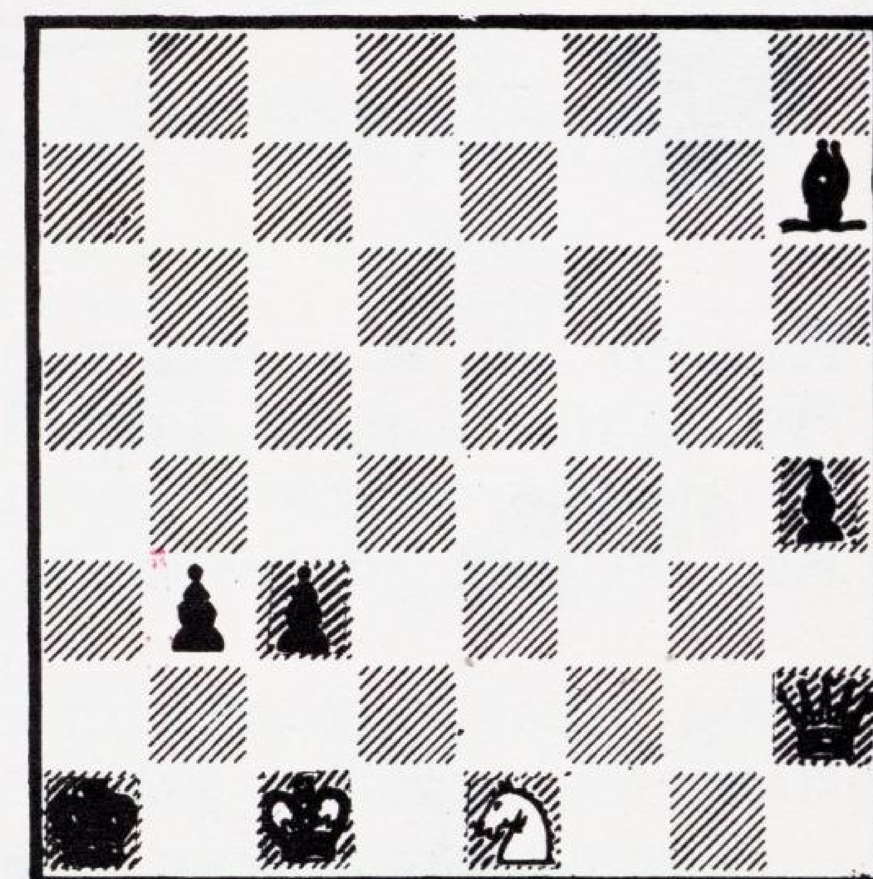

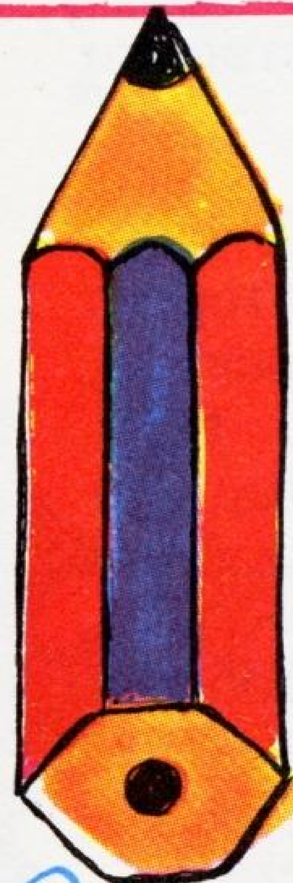
Диаграмма № 5

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Старт финиш

Игры деда Буквоеда

Если ты умом раскинешь,
Верно все слова найдешь,
То, играя в «старт и финиш»,
Первым к финишу придешь!

СТАРТ АРТИСТОПАРАФИН .... *ФИНИШ*

Примечание: при игре надо подбирать такие слова, чтобы их начала и концы соединялись друг с другом не меньше чем двумя-тремя буквами. Например: сокол — колесо — солома.

Кто сильней?

Как-то лев и мышь собрали
На полянке всех зверей
И упрямо спорить стали,
Кто из них двоих сильней.

Спор ужасно долго длился,
Наконец сказала рысь:
— Тот сильней, чья сумма чисел
Будет больше. Разберись!

На острове ПАТАТ
Сегодня шум и визг:
Пять шустрых поросят,
АЗ, ТИ, ГИ, БИ и ВИЗ,
Нашли большую лужу
(Сейчас сезон дождей!)
И стали состязаться,
Кто будет всех грязней!

На столько мест отстал
От АЗА толстый ТИ,
На сколько ГИ стоит
Над ВИЗОМ, и учти —
Ни ГИ, ни ВИЗ не пятый и не третий.

Берись за карандаш!
Хватает данных этих,
Чтобы тобой была
Составлена таблица,
Где правильно места
Должны распределиться.

Игры Лупы и Пинцета

Маркиринт

Сказал шустроглазый братишка сестричке:
«Поучим рыбешку, как плавать в водичке,
Давай объясним ей за первый урок,
Где север, где запад, где юг, где восток».

А знаешь ли твердо ты стороны света?
Сейчас в маркиринте мы выясним это!
Дорогу свою начинайте от стрелки,
Шажок в маркиринте равняется клетке
«5ю» — это значит пять клеток на юг.
В какую страну ты прибудешь, наш друг?

МАРШРУТ: 4з-3с-3з-3ю-5с-9в-3с-5з-2ю-2з-2с-4з-3с.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

Капитан Перо ищет помощника
Надо начинать с третьего мушкетера.

Ключи от каланчи
Ключ № 1 — по горизонтали: укол, жара, яд, по вертикали: лужа, Ока, моряк, клад.
Ключ № 2 — по горизонтали: друг, вера; по вертикали: двор, орел, урок, гам.

Слоговицы
№ 1. Бульдозер, зерно, домино, миноносец.
№ 2. Кенгуру, губа, бакен, рубанок.
№ 3. Гирлянда, снегири, полянка, погода.

Лучшие авторы «Пионера»-81

Дорогие читатели «Пионера»!

В 12-м номере прошлого года журнал «Пионер» опубликовал свою традиционную анкету, где попросил вас ответить на несколько вопросов, рассказать, что понравилось вам в журнале, что бы вы хотели прочитать в юбилейном пионерском году, назвать имена писателей, художников, журналистов, фотографов, чьи работы вам больше всего понравились. И вот почтальон принес в редакцию не один, а несколько мешков с письмами. Жюри прочитало несколько тысяч ответов читателей. И вот что получилось.

Все ребята назвали рассказ **Л. Е. НЕЧАЕВА** «Чугунок картошки» («Пионер» № 8) одним из самых интересных. Всем понравился материал ученого-педагога **Ю. П. АЗАРОВА** «Блистательный мир общения», который публиковался в № 1 под рубрикой «Ты, я, наш отряд». Среди рассказов, статей, корреспонденций о тимуровцах разных поколений самым интересным и значительным оказался материал гайдароведа, писателя, члена всесоюзного штаба Тимура **Бориса КАМОВА** — «Тимуровцы блокадного Ленинграда». Ребята назвали лучшей рецензией года рецензию писателя **Льва РАЗГОНА** на книгу К. А. Тимирязева «Жизнь растения» (№ 6). Писатель **Леонид ЯХНИН** в № 9 пересказал знаменитое «Слово о полку Игореве». Этот пересказ назван среди лучших публикаций 1981 года. Все болельщики хорошо знают теле- и радиокомментатора **Николая ОЗЕРОВА.** Он к тому же постоянный автор нового отдела — «Спортландия». Его комментарии очень понравились читателям нашего журнала. Понравились им и стихи поэта **Нуратдина ЮСУПОВА** в № 8.

В прошлом году в Москве состоялся Восьмой Всесоюзный слет пионеров. На всех событиях побывал фотокорреспондент **Борис ЗАДВИЛЬ,** снимки которого об этом пионерском слете не раз публиковались в «Пионере». Эти снимки — живая фотолетопись страны Пионерии. Читатели назвали их лучшими.

Журнал «Пионер», его читатели поздравляют авторов лучших публикаций 1981 года!

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 30.11.81.
Подписано к печати 15.12.81. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1720000 экз. Изд. № 222. Заказ № 1718.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Алексей ШЛЫГИН

Отец

Читаю географию,
Мелькает строчек ряд
И смотрит с фотографии
Улыбчивый солдат.
С рабочими руками он,
С обветренным лицом...
Теперь стоит он каменный.
А был он мне отцом.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Дед

У деда длинные усы,
Он весь седой и старый,
Но молодят его часы —
Буденновский подарок.
Один раз в день — всегда в обед —
Свои часы заводит дед.
Откроет луковку часов
В чехольчике из кожи
И, тронув кончики усов,
Становится
Моложе!

ЗНАКИ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

Через три года будет сорок лет, как закончилась Великая Отечественная война. Но и сейчас грозные ее следы нередко напоминают о себе — то мы узнаем, что строители извлекли бомбу из котлована, то слышим о найденном проржавевшем снаряде, а то и о целом складе боеприпасов, затаившемся под оживленным шоссе. Тогда на место происшествия срочно выезжают саперы. Немало солдат-саперов, отличившихся при выполнении таких боевых заданий, награждены **знаком «За разминирование».**

Этот знак — один из многих нагрудных знаков, которые вручаются в армии и на флоте в мирное время.

Внимательно рассмотри эти знаки на рисунке — они расскажут тебе о Вооруженных Силах СССР, о том, как отлично служат солдаты, сержанты и офицеры, как замечательно они овладевают оружием, боевой техникой, добиваются успехов и в спорте.

Сегодня мы рассказываем лишь о некоторых знаках войскового отличия.

Нагрудный знак «Гвардия». В годы Великой Отечественной войны появление этого знака отметило выдающиеся подвиги гвардейцев на самых трудных участках фронтов. Сейчас знак вручается всем военнослужащим гвардейских частей и кораблей. Советская гвардия соединила в себе все лучшее, что было и есть в нашей армии и на флоте. Вот почему служить в гвардейской части — большая честь.

Нагрудные знаки «Отличник Советской Армии», «Отличник Военно-Морского Флота», «Отличник Военно-Воздушных Сил». Ими награждаются солдаты и матросы, сержанты и старшины, отлично владеющие своей специальностью, за безупречную воинскую дисциплину, за умелое сбережение закрепленного за ними оружия и боевой техники.

Нагрудный знак «Отличник военного строительства». Знаком награждаются лучшие из военных строителей за выполнение и перевыполнение производственных заданий.

Нагрудные знаки «Отличник погранвойск» I и II степеней. Ими награждаются пограничники, образцово выполняющие свои обязанности по охране Государственной границы Союза ССР.

Нагрудный знак «За боевое траление». В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания экипажи противоминных кораблей-тральщиков очистили от вражеских мин воды многих морей, озер и рек. Но и сейчас еще время от времени происходят поединки моряков-минеров с «рогатой смертью» — как называют на флоте мины. За заслуги в проведении боевого траления, за уничтожение и разоружение морских мин, за мужество и мастерство вручается этот знак военнослужащим Военно-Морского Флота.

Знак «Парашютист». Его вручают десантникам после совершения первого парашютного прыжка с самолета. **Знаком «Парашютист-отличник»** награждаются воины, совершившие не менее 18 прыжков с парашютом и сдавшие необходимые

16-81

ЗНАКИ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ
(нагрудные знаки отличия Вооруженных Сил СССР)

«Гвардия».

«Отличник Советской Армии».

«Отличник Военно-Воздушных Сил».

«Отличник Военно-Морского Флота».

«За дальний поход».

«Воин-спортсмен» I ступени.

«Специалист I класса» (вручается солдатам, сержантам, старшинам).

«Штурман I класса».

«Отличник погранвойск» I степени.

«Специалист I класса» (офицер или прапорщик).

«Командир подводной лодки».

нормативы. **Знак «Парашютист-инструктор»** — для тех воинов, кто выполнил не менее 50 прыжков и сдал сложные нормативы.

Бесчисленными пунктирами опоясана карта Мирового океана. Это маршруты дальних походов наших боевых кораблей. Сегодня советский военно-морской флаг можно увидеть и у кромки арктических льдов и над синими водами тропиков...

Нагрудный знак «За дальний поход» с изображением силуэта подводной лодки или крейсера отмечает заслуги моряков — участников дальних походов.

Знак «Воин-спортсмен» I и II ступеней. Воины, успешно сдавшие нормативы Военно-спортивного комплекса и выполнившие его требования, носят этот знак.

Современный бой предъявляет очень высокие требования к военнослужащим, к их знаниям и умениям. Если в годы второй мировой войны в армии и на флоте насчитывалось немногим более 160 специальностей, то теперь только технических — более 1000. Классные специалисты Вооруженных Сил СССР — те воины, которые образцово освоили оружие и боевую технику.

Нагрудные знаки классных специалистов. В центре каждого знака — буква «М» или цифры «1», «2», «3», означающие умение, классность специалиста (мастер, 1, 2 или 3-й класс).

Летчики и штурманы Военно-Воздушных Сил и войск ПВО отмечаются нагрудными **знаками «Летчик (или штурман) 1, 2, 3-го класса».** Авиаторы высшей квалификации награждаются знаками **«Летчик-снайпер»** или **«Штурман-снайпер».**

Советские офицеры обучают молодежь военному делу, закаляют и готовят, если потребуется, защитить Родину. Подготовка офицеров идет в высших военных училищах и военных академиях. Выпускникам вместе с дипломом вручается **нагрудный знак.**

Специальные нагрудные знаки носят и выпускники суворовских и нахимовского военных училищ.

А. ДОМАНК,
полковник

ISSN 0130—8009
Цена 30 коп. Индекс 70694.